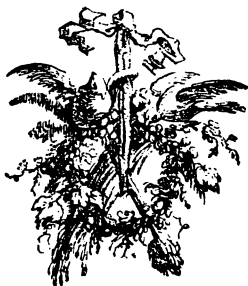

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ XVI.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Предувѣдомленіе.

Слѣдующее повѣствованіе извлечено изъ Журнала Господина С. В. Преншиса [Прапорщика въ восемьдесятъ четвертомъ пѣхотномъ полку], копорой публикованъ имъ въ Лондонѣ въ 1782 году, и копораго вышло въ осьмнадцать мѣсяцовъ пять изданій. Сохраняя со спрогою точностію испорію несчастій, имъ претерпѣнныхъ, я почелъ за должность придашь имъ новую занимательность живѣйшимъ описаніемъ приключеній и одушевленнѣйшею картиною тѣхъ положеній, въ копорыхъ онъ оказалъ сполько силы разума и мужества. Желательно бы было, чшобъ какой нибудь Писатель Философъ изъ великаго числа пупешественниковъ выбралъ такихъ, копорыхъ приключенія

Часть XVI. No. 40. А 2 могли

могли бы произвести полезнѣйшія впечатлѣнія въ юныхъ сердцахъ, приводя въ сильное движеніе ихъ воображеніе и прогая ихъ чувствительность. Изображеніемъ дѣятельности, поспѣяштва, а иногда и самой щасливой дерзости, надлежитъ имъ показывать пѣ испочники, которые человѣкъ всегда находитъ въ самомъ себѣ, будучи въ самомъ опчаяннѣйшемъ положеніи. Такое чпеніе, заблаговременно пригошворяя ихъ къ самымъ особливымъ приключеніямъ, могущимъ возмутить печеніе жизни человѣческой, сообщило бы имъ, нѣкоторымъ образомъ, первой въ томъ опытѣ, и оживило бы ихъ благороднымъ рвеніемъ сносить ихъ съ швердосшію.

Юнымъ моимъ Читателямъ безъ сомнѣнія пріятно будешъ узнать, что по свидѣтельству Лорда Далримпля, Генераль-Адъютанта Генерала Клинтона, и по усердному ходатайству Господина Фишера, бывшаго тогда помощникомъ Секретарскимъ въ Американскомъ Департаментѣ, Господинъ Пренписъ получилъ всевозможное награжденіе за претерпѣнное имъ и за всѣ свои убытки.

О П И С А Н І Е

*Корабль крушенія на Королевскомъ
Островѣ, иначе называемомъ Капъ-
Бретонѣ.*

Получа депеши отъ Генерала Гал-
диманда, правителя Канады, кошо-
рые надлежало мнѣ доставить Генералу
Клиншону, сѣлъ я 17 Ноября 1780
году на небольшую бриганшину, плы-
вщую изъ Квебека въ новой Йоркѣ. Мы
вышли вмѣстѣ съ легкимъ судномъ,
которое отправлялось въ по же мѣсто,
и на кошоромъ посланъ былъ дубликатъ
депешей. Доплывъ внизъ по рѣкѣ Св.
Лавренція до порша, называемаго мѣ-
спечкомъ Св. Паприкія, были мы задер-
жаны въ сей приспани, прошивнымъ вѣ-
шромъ, кошорой продолжался шесть дней.
Зима уже начиналась; и рѣка отъ жестока-
го холода скоро покрылась подлѣ береговъ
полстымъ льдомъ. О ешьли бы угодно
было Небу продолжить сей вѣшрѣ еще
нѣсколько дней! Воспрепятствовавъ совер-
шенно ходу нашему, онъ спасъ бы насъ
отъ нещасній, кошорыхъ повѣствованіе
начинается съ исторією нашего плаванія.

Не доходя еще до устья рѣки, примѣтили мы, что въ бригантинѣ была небольшая печь. Лишь только вошли мы въ заливъ, печь сія умножилась; и не смотря на то, что безпрестанно работали двумя насосами, на днѣ бригантины было воды всегда на два фуса. Съ другой стороны холодъ усилился, ледъ скоплялся вокругъ нашего корабля, и мы боялись, чтобы онъ совсѣмъ не окружилъ насъ. На кораблѣ было только девятнадцать человекъ, изъ которыхъ шестеро были пассажиры, а прочіе худые матросы. Что касается до Капишана, ошъ кошораго надлежало намъ ожидать помощи въ такомъ опасномъ положеніи, то онъ, вмѣсто попеченія о сохраненіи корабля, во все время пилъ въ своей каютѣ, ни мало не думая о нашемъ спасеніи.

Сильной вѣтрѣ не упихалъ, и вода поднялась на днѣ корабля уже на чепыре фуса. Тогда холодъ и усалость ошняли надежду у матросовъ. Всѣ согласно рѣшились перестать работать. Они бросили насосы и показывали великое равнодушіе въ разсужденіи своей участи, говоря, что лучше хосятъ попоношь съ кораблемъ, нежели ишощать свои

свои

свои силы бесполезною работою въ такомъ опчаянномъ положеніи. Надобно признаться, что они нѣсколько дней чрезмерно прудились и ни мало не отдыжали. Бездѣйственность Капитана довершила ихъ опчаяніе. Однакожь посредствомъ ободреній и обѣщаній, и давъ имъ весьма кспаша по спакану вина, чтобы сколько нибудь согрѣшь ихъ, удалось мнѣ преодолѣть ихъ упрямство. Опъ перерыва въ работѣ вода поднялась въ корабль еще на футъ; но дѣятельность ихъ такъ оживлялась жаромъ вина, которое велѣлъ я подносить имъ черезъ полчаса, что они работали съ удивительнымъ напряженіемъ силъ и прилѣжностію, и воды осталось только на три фута.

Тогда было 3 Декабря. Вѣтръ не уменьшался, но еще, казалось, со дня на день усиливался. Щели въ корабль частъ опъ часу увеличивались; а ледъ, припавшій къ нему по бокамъ, умножалъ его тягость и затруднялъ ходъ его. Надобно было безпрестанно отбивать сей ледяной черепъ копорымъ онъ покрывался. Судно, шедшее за нами, не только не могло намъ подать никакой помощи, но находилось еще въ жалоснѣйшемъ со-

стояніи, по неискустству кормчаго нашедши на камни противъ Орѣховаго острова. Большой снѣгъ, въ то время выпавшій, совсѣмъ сокрылъ его отъ глазъ нашихъ. Все наше сообщеніе состояло въ пушечныхъ выстрѣлахъ, копорые черезъ полчаса были взаимно дѣлаемы. Скоро къ сожалѣнію нашему не услышали мы отвѣта на сей сигналъ. Судно потонуло со всѣми людьми, копорыхъ было числомъ шестнадцать; а намъ даже не льзя было и видѣть сего несчастія, чшобы постараться спасти ихъ.

Горестъ, произведенная въ сердцахъ нашихъ симъ несчастнымъ жребіемъ, скоро обратилась на самихъ насъ отъ новой опасности, намъ представившейся. Море было весьма бурно, снѣгъ шелъ большой, холодъ становился несносенъ, и всѣ люди пришли въ уныніе. Когда все было въ семъ положеніи, вдругъ боцманъ закричалъ, что мы не далеко отъ острововъ Магдалины, ужасной громады камней, изъ копорыхъ одни возвышаются надъ моремъ, а другіе подъ водами его сокрываютъ острые верьхи свои, уже погубившіе многіе корабли. Менѣе, нежели чрезъ два часа, услышали мы сильной шумъ вольнъ, разбивающихся о сіи
камни

камни; и скоро послѣ того увидѣли главной оспровѣ, называемой *Мертвой Человѣкъ*, которой миновали мы съ великимъ трудомъ. Чувство гибели спало еще живѣе среди множества подводныхъ камней, копорыхъ, казалось, не лзя было избѣжать споль же благополучно: ибо снѣгъ шелъ шакой сильной, что едва можно было видѣть съ одного конца корабля на другой. Трудно изобразить шощъ страхъ и ужасъ, копорымъ мы были объяты, проходя всю длину сихъ опасныхъ мѣспъ. Но когда совсѣмъ ихъ миновали, лучъ надежды блеснулъ въ сердцахъ мапросовъ, которые помышляя о прошедшей опасности, увѣрились, что Провидѣніе печется о спасеніи ихъ, и съ новою ревностію принялись за шруды.

Во время ночи море пришло въ сильнѣйшее волненіе; а на другой день около пяти часовъ утра превеликой валъ ударился о корабль, вышибъ задѣлки въ пушечныхъ окнахъ и наполнилъ водою мапросскую каюту. Яростныя волны разбили корму. Мы спарались зашкнушь щели изрѣзанною ломпями говядиною; но сіе слабое средство оставалось бездѣйствія, и вода заливала насъ болѣе прежняго. Устрашенныя корабельныя слу-

жишели оставили на минушу насосы; но когда хопѣли опять принясь за нихъ, то они уже такъ замерзли, что впредь совсѣмъ не лзя было ими дѣйствовать.

Съ сэй минушы потеряли мы надежду спасти корабль свой, и желали единственно пого, чшобы онъ не пошонулъ по крайней мѣрѣ до приближенія къ оспрову Св. Іоанна, или какому нибудь другому оспрову въ заливѣ, къ которому бы... мы могли доплыть на нашей шлюпкѣ. Предавшись совсѣмъ въспру, мы не смѣли ничего дѣлать, бояся произвести какое нибудь опасное для корабля движеніе. Новая шягость, которую получалъ онъ каждую минушу отъ входящей въ него воды, дѣлала ходъ его медленнымъ; и быспрѣйшія волны, имъ разсѣкаемыя, съ яростію подымались и заливали палубу. Большая каюта, куда мы укрылись, была для насъ весьма слабымъ убѣжищемъ отъ въпра, и едва защищала насъ отъ свирѣпости ледяныхъ валовъ. Всякую минушу боялись мы, чшобы не опорвался у насъ руль и не сломилась мачта. Правда, что рыболовы и дикія ушки, вокругъ насъ лшавшія, были знакомъ шого, что берегъ отъ насъ не далеко; но самое приближеніе его

его причиняло намъ новой страхъ. Какъ могли мы избѣжать камней, его окружающихъ, будучи не въ состояніи управить бригантину мимо ихъ, ниже видѣть ихъ сквозь густопу снѣга, насъ покрывавшаго? Нѣсколько часовъ были мы въ семъ жалосномъ состояніи; но вдругъ небо прочистилось, и мы увидѣли въ прехъ миляхъ отъ себя землю.

Чувство радости, вдругъ произведенное въ насъ симъ предметомъ, скоро было умѣрено яснѣйшимъ видомъ ужасныхъ скалъ, возвышавшихся вдоль берега, какъ бы для того, чтобы насъ до него не допустилъ. Бригантина вышерпѣла еще нѣсколько сильныхъ ударовъ отъ большихъ валовъ, которые конечно бы попопили ее, естли бы грузъ ея былъ не такъ легокъ. Мы думали, что всякая новая волна разобьетъ ее. Наша шлюбка была такъ мала, что мы всѣ не могли въ ней помѣститься; и сверхъ того море такъ волновалось, что пагубно было предаться ярости его на такомъ слабомъ челночкѣ. Казалось, что мы приплыли къ сей землѣ единственно для того, чтобы она была свидѣтелемъ нашей гибели. Однакожь мы подвигались къ ней безпре-
спанно ближе, и уже были отъ нее не
далѣе

далѣе мили, какѣ вдругѣ къ восхищенію нашему увидѣли между сими грозными скалами пологой песчаной берегѣ, къ которому по теченію воды плылѣ нашѣ корабль; и глубина уменьшалась такѣ непримѣтно, что мы могли, не сѣвъ на мѣль, бысть опѣ него не далѣе пятидесяти или шестидесяти сажень. Судьба жизни нашей должна была рѣшиться черезѣ нѣсколько минутѣ. Наконецѣ бригантина сѣла на песокѣ сѣ сильнымѣ потрясеніемѣ. Первой ударѣ сшибѣ большую мачту, но безѣ всякаго несчастнаго приключенія; а руль былѣ оторванѣ сѣ такою силою, что рукояшкою его едва было не убило до смерти одного матроса. Волны, со всѣхѣ сторонѣ ударявшіяся о корабль, совсѣмѣ разбили корму, такѣ что мы, не находя уже вѣ каютѣ убѣжища, принуждены были выйти на палубу и держаться за снасти, боясь упасть вѣ море. Черезѣ нѣсколько минутѣ корабль не много поднялся; но киль изломался и весь корабль готовѣ былѣ развалиться. И такѣ вся наша надежда была на шлюпку, которую сѣ великимѣ трудомѣ спустилѣ я на море: такѣ она была облѣплена со внѣ и внутри широкими льдинами, которыя надлежало отѣ нее

нее отбить. Почти всѣ корабельные служители напились вина, чтобы сколько нибудь освободиться отъ своего ужаса. Я далъ выпить по рюмкѣ живой воды шѣмъ, копорые оспались презвы, и спросилъ, кто хочетъ со мною плыть на шлюпкѣ къ берегу? Море такъ волновалось, что нашей маленькой лодкѣ, казалось, въ минушу потонуть надлежало. Только бошманъ, двое машросовъ и одинъ молодой пассажиръ, отважились на то. Еще въ самую первую минушу опасности я завернулъ депеши въ плапокъ и обвязалъ его вокругъ пояса. Не думая тогда ни о какихъ другихъ вещахъ своихъ, схватилъ я топоръ и пилу, и бросился въ шлюпку, а за мною бошманъ и слуга мой, копорой, будучи благоразумнѣе меня, вынулъ изъ моего сундука сто восемьдесятъ гвиней. Пассажиръ, хотѣвшій спрыгнуть въ лодку, упалъ въ море, и оцѣпенѣвшія отъ холода руки наши едва могли выплести его. Когда оба машросы сошли къ намъ, то самые шѣ, копорые болѣе другихъ не хотѣли плыть къ берегу, спали просить насъ принять ихъ; но боясь, чтобы отъ стѣгости такого числа людей и отъ безпорядочнаго движенія ихъ всѣмъ намъ не потонуть, велѣлъ я опсалишь отъ кора-

кора-

корабля. Скоро я долженъ былъ хвалить себя, что заглушилъ въ сердцѣ своемъ гласъ сожалѣнія, которое было бы пагубно для нихъ самихъ. Хотя до земли было не далѣе пятидесяти сажень, однакожь на половинѣ пупи большой валъ залилъ до половины нашу шлюпку, и конечно бы опрокинулъ ее, естли бы она была сколько нибудь грузнѣе. Другой валъ съ силою выбросилъ насъ на берегъ.

Радость видѣть себя наконецъ освободившихся отъ шѣхъ опасностей, которыя такъ долго ужасали и мучили насъ, заставила насъ на минушу забыть, что мы избавились отъ одного рода смерти только для того, чтобы по всей вѣроятности подвергнуться другому, еще страшнѣйшему и мучительнѣйшему. Обнимая другъ друга въ первыхъ своихъ восторгахъ, и поздравляя себя съ нашимъ спасеніемъ, не могли мы быть нечувствительны къ поскѣ нашихъ поварищей, которые оспались на кораблѣ и которыхъ жалостной вопль слышанъ былъ среди глухаго шума волнъ. Горесть, въ которую приводило насъ сіе чувство, увеличивалась отъ того, что намъ не лзя было подашь имъ никакой помощи. Наша шлюпка, выкинутая на песокъ яростными

МИ

ми волнами, не могла уже разсѣкать ихъ стремленіе и доплыть до корабля.

Ночь наступала поспѣшно, и мы скоро почувствовали, что на семъ льдистомъ мѣстѣ можемъ замерзнуть отъ холода. Надлежало итти по снѣгу, въ кошоромъ мы вездѣ вязли, до небольшого лѣску, около двухъ сотъ сажень отъ берега, гдѣ были мы сколько нибудь защищены отъ пронзительнаго сѣверо-западнаго вѣтра. Но у насъ не было огня, чтобы согрѣть охладѣвшіе свои члены, и мы не имѣли никакихъ средствъ развести его. Трушъ, кошорой мы по осторожности взяли съ собою, былъ вымоченъ послѣднимъ валомъ, насъ облившимъ. Одно только движеніе, способствуя круговращенію крови, могло спасти насъ. Зная лучше поварищей своихъ свойство сего жестокаго климата, совѣщавалъ я имъ ни одной минушы не быть въ бездѣйствіи, чтобы прогнать сонъ. Но молодой пассажиръ, кошораго плащъ, бывшее въ морской водѣ, обмерзло вокругъ его шѣла, не могъ прошившись усыпительному ощущенію, производимому всегда такимъ чрезвычайнымъ холодомъ, какой онъ чувствовалъ. Напра-

сно я уговаривалъ и принуждалъ его стоять на ногахъ. Наконецъ мнѣ надлежало оставить его въ усыпленіи. Ходивъ около получаса и почувствуя самъ такое сильное понужденіе ко сну, что каждую минуту готовъ былъ упасть на землю для удовлетворенія оному, пришелъ я опять на то мѣсто, гдѣ лежалъ сей молодой человекъ. Я положилъ руку на лице его, и почувствуя, что оно совсѣмъ охладѣло, велѣлъ боцману его пощупать. Мы оба думали, что онъ умеръ. Сей несчастной отвѣчалъ намъ слабымъ голосомъ, что онъ еще живъ, но что конецъ его приближается, и усердно просилъ меня, есѣли я останусь живъ, описать къ отцу его въ Новой Йоркѣ о несчастной его судьбѣ. Черезъ десять минутъ онъ испустилъ духъ безъ всякаго оправданія, или по крайней мѣрѣ безъ великихъ конвульсій. Сей случай замѣчаю для того, чтобы показать дѣйствіе жестокаго холода надъ шѣломъ человѣческимъ во время сна, и доказать, что сія смерть не всегда бываетъ сопряжена съ такимъ живымъ чувствомъ боли, какъ обыкновенно полагаютъ.

Сей ужасной примѣръ не могъ заставить другихъ противиться влеченію ко сну

сну. Трое изъ нихъ легли, не смотря на мой увѣщанія. Видя, что не лзя ихъ удержать на ногахъ, сръзалъ я два пруща, изъ которыхъ одинъ отдалъ ботсману; и все наше упражненіе во время ночи состояло въ помѣ, чшобы поваріщамъ нашимъ не давать спать, и бить ихъ прущомъ, какъ скоро они смыкали глаза. Сіе упражненіе, предохраняя ихъ почти отъ неизбѣжной смерти, было и для самихъ насъ полезно.

Дневной свѣтъ, котораго ждали мы съ великимъ нетерпѣніемъ, наконецъ показался. Мы съ ботсманомъ побѣжали къ берегу посмошрѣть, не увидимъ ли какихъ нибудь слѣдовъ корабля нашего, хотя намъ едва ли можно было ожидать того. Какъ же мы удивились и обрадовались, увидѣвъ, что онъ цѣлъ, не смотря на жестокость вѣтра, которому, казалось, надлежало его разбить на мѣлкія части во время ночи! Прежде всего спалъ я думать о помѣ, какъ бы оставшихся людей перевезти на берегъ. Корабль послѣ того, какъ мы оставили его, былъ волнами придвинутъ гораздо ближе къ берегу; и пространству, отдѣлявшему его отъ земли, надлежало быть еще меньше при отливѣ. Когда же онъ сдѣлался,

я закричалъ находившимся на кораблѣ товарищамъ, чшобы они привязали къ его краю веревку и спустились по ней одинъ послѣ другаго. Они приняли мое предложеніе. Смотря приспально на движеніе моря и выбравъ для спуска шу мишу, какъ валъ опливался, они сошли всѣ благополучно, кромѣ одного плотника, которой не почелъ за нужное такимъ образомъ подвергать опасности жизнь свою, или не въ силахъ былъ сойти съ мѣста, попивавъ во время ночи не много неумѣренно. Общее спасеніе соединено было со спасеніемъ каждого изъ насъ въ особливости, и я вдвое радовался, видя вокругъ себя такое число товарищей своихъ въ несчастіи, которыхъ я за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ почиталъ поглощенными моремъ.

Капитанъ, не сходя еще съ корабля, къ щастію нашему запасся всемъ нужнымъ для разведенія огня. По томъ всѣ мы пошли въ лѣсъ: одни рубили дрова, а другіе подбирали сухія вѣшви, на землѣ лежавшія. Скоро великое пламя поднялось отъ бѣльшаго костра, и радостной крикъ нашъ раздался по лѣсу. Терпѣвъ споль долго чрезвычайной холодъ, ни въ чемъ не могли мы найти такой пріятности,

ности, какъ въ огнѣ. Всѣ старались подойти къ нему какъ можно ближе, чтобы оживить свои оцѣпенѣвшіе члены. Но сіе удовольствіе почти для всѣхъ превратилось въ жестокую боль, какъ скоро жаръ огня проникъ въ ознобленныя части. Только ботсманъ и я спаслись отъ того, будучи во всю ночь въ движеніи. Всѣ прочіе, какъ остававшіеся на корабль, такъ и на берегу бывшіе, были прохвачены морозомъ. Страшно описывать тѣ конвульсивныя движенія, которыя производила въ сихъ несчастныхъ чрезмѣрная боль, ими ощущаемая.

Когда мы пересмотрѣли всѣхъ своихъ товарищей, то я увидѣлъ, что не было одного пассажира, Капитана Грина. Мнѣ сказали, что онъ заснулъ на корабль и совсѣмъ замерзъ. Мы снова начали беспокоиться о плошникѣ, оставшемся на бригашинѣ. Безпрестанно ярящееся море не позволяло намъ послать за нимъ шлюпку. Мы принуждены были дожидаться отлива, и наконецъ уговорили его сойти на берегъ такимъ же образомъ, какъ и прочіе; что сдѣлалъ онъ съ великимъ трудомъ, будучи въ крайней слабости и ознобивъ почти всѣ части тѣла своего.

Настала ночь, и мы провели ее не много лучше прошедшей. Однакожь, не смотря на стараніе наше разводить всегда большой огонь, много терпѣли мы отъ жестокости вѣтра, которой дулъ прямо на насъ. Густота деревъ едва защищала насъ отъ снѣга, сильно валивагося на нашъ огонь, какъ бы для того, чтобы потушить его. Вымочивъ плащъ наше съ той стороны, которая была къ огню, оставался онъ на спинѣ у насъ кучами, которыя безпрестанно надлежало сбивать, не давая имъ замерзнуть. Пронзительное чувство голода — новое бѣдство, до того часа намъ неизвѣстное — присоединилось къ чувству холода, столь для насъ тяжкому.

Прошли два дни, въ которые всякую минуту мучило насъ воспоминаніе прошедшихъ нашихъ несчастій и ожиданіе еще ужаснѣйшихъ. Наконецъ вѣтръ и море, совокупно недопуская къ намъ корабль нашъ, снова силились разбить его. Сіе узнали мы по треску, съ которымъ онъ разрушался. Мы побѣжали къ берегу и увидѣли часть груза плывущую по морю, которую кипящая вода вынесла изъ его отверзшій. Къ счастью волны принесли къ берегу многое изъ сего груза.

груза. Взявъ длинныя шесты и веслы съ нашей шлюпки, пошли мы вдоль по берегу и выпаскивали все то, что могло быть намъ полезно. Такимъ образомъ удалось намъ спасти нѣсколько кадокъ съ соленою говядиною и довольное количество луку, которой взялъ былъ Капитаномъ для продажи. Мы старались ловить и доски, оторвавшіяся отъ корабля, которыя могли намъ служить для построения хижины. Ихъ собрали много, и отнесли въ лѣсъ, чтобы поспѣе начать строеніе. Сіе предпріятіе не легко было произвести въ дѣйство. Не многіе изъ насъ были въ состояніи работать. Однакожь щасливой успѣхъ этого дня оживлялъ нашу бодрость, и пища, которую мы достали, подкрѣпила силы наши такъ, что къ исходу дня могли мы довольно построить. При свѣтѣ огня нашего можно было намъ и ночью продолжать работу свою; и около десяти часовъ вечера была готова хижина наша, длиною въ двадцать футовъ, а шириною въ десять, которая, будучи въ разныхъ мѣстахъ поддерживаема деревьями, могла противиться силѣ вѣтра, но была не такъ плошна, чтобы совершенно защитить насъ отъ холода.

Слѣдующіе два дни были употреблены или на усовершенствованіе нашего спросенія, или на собраніе, во время прилива, шого, что приплывало къ намъ съ корабля, или на опредѣленіе мѣры, по какой намъ употреблять запасъ свой. Не лзя было спасти хлѣба, совершенно размокшаго въ морской водѣ. Положили, чшобы каждому человѣку, больному и здоровому, давать въ день по четверти фунта солонины и по чепыре луковицы, пока еще не изойдетъ лукъ. Сіа слабая пища едва могла сохранять насъ отъ смерти; однакожь мы не могли увеличить своей мѣры, не зная, какъ долго надлежало намъ жить на семъ пустомъ берегу.

Перваго-надесять Декабря, въ шестой день послѣ нашего кораблекрушенія, въпрѣ утихъ и далъ намъ волю спустить на воду шлюпку и ѣхать на корабль посмотреть, не осталось ли въ немъ чего нибудь. Большую часть дня надлежало употребить на обрубливаніе толстаго льду, покрывавшаго мостъ и сходы внизъ. На другой день удалось намъ вышацитъ небольшую кадку, въ которой было сто фунтовъ солонины, два ящика съ лукомъ, три съ бушыллами Канадскаго бальсама, одинъ съ папашами,

нами, буылку сѣ масломѣ, весьма полезнымѣ для ранѣ многихѣ мапросовѣ, другой попорѣ, желѣзной горшокѣ, два кошла, и около двѣнадцати фуншовѣ свѣчь. Сіе драгоцѣнное приобрѣшеніе привело насѣ въ состояніе въ слѣдующій день прибавить чешыре луковицы къ нашей ежедневной порціи.

Четвертаго-надесять числа были мы еще на кораблѣ, и взяли парусы, изѣ которыхѣ одна часть служила намѣ для закрытія нашей хижины, чшобы не проходилѣ въ нее снѣгѣ. Въ самой сей день раны пѣхѣ, копорые не шерлись снѣгомѣ, начали гнить. Сѣ ногѣ, рукѣ и сѣ другихѣ больныхѣ членовѣ ихѣ, сходила кожа сѣ несшерпимою болью. У плотника, вышедшаго на берегѣ послѣ всѣхѣ, опшвалилась большая часть ногѣ; а въ ночи на пятое-надесять число пришелѣ онѣ въ бѣшенство. Въ семѣ состояніи прсбылѣ онѣ до другаго дня, въ копорой смерть избавила его опѣ мучительнаго существованія. Черезѣ три дни умерѣ нашѣ младшій ботсманѣ такимѣ же образомѣ, лишившись ума за нѣсколькочасовѣ до смерти; а на другой день случилось то же самое сѣ мапросомѣ. Мы покрыли ихѣ трупы снѣгомѣ и вѣшьями,

не имѣя ни заступа, ни кирки, чтобы вырыть имѣ могилу; но хотя бы они и были у насъ, однакожь земля такъ глубоко промерзла, что и сія инструмены не могли бы ее взять.

Всѣ сіи пощери, послѣ которыхъ оспалось насъ, поцьрнавшіе челоуѣкѣ, были для насъ не весьма горестны, какъ въ разсужденіи умершихъ, такъ и въ разсужденіи самихъ насъ. Въ бѣдственномъ состояніи своемъ почитали мы смерть болѣе благодѣяніемъ, нежели наказаніемъ; и когда возбуждалась въ насъ естественная любовь къ жизни, то каждой изъ насъ долженъ былъ повариться своихъ почитавъ за враговъ, которые, будучи вооружены голодомъ, хотѣли его смерти. Если бы въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые не лишились жизни, то скоро были бы мы приведены въ страшную необходимость умереть отъ голода, или умерщвлять и пожирать другъ друга. Но хотя мы и не дошли еще до сего ужаснаго состоянія, однакожь намъ нельзя было думать, чтобы какой нибудь новой несчастной случай могъ еще умножить наше бѣдствіе. Безпрестанное чувство сильной спужи и мучительнаго голода; боль ранъ, умножаемая теплотою огня;

огня; спенаніе спраждущихъ; безпорядокъ и нечистота, которые не только другихъ, но и самихъ насъ заставляли собою гнушаться; всѣ сіи картины отчаянія, насъ окружавшія, и ожиданіе медленной и жестокой смерти, въ мѣстахъ пустыхъ, въ удаленіи отъ родсвенниковъ и друзей, отъ сладостнаго ихъ утѣшенія — вошъ слабое изображеніе бѣдствій, чувствованныхъ сердцемъ нашимъ каждую минушу въ теченіе долгихъ дней и безконечныхъ ночей!

Часто ходили мы съ боцманомъ искашь въ сей сторонѣ слѣдовъ человѣческихъ. Мы не могли ходишь далеко, и возвращались всегда безъ успѣха. Однажды рѣшились мы ийти гораздо далѣе по берегу замерзшей рѣки. Отъ времени до времени попадались намъ вглаза слѣды лося и другихъ звѣрей; почему мы весьма жалѣли, что у насъ не было ружей и пороху для стрѣльбы. Слабая надежда польстила намъ. Шедши по указанію нѣкоторыхъ деревъ, надрубленныхъ съ одной стороны топоромъ, пришли мы на такое мѣсто, гдѣ недавно надлежало бышь Индійцамъ; для того что ихъ Вигвамъ былъ еще шупъ, и кора, на по употребленная, казалась еще свѣжею.

Лосиная кожа, развѣшенная на шесту, подтвердила наше чаяніе. Мы обходили съ поспѣшностію всѣ окрестности, но тщетно. По крайней мѣрѣ мы съ удовольствіемъ думали, что въ семъ мѣстѣ были тамошніе жители или путешественники, и что они могли скоро опять прийти сюда. Занимаясь сею мыслию, вырубилъ я большой шестъ, вопкнулъ его на берегу рѣки, и привязалъ къ нему кусокъ березовой коры, обрѣзавъ ее на подобіе руки, указывавшей пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была наша жижица. Я почелъ за нужное взять съ собою лосиную кожу, чтобы дикіе по своемъ возвращеніи могли понять, что какія нибудь люди были въ семъ мѣстѣ послѣ ихъ, и узнать, куда они пошли. Приближеніе ночи принудило насъ итти обратно въ жилище наше; и мы удвоили шаги, чтобы товарищамъ нашимъ скорѣе сообщить такія пріятныя вѣсти. Хотя сіе открытіе должно было по справедливости возбудить въ нихъ не великую надежду, однакожь рассказанное мною ихъ весьма обрадовало — такъ благотѣльное побужденіе Натуры заставляетъ несчастныхъ пользоваться всею ипѣмъ, что можетъ облегчить чувство ихъ страданій!

Нѣсколь-

Нѣсколько дней безпрестанно ожидали мы Индійцовъ. Мало помалу сія сладостная надежда ослабѣвала, а наконецъ и совсѣмъ исчезла. Нѣкоторые изъ нашихъ больныхъ, между прочими и Капишанъ, начинали въ сіе время приходись въ силу, и запасъ нашъ видимо уменьшался. Тогда объявилъ я свое намѣреніе отправиться на шлюпкѣ вдоль по берегу со всѣми шѣми, которые могли управлять ею, чтобы искать какой нибудь помощи. Сіе предложеніе было всѣми вообще принято; но когда пришло дѣло къ исполненію онаго, то представилось новое затрудненіе, а именно: какъ исправить шлюпку, которую волны съ такою жестокостію о песокъ ударяли, что она разсѣлась во всѣхъ смычкахъ? Конопати было довольно для задрѣвки щелей; но къ несчастію не было смолы для залишя ихъ. Чѣмъ же замѣнить сей недосташокъ? Долго не могли мы ничего придумать; но вдругъ вздумалъ я употребить на сіе Канадской бальсамъ, нами спасенной. Легко было сдѣлать опытъ. Я влилъ его нѣсколько бушелокъ въ желѣзной горшокъ и поставилъ на большой огонь. Снимая его часто съ огня и давая ему засыхать, сдѣлалъ я

его

его довольно густымъ. Въ сіе время поварищи мои оборопили шлюпку и скоро очистили ее отъ песку и льду. Я велѣлъ конопатить всѣ щели, и заливая ихъ бальсамомъ, увидѣлъ, что онъ наилучшимъ образомъ производилъ желанное дѣйствіе.

Сей первой успѣхъ одушевилъ насъ живѣйшею ревностію къ продолженію нашихъ приготовленій. Кусокъ полотна, прикрѣпленной къ шесту, которой могъ по произволенію подыматься и опускаться, долженъ былъ служить намъ парусомъ, и могъ при шикомъ и благопріятномъ вѣтрѣ облегчать работу нашихъ гребцовъ. Еще не многіе изъ матросовъ были въ силахъ сносить тѣ трудности, которыя мы предвидѣли въ такой экспедиціи. Для сего выбрали меня, Капитана, ботсмана, двухъ матросовъ и моего слугу. Оставшійся запасъ раздѣленъ былъ по числу людей на четырнадцати равныхъ частей, и чрезвычайныя труды, нами предпринимаемыя для общей пользы, ни мало не могли увеличить части нашей въ разсужденіи тѣхъ, которые покойно оставались въ хижинѣ. Съ сею бѣдною порціею, въ день по четверти фунта солины, которой, по сей мѣрѣ, надлежало

жало спать на шесть недѣль; на слабомъ челючкѣ, залипомъ ненадежною жидкостію, копорой малѣйшею волною, легчайшимъ порывомъ вѣтра могъ быть опрокинутъ, и отъ малѣйшаго камня разбиться на мѣлкія части; среди ужасныхъ громадъ плавающихъ льдинъ; вдоль берега неизвѣстнаго, усыпаннаго камнями, и въ самое жесточайшее время года — надлежало пуспиться въ море и производить въ дѣйство такое предпріятіе, копорое могло быть вдохнуто однимъ слѣпымъ опчаяніемъ. Но мы были въ такомъ положеніи, что благоразумнѣе было подвергнуться всѣмъ возможнымъ опасностямъ при самомъ слабомъ блескѣ надежды, нежели по слабодушному недѣйствию предаться почти неизбѣжной гибели въ томъ состояніи, въ которомъ были мы оставлены всею Натурою.

Наступилъ 8-й годъ. Мы намѣрены были отправиться на другой день, т. е. вшораго Генваря. Сильной сѣверо-западной вѣтрѣ задержалъ насъ до полудня четвертаго числа. Когда онъ утихъ, мы положили въ шлюпку свой запасъ, нѣсколько фуншовъ свѣчъ и всѣ шѣ мѣлочи, которыя могли быть намъ полезны, и простились съ своими товарищами,

щами, не зная, увидимся ли когданибудь. Мы отплыли еще не болѣе осьми миль, какъ вѣтрѣ, обращаясь къ юго-востоку, воспрепятствовалъ намъ въ пути и принудилъ насъ греблю войти въ широкой заливѣ, которой былъ для насъ благопріятнымъ убѣжищемъ на ночное время. Прежде всего вынули мы свой запасъ и выплести шляпку на берегѣ, чтобы морскія волны не могли ее захватить. По помѣ развели огонь и нарубили дровъ столько, чтобы доспало ихъ до утра. Самыя мягчайшія сосновыя вѣтви употребили мы на постелю, а изъ большихъ сдѣлали на скорую руку родъ Вигвама, чтобы скольконибудь укрыться отъ холода и вѣтра. Во время нашего бѣднаго ужина примѣшилъ я на берегу нѣсколько отломковъ, принесенныхъ приливомъ, которые, казалось, были обрублены топоромъ; увидѣлъ и довольно длинныя шесты, обдѣланные нѣкогда человѣческою рукою. Однакожь мы не видали никакихъ иныхъ слѣдовъ обитаемости. Въ двухъ миляхъ отъ насъ видѣнъ былъ пригорокъ безлѣсу, гдѣ примѣшны были нѣкоторые знаки обработанности. Я уговорилъ двухъ изъ товарищей идти туда прежде

окончанія дня, чтобы осмотрѣть опшуда большую часть сей земли. Шедши вдоль залива, мы нашли рыбацью лодку, какія употребляющся въ Терра-Нова; она была до половины сожжена, и остатки ея лежали въ песокѣ. Сей предметъ подалъ намъ новую надежду и заставилъ насъ поскорѣе добираться до пригорка. Взошедши на вершину его, съ какою радостію увидѣли мы на другой сторонѣ нѣкоторыя зданія, до которыхъ было по крайней мѣрѣ не далѣе тысячи геометрическихъ шаговъ! Не смотря на нашу усталость, скоро перешли мы сіе разстояніе. Сердца наши сильно бились отъ надежды и радости; но сіи сладостныя чувства скоро изчезли. Тщетно ходили мы по всѣмъ зданіямъ: онѣ были пусты. Сіи зданія были магазины для приговоренія шпокфиша, которые по видимому уже нѣсколько лѣтъ были оставлены. Однакожь печальной плодъ сего поиска былъ тотъ, что мы болѣе утвердились въ надеждѣ найти какое нибудь человѣческое жилище, продолжая плыть вокругъ острова.

Вѣтръ, превратившійся въ сѣверо-западной, не далъ намъ плыть на другой день; ибо мы боялись, чтобы льдины, несомыя въ волнахъ, не разбили нашей шлюпки.

шлюпки. Три дни продолжался онъ съ равною жестокостію. Проснувшись ночью, весьма я удивился, слыша одинъ пронзительной ревѣ его, безѣ обыкновеннаго глухаго шума морскихѣ волнѣ. Я разбудилѣ боцмана и сказалѣ ему о семѣ. Будучи любопытны знать причину того, мы побѣжали къ берегу. Луна освѣщала насѣ лучами своими; и при печальномѣ свѣтѣ ея вездѣ увидѣли мы морскія воды неподвижныя вѣ цѣпяхѣ льда, возвышавшагося по разнымѣ мѣстамѣ вѣ высокихѣ громадахѣ. Какѣ изобразить чувство горести, произведенной вѣ сердцахѣ нашихѣ симѣ видомѣ? Мы не могли ни далѣе плыть, ни возвратиться вѣ свою хижину, которая могла бы насѣ лучше защищать отѣ увеличившагося холода; и не знали, какѣ долго надлежало намѣ пребыть вѣ семѣ несчастномѣ состояніи. Два дни мучились мы сими горестными мыслями. Наконецѣ, девянаго числа, вѣтрѣ утихѣ. На другой день подулѣ онѣ съ юго-востока, и съ такою силою, что весь ледѣ, которой держалѣ насѣ вѣ заливѣ какѣ вѣ осадѣ, съ великимѣ шумомѣ взломался и былѣ унесенѣ вѣ море; и вѣ чешыре часа по полудни совсѣмѣ его не видно было вдоль берега.

Разрушивъ цѣпи, насъ удерживавшія, шпирани воздуха чрезмѣрною яростію своею сковалъ для насъ другія. Черезъ два дни онъ ушихъ. Легкой западной вѣтерокъ повѣялъ вдоль берега. Мы спустили на воду свою шлюпку, распустили парусы, и отплыли уже довольно далеко, какъ увидѣли впереди въ нѣсколькихъ миляхъ весьма возвышенную землю. Казалось, что берегъ составлялъ до того мѣста сплошь непрерывной поясъ крутыхъ скалъ, что ни какъ не возможно было покуситься пристать къ нему, не доплывъ до сего отдаленнаго мыса. Однакожь опасно было такъ далеко пуститься. Въ шлюпкѣ показалась печь, такъ что двумъ человѣкамъ надлежало безпрестанно выливать воду. По чему могли мы гресъ только двумя веслами; и слабость, въ которую мы приведены были горестями своими и недостаткомъ въ пищу, едва позволяла намъ выдерживать сію легкую работу. Что бы съ нами сдѣлалось, если бы вѣтръ сдѣлался сѣвер-западной? Шлюпка наша необходимо бы разбилась о камни. Къ щастію мы уже не уважали никакой опасности, и вѣтръ шакъ помогъ мужеству нашему, что около одинаццати часовъ ночи приплыли мы

Часть. XVI. Но. 42. В кб

къ мысу. Но какъ мѣсто для пристани было не удобно, то мы принуждены были итти вдоль по берегу до двухъ часовъ утра, въ которое время вѣтръ усилился и опнялъ у насъ свободу искать лучшаго мѣста. Мы должны были сойти, или лучше сказать, взлѣзть съ великимъ трудомъ на каменистой берегъ, не могли шляпки своей укрыть отъ волнъ, грозившихъ разбить ее о камни.

Мы пристали въ мѣлкомъ заливѣ, заключенномъ со стороны земли чрезвычайными горами, а съ моря открытомъ сѣверо-западному вѣтру, отъ котораго ничто не могло насъ защитить. Вѣтръ, поднявшійся изъ числа, бросилъ нашу шляпку на каменной бугоръ и разбилъ ее во многихъ частяхъ. Сие приключеніе было только преддверіемъ къ новымъ бѣдствіямъ. Будучи окружены скалами, по которымъ никакъ не лзя было пробраться въ лѣсъ, чтобы искать шамъ убѣжища; не находя никакого покрова, кромѣ паруса, совсѣмъ обмерзшаго; и будучи нѣсколько дней заваливаемы снѣгомъ, которой вокругъ насъ выпалъ глубиною на три фута, не имѣли мы для разведенія огня ничего, кромѣ вѣтвей и ошломковъ, которые по случаю
были

были выброшены на берегъ. Въ семъ жалостномъ состояніи пробыли мы до 21 числа. Тогда погода стала лучше; но мы не могли уже пѣмъ воспользоваться. Какъ починить шлюпку, совсѣмъ разбишю? Размысливъ о разныхъ средствахъ, приходившихъ намъ на умъ, и отвергнувъ ихъ за невозможностію, рѣшились мы искать своего спасенія съ другой стороны:

Хотя не возможно было перелѣзть черезъ скалы, со всѣхъ сторонъ насъ окружавшія, однакожь, будучи принуждены совсѣмъ оставить шлюпку, вздумали мы идти по крайней мѣрѣ вдоль берега по льду, коюрой могъ насъ поднять. Мы съ ботсманомъ рѣшились сдѣлать опытъ, и пошчасъ пошли. Прошедши нѣсколько миль, пришли мы къ устью рѣки, окруженной песчанымъ берегомъ, гдѣ бы мы могли спасти свою шлюпку и жить гораздо лучше, естли бы намъ удалось прежде шупъ пристать. Сіе открытіе, возбуждѣвъ въ насъ сожалѣніе, не далеко распространяло надежду нашу. Правда, что опіуда легко было пройти въ лѣсъ; но надлежало ли наудачу далеко заходить въ дикихъ мѣстахъ, чтобы ѣтыскать какое нибудь жилище? Какимъ

образомъ проходить сквозь черную густопу лѣса? А особливо, какъ ишли по снѣгу, которымъ земля была покрыта на шесть футовъ, и которой могъ быть размяченъ самамалѣйшею опипелью? По возвращеніи нашемъ признано было за единственное средство то, чтобы взять и нести на себѣ запасъ нашъ и всѣ полезныя намъ вещи, и ишли вдоль по берегу, гдѣ лучше можно было надѣяться найти наконецъ нѣкоторыя семейства рыбаковъ, или дивихъ. Казалось, что по времени надлежало еще быть морозамъ; и какъ вѣтръ сдулъ большую часть снѣга, лежавшаго на льду подлѣ берега, то мы могли надѣяться ишли въ день по восьми или по девяти Англійскихъ миль, какъ ни были истощены силы наши.

Сіе рѣшеніе было утверждено единогласно. Мы совсѣмъ приготовились къ путешествію, и намѣрены были отправиться поушру 24 числа; но въ предшедшей ночи вѣтръ вдругъ оборотился къ юго-востоку, и пошелъ притомъ сильной дождь, такъ что черезъ нѣсколько часовъ сей снѣжной черепъ, которой на канунъ казался споль твердымъ, совсѣмъ распаялъ, и ледъ вездѣ отсталъ отъ береговъ. Открылось болѣе дорогъ къ

ВЫХО-

выходу изъ сего несчастнаго мѣста, гдѣ мы заключены были. Среди горестныхъ своихъ размышлений иногда посматривали мы на шлюпку, которую часто покушались изрубить на дрова, не ожидая отъ нее никакой услуги. У насъ было еще столько конопати, что можно было задѣлать всѣ новыя щели; но балъзамъ Канадской весь изошелъ на ежедневныя наши подѣлки, и намъ совсѣмъ не приходило на умъ, чѣмъ бы замѣнить его.

Между тѣмъ на третій день опять спало холодно. Жестокоснъ снужи ночью вселила мнѣ въ голову мысль, которую по наступленіи дня спѣшилъ я произвести въ дѣйство; а именно, лишь въ законопаченныя щели воду и давать ей шупъ замерзать до нѣкоторой толщины. Товарищи мои презирали мою выдумку и съ трудомъ согласились помогать мнѣ. Но сіе простое средство удалось мнѣ сверхъ моего чаянія. Всѣ дыры были симъ образомъ такъ крѣпко задѣланы, что водѣ, казалось, никакъ не льзя было пройти, пока шакіе морозы продолжались.

На другой день, 27 числа, сдѣлали мы въ помѣ щастливой опытѣ. Хотя шлюпка спала очень тяжела, и весьма

трудно было править ею отъ большаго количества льду, которымъ она была облъплена, однакожь въ день опплыли мы около десяти Англійскихъ миль. Почему она спала намъ драгоцѣннѣе, и мы постарались греблею пристать къ самому безопаснѣйшему для нее мѣсту. Большой льдъ, бывшій не далеко отъ берега, доставлялъ намъ двѣ выгоды, которыхъ мы уже сполько ночей не имѣли: слабое убѣжище отъ холоднаго вѣтра и избыльное количество дровъ для разведенія большаго огня, согрѣвавшего насъ во время сна. Сіе двоякое удовольствіе было для насъ весьма сладостно. У насъ изошелъ почти весь шрутъ; и такъ чшобы замѣнить его, сжегъ я часть своей рубашки, которую не перемѣнялъ съ самаго того времени, какъ сошелъ съ корабля.

На другой день пошелъ сильной дождь, и ледъ на нашей шлюпкѣ весь распаялъ. Такимъ образомъ къ горести нашей лишились мы выгоды хорошаго дня, въ которой бы могли мы опплыть нѣсколько Французскихъ миль. Надлежало дожидаться мороза; а нетерпѣніе и гореть нашу умножало то, что солонины оспавалось у насъ на каждаго человѣка только по два фунша съ половиною.

Моро-

Морозить стало не прежде 29, и по послѣ полудня; и приготоуленія наши были такъ продолжительны, что до ночи не могли мы ошплыть болѣе пяти Англійскихъ миль. Сильной вѣтрѣ, захвапившей насъ на другой день при самомъ началѣ нашего пуши, принудилъ насъ оспановиться, не давъ ошплыть болѣе двухъ миль. Ошпепель продержала насъ на берегу еще ³сутки, т. е. до пераго Февраля. Вѣ сей день холодъ былъ пакъ великъ, что мы могли починить свою шлюпку; но плавающихъ льдинъ было такое множество, что одному изъ насъ надлежало безпрестанно разбивать ихъ шестомъ, и съ великимъ трудомъ могли мы до ночи переплыть двѣ мили.

Плаваніе наше было гораздо щастливѣе шретьяго числа. Вѣтрѣ дулъ для насъ самой попушной. Хотя вѣ шлюпкѣ была печь, и намъ надлежало выливать воду, однакожь сперваплыли мы съ помощію веселъ вѣ часъ по полторы мили, а по томъ и по двѣ съ помощію одного паруса. Около двухъ часовъ по полудни ошкрылся намъ весьма высокой мысъ, копорой, казалось, былъ ошъ насъ не далѣе шрехъ миль. Чрезвычайная его вышина обманула насъ вѣ разсужденія разстоянія.

Почти уже ночью доплыли мы до него. Приближаясь къ нему, увидѣли мы, что шлюпка наша перемѣнила ходъ свой, такъ что мы принуждены были опустить парусъ и принятыя за веслы. Вътрѣ дулъ отъ берега. По слабымъ силамъ нашимъ не могли мы ему пропивиться; и если бы не помогъ намъ приливъ отъ сѣверо-востока, которой нѣсколько выдерживалъ его усиліе, то онъ могъ бы насъ унести навсегда въ открытое море.

Намъ опасно было пристать къ берегу, окруженному скалами. Надобно было съ великимъ страхомъ греблю плыть вдоль берега подлѣ камней до пяти часовъ утра. Тогда уже силы наши совсѣмъ истощились, и не могли далѣе грести, забыли мы весь страхъ и рѣшились пристать. Самъ Богъ помогъ намъ въ семъ, и не случилось ничего несчастнаго, кромѣ того, что шлюпка наша, до половины водою наполненная, была выброшена на берегъ. Дѣсь былъ не далеко; однакожь мы съ трудомъ дошли до него и расклали огонь, чтобы согрѣться и высушить свое платье. Усталость и бессонница привели насъ въ такое разслабленіе, что мы не могли удержаться отъ сна,

сна, когда разгорѣлся нашъ огонь. Мы принуждены были по очереди будить другъ друга, боясь, чтобы онъ не угасъ, когда бы мы всѣ вдругъ уснули, и чтобы въ семь усыпленіи не замерзнуть. Проснувшись и примѣчая мѣста, могъ я увѣриться въ томъ, что думалъ во время пущи; а именно, что сіе острое возвышеніе земли, до коего мы доплыли, есть Сѣверной мысѣ Королевскаго острова, которой съ Королевскимъ мысомъ на островѣ Терра-Нова отдѣляетъ заливъ Св. Лавренція.

Радостная увѣренность, что мы находимся на обитаемомъ островѣ, могла бы намъ подать надежду найти наконецъ помощь, естли бы мы, продолжая свое путешествіе, могли пропитаться во все сіе время; но запасъ нашъ почти весь изошелъ: а сіе приводило насъ въ отчаяніе. Намъ представлялась только одна близкая смерть, или ужасныя средства къ ея отдаленію. Мы съ горестію обращали глаза другъ на друга, и казалось, что каждой гошовъ былъ назначить жертву въ удовлетвореніе своему голоду. Уже нѣкоторые изъ насъ согласились поручить сей выборъ рѣшенію слѣпаго жребія; но къ щасію произведеніе въ дѣйство се-

го предложенія было опложено да самой крайности.

Между тѣмъ, какъ мои шоварищи выбрасывали изъ лодки песокъ, копорымъ волны наполнили ее, и конопапили въ ней дыры, поливая ихъ водою и давая ей замерзать, пошли мы съ ботсманомъ вдоль по берегу искашь усприць, копорыхъ раковины валялись по разнымъ мѣстамъ. Къ несчастію онъ были всѣ пустыя. Мы почли бы себя весьма благополучными, естли бы нашли какіе нибудь шрупы звѣрей, не совсѣмъ сѣдненныхъ хищными пшцами; но всѣ сіи оспашки были покрыты снѣгомъ. Мы не могли найти для себя ни самой грубѣйшей пищи. Не довольно того, что судьба привела насъ на пустой берегъ; но къ умноженію нашего злосчастія случилось сіе въ самое жестокое время года, когда не только земля не производила ничего въ пищу намъ, но и животныя, населяющія тѣ двѣ стихіи, копорыя питаютъ человекъ, спрятались въ свои пещеры или норы, чтобы укрыться отъ жестокаго холода, опустошающаго сіи жестокіе климаты.

Я боялся бы произвести мучительное чувство въ тѣхъ сердцахъ, копорыя до сего

сего времени нѣжно сожалѣя о нашей участи, естли бы изобразилъ бѣдствія, которыя терпѣли мы въ слѣдующе дни, во всей ихъ ужасности. Пинаясь одними сухими плодами шиповника, найденными подъ снѣгомъ, и салными свѣчами, которыя сохранили мы для самой крайности; помимые успалосшію при самомъ малѣйшемъ напряженіи силъ; удерживаемые въ пуши нащемъ или льдомъ, или дождемъ, или вѣтрами; ободряемые иногда слабою надеждою, и по томъ опять приходившіе въ жестокое опчаяніе; терзаемые горестнымъ чувствомъ всѣхъ сихъ бѣдствій, угнѣтавшихъ насъ ежеминутно и днемъ и ночью: — вотъ по положеніе, въ которомъ были мы до 17 числа. Въ сей день, пришедши въ крайнюю слабость, вышли мы на берегъ въ послѣдній разъ, рѣшая умереть въ семъ мѣстѣ, естли Небо не пошлетъ намъ какой нибудь нечаянной помощи. Мы не въ силахъ были поставишь шлюпку свою въ безопасномъ мѣстѣ. Вынувъ изъ нее всѣ свои инструменты и парусъ, служившій намъ кровомъ, мы предали ее ярости волнъ. Собравъ послѣднія силы свои, стребли мы снѣгъ съ того мѣста, на которомъ рѣшились расположишься, и обклались имъ

вокругъ, чтобы посадить шупъ сосновыя вѣшви, которыя могли бы намъ служить защитою; а по томъ нарубили дровъ столько, сколько могли, чтобы было что жечь, бояся скоро притти въ не-состояніе работать шопоромъ.

Нѣсколько горстей шиповныхъ ягодъ, разваренныхъ въ снѣжной водѣ, составляли всю нашу пищу въ печеніе первыхъ дней. Наконецъ и онѣ всѣ изошли; и мы были рады тому, что могли замѣнить ихъ морскими правами, которыя росли на берегу. Варя ихъ нѣсколько часовъ, чтобы онѣ сколько нибудь стали помягче, положилъ я въ сію похлебку одну изъ двухъ оставшихся у насъ свѣчь. Сей отвращительной бульонъ и жесткія правы утолили нашъ голодъ; но черезъ нѣсколько минутъ почувствовали мы ужасную тоску, не могли очистить своего желудка. Сія тоска продолжалась около четырехъ часовъ; послѣ чего почувствовали мы облегченіе, но пришли при томъ въ совершенное расслабленіе.

Однакожь на другой день надлежало прибѣгнуть опять къ той же пищѣ, которая произвела такое же дѣйствіе, но только не съ такою силою. Истративъ по-

послѣднюю свѣчу, мы должны были черезъ
 три дни довольствоваться жесткими и
 грубыми шрамами, которыя всегда съ ве-
 ликимъ отвращеніемъ подносили мы ко
 ршу. Въ сіе время ноги наши спали
 пухнуть. Сія опухоль распроспранилась
 по всему шѣлу, такъ что не смотря на су-
 хость нашу, можно было при малѣйшемъ
 гнѣшеніи вдавливать палецъ въ кожу глу-
 биною на дюймъ и болѣе, и знакъ видѣнъ
 былъ еще черезъ часъ. Казалось, что
 глаза наши свѣпились изъ глубокихъ ямъ.
 Беспорядочное состояніе крови нашей и
 холодные инеи привели насъ въ такую
 недвижимость, что мы едва могли по оче-
 реди доползати до огня, почти угасшаго,
 и раздувати его, или собирать нѣкоторыя
 сухія вѣшви, по снѣгу разсѣяныя.
 Тогда - то помышленіе о моемъ опцѣ,
 провождавшемъ меня среди самыхъ вели-
 чайшихъ опасностей, весьма живо про-
 нуло сердце мое, соединясь съ помышле-
 ніемъ о гибели моей. Я воображалъ
 себѣ, какъ сей нѣжной родитель сперва
 ожидаетъ отъ меня писемъ и беспокоит-
 ся; по томъ, не получая обо мнѣ извѣ-
 стія, штерзается горестію; а наконецъ
 во всѣ дни старости своей проливаетъ
 слезы о смерти своего сына. Я самъ
пла-

Плакалъ о томъ, что умираю не въ объ-
ятіяхъ его, и не получаю отъ него послѣ-
дняго благословенія. Послѣ сихъ прога-
пельныхъ мыслей, прерванныхъ спенані-
емъ товарищей моихъ, пришли мнѣ въ
голову мысли варварскія, вдохнутыя въ
меня еспешивнымъ побужденіемъ къ со-
храненію жизни. Сіи несчастныя това-
рищи моего бѣдствія, которыхъ пруды
до того времени мнѣ помогали, казались
мнѣ добычею, могшею утолить мой го-
лодь. Такія же чувства читалъ я и въ
ихъ алчныхъ взорахъ. Не знаю, до чего
бы довело насъ сіе свирѣпое расположеніе;
но вдругъ голосъ человѣческой раздался
по лѣсу. Въ ту же самую минуту уви-
дѣли мы двухъ Индійцовъ съ ружьями,
которые, казалось, еще не примѣтили
насъ. Сіе внезапное явленіе оживило на-
шу бодрость и силы, такъ что мы вспа-
ли и пошли къ нимъ со всею возможною
для насъ поспѣшностію.

Увидя насъ, стали они какъ вкопан-
ныя. Они пристально на насъ смотре-
ли, будучи неподвижны отъ удивленія
и ужаса. Кромѣ того изумленія, въ ко-
торое должно было имъ прийти нашедши
на семъ пустомъ берегу острова шестерыхъ
иностранцевъ, одинъ нашъ видъ могъ
успра-

устрашить самого смѣлѣйшаго. Платье наше, лоскутьями висящее; глаза наши, едва видимые подъ опухолью желтыхъ щекъ; ужасная толщина всѣхъ нашихъ членовъ; наша щетинная и кудрявая борода; волосы наши, беспорядочно висящіе по плечамъ: — все сіе соспавляло страшной предметъ. Однакожь, по мѣрѣ приближенія нашего къ Индійцамъ, радостныя щасливывя чувства изображались на лицахъ нашихъ. Одни проливали сладостныя слезы, а другіе улыбались отъ радости. Хотя сіи мирныя знаки должны были немного успокоить Индійцовъ, однакожь они не показывали ни малой охоты къ намъ приближиться; но гнусной образъ нашъ могъ извинить ихъ холодность. Я подошелъ къ нему, которой былъ ко мнѣ ближе, и съ видомъ покорности протянулъ ему руку. Онъ взялъ и потрясъ ее отъ всего сердца: образъ привѣтствія у сихъ дикихъ людей.

Потомъ начали они разными жестами показывать намъ, что берутъ участіе въ нашей жалостной судьбѣ. Я сдѣлалъ знакъ, чтобы они пошли къ нашему огню. Въ молчаніи шли они за нами и сѣли подлѣ насъ. Одинъ изъ
нихъ

нихъ, говорившій испорченнымъ Французскимъ языкомъ, просилъ насъ увѣдомить ихъ, откуда мы, и какой случай привелъ насъ въ сіе мѣсто. Я рассказалъ ему кратко все наше несчастіе и бѣдствія, нами претерпѣнныя. Примѣтивъ, что повѣсть моя довольно пронула его, спросилъ я у него, не можетъ ли онъ сыскать намъ чегонибудь для уполенія нашего голода. Могу, отвѣчалъ онъ; и увидя, что огонь нашъ почти погасъ, вдругъ вспалъ, схватилъ нашъ шопоръ, посмотрѣлъ на него и улыбнулся — думаю, для того, что онъ былъ въ весьма худомъ состояніи. Бросивъ его съ презрѣніемъ, взялъ въ руки свой шопоръ, бывший у него за поясомъ. Въ минушу срубилъ онъ множество вѣтвей и бросилъ ихъ въ огонь; по томъ взялъ свое ружье, и, не сказавъ ни слова, ушелъ отъ насъ съ своимъ поваричемъ.

Такой внезапной уходъ могъ бы привести въ безпокойство тѣхъ, которые не знаютъ нрава Индійцовъ; но мнѣ извѣстно было, что сіи люди безъ крайней нужды рѣдко говорятъ. И такъ я увѣренъ былъ, что они пошли искать намъ пищи; и успокаивалъ уstraшенныхъ товарищей своихъ, говоря, что они къ намъ

намъ скоро возвращаться. Не смотря на великую нашу нужду въ пищу, голодъ не былъ для насъ, или по крайней мѣрѣ для меня, самою величайшею нуждою. Хорошій огонь, копорой развели намъ дикіе, въ сію минушу удовольствовалъ всѣ мои желанія; и перпѣвъ долгое время жестокой холодъ подлѣ нашего всякой часъ погасавшаго огня, грѣлся я съ неописаннымъ удовольствіемъ.

Прошло около прехъ часовъ послѣ ухода Индійцовъ, и огорченные поварищи мои начали перяшь надежду увидѣшь ихъ; но наконецъ показали они плывущіе въ лодкѣ, сдѣланной изъ коры, мимо вдавшейся въ море косы. Скоро вышли они на берегъ, неся большую часть копченаго мяса и пузырь съ рыбимъ жиромъ. Они взяли нашъ горшокъ и въ снѣжной водѣ спали варить мясо; когда же оно сварилось, то они изъ осторожности давали намъ его весьма по немногу, съ небольшимъ количествомъ жира, чтобы предохранить насъ отъ опасныхъ слѣдствій пресыщенія при слабомъ состояніи нашего желудка.

По окончаніи сего небольшого обѣда, они велѣли мнѣ и двумъ изъ моихъ поварищей сѣсть съ ними въ ихъ малень-

жую лодку, въ которой всѣ мы не могли помѣститься. До жилища ихъ было не далѣе трехъ Англійскихъ миль. На берегу встрѣтили насъ шрое Индѣйцовъ и около двѣнадцати женщинъ и дѣшей, насъ ожидавшихъ. Привезшіе насъ воротились за поварищами нашими, а другіе повели насъ въ свои хижины, или Вигвамы, построенные въ концѣ лѣса. Хижины было только три, по числу семействъ. Сии добрыя люди приняли насъ весьма ласково. Они дали намъ нѣкоторой родъ похлебки; но не смотря на нашу просьбу, не позволяли намъ ѣсть мяса и никакой другой тяжелой пищи.

Я былъ весьма обрадованъ, когда лодка возвратилась и пришли къ намъ шрое товарищей нашихъ. Увидясь въ хижинахъ дикихъ, послѣ самой короткой разлуки, мы чувствовали то, что ощущаютъ старинные друзья, которые, вздыхавъ долгое время въ разлукѣ, наконецъ обнимаютъ другъ друга въ своемъ отечествѣ. Сей шалашъ казался намъ самымъ пріятнѣйшимъ мѣстомъ. Восхищеніе наше тронуло одну старуху, которая оказывала великое любопытство знать наши приключенія. Я разсказалъ ей гораздо подробнѣе тому Индѣйцу, кошо-

которой могъ разумѣть по Французски; а онъ перевелъ слышанное отъ меня на свой языкъ для прочихъ дикихъ. Во время его повѣствованія имѣлъ я случай примѣтить, что женщины были онымъ весьма пронупы; а по сему живому впечатлѣнію могъ я думать, что съ нами будешь хорошо обходишься во все время нашего пребыванія у сихъ дикихъ.

Удовлетворяя первымъ нашимъ нуждамъ, спали мы помышляя о шѣхъ несчастныхъ, которые оспались на мѣстѣ нашего кораблекрушенія. Судя по шѣмъ бѣдствіямъ, въ которыхъ мы едва было совѣмъ не погибли, я думалъ, что судьба ихъ могла быть еще ужаснѣе нашей. Но естли хотя одинъ изъ нихъ оспался живъ, то я готовъ былъ употребить все средства къ его спасенію. Спаяясь описать дикимъ то мѣсто острова, къ которому мы принесены были, спрашивалъ я у нихъ, не лзя ли подать помощи оставшимся тамъ товарищамъ нашимъ.

Когда я описалъ имъ печеніе ближайшей рѣки и небольшой островъ, находящійся въ недалномъ отстояніи отъ ея устья, то дикіе отвѣчали, что имъ сіе мѣсто весьма извѣстно; что до него

будетъ около 75 Англійскихъ миль; что дороги къ нему черезъ лѣса весьма трудны; что надобно перейти многія рѣки и горы; и что еслии они отправятся въ сей путь, то имъ надлежитъ ожидать какого нибудь награжденія за свои труды. Не благоразумно было требовать, чтобы они оставили свою ловлю, единственное средство къ прокормленію своихъ женъ и дѣтей, предпринявъ такое трудное путешествіе изъ одной любви къ незнакомымъ. Что касается до опредѣленнаго ими разстоянія, то я вѣрилъ имъ, почитая по собственному своему счету, что вдоль берега оплыли мы не менѣе 110 Англійскихъ миль. Я имъ сказалъ тогда [чего прежде совсѣмъ не приходило мнѣ въ голову], что у меня есть деньги, и что еслии они почитаютъ ихъ за что нибудь, то я заплачу имъ за труды ихъ. Казалось, что они были весьма довольны симъ предложеніемъ, и просили меня, чтобы я показалъ имъ деньги свои. Я взялъ кошелекъ у слуги моего и высыпалъ изъ него сто восемьдесятъ гвиней. Сіе золото произвело въ нихъ такія движенія, какихъ я совсѣмъ не ожидалъ отъ народа дикаго; а особливо женщины смотрѣли на него съ чрезмѣрною

ною алчностью: и когда я подарилъ каждому человѣку по гвиней, то они все начали громко хохотать, что означаетъ у Индійцевъ необыкновенную радость.

Какъ бы велики ни были ихъ требованія, но я ничего бы не пожалѣлъ для спасенія моихъ соотечественниковъ, если бы хотя одинъ изъ нихъ былъ въ живыхъ. Мы уговорились, чтобы имъ на другой день отправились въ дорогу, а мы дасть имъ двадцать пять гвиней напередъ, и по возвращеніи ихъ заплатить такую же сумму. Тотчасъ спали они, приготавливая обувь для удобной ходьбы по снѣгу, какъ для нашихъ мапротовъ, которыхъ надлежало имъ привести съ собою, такъ и для самихъ себя; а въ слѣдующій день поутру они пошли въ путь, получивъ отъ меня назначенную сумму денегъ.

Съ самой той минуты, какъ дикіе увидѣли у меня въ рукахъ золото, изменился я въ ихъ глазахъ пріятностей, которыми обязанъ былъ ихъ гостепріимству. Они спали вдругъ такъ корыстолюбивы, какъ прежде были щедры; и всякую бездѣлицу, нами отъ нихъ получаемую, цѣнили въ десять разъ дороже надлежащаго.

щаго. Я спрашилъ того, чѣмъ чрезмѣрная страсть къ деньгамъ, которою они заразились въ сообщеніи своемъ съ Европейцами, не побудила ихъ ограбить насъ и оставивъ въ томъ жалостномъ положеніи, изъ котораго вышли мы помощію ихъ. У меня была одна надежда, что они не поступятъ съ нами столь безчеловѣчно; а именно на Религію, которую они приняли, бывъ обращены въ Христіанство Французскими Іезуитами, прежде нежели сей островъ былъ намъ отданъ съ Канадою. Они оказывали живѣйшую привязанность къ вѣрѣ; и часто по вечерамъ оглушали насъ своимъ нестройнымъ псалмопѣніемъ. Они болѣе всѣхъ полюбили слугу моего, для того что онъ былъ Ирландской Капюликъ и вмѣстѣ съ ними молился, хотя въ сихъ молитвахъ не разумѣлъ ни одного слова. Сомнѣваюсь, чѣмъ они и сами себя разумѣли; ибо ихъ пѣсни, подобныя вою, состояли изъ непонятнаго смѣшенія худаго Французскаго и собственнаго дикаго языка ихъ, и нѣкоторыхъ Латинскихъ рѣчей, которыя они заняли отъ своихъ Миссіонеровъ. Сіи дикіе видомъ и нравомъ своимъ вообще сходствуютъ съ пѣвцами, которые живутъ на твердой землѣ

въ

жѣ Америкѣ; однакожь языкѣ ихѣ весьма отличенѣ отѣ языка всѣхѣ иныхѣ народовѣ, мнѣ извѣстныхѣ. Они отличаютсѣ отѣ нихѣ также и обыкновеніемѣ отращать волосы свои, что у жителей твердой земли принадлежишѣ однѣмѣ женщинамѣ. Впрочемѣ ко всѣмѣ спиртоватымѣ напиткамѣ имѣющѣ они такую же чрезвычайную спрость, какѣ и всѣ иные дикіе народы.

Не скоро пришли мы въ силу и могли употреблять жирную пищу. У Индейцовѣ было одно лосинное мясо и жирѣ морскихѣ шелятѣ, чѣмѣ они обыкновенно питались во время ловли. Хотя помышленіе о прошедшихѣ бѣдствіяхѣ нашихѣ должно было заставить насѣ благословлять переменѣну въ нашемѣ положеніи и сдѣлать пріятнымѣ пребываніе наше у сихѣ дикихѣ людей, однакожь мнѣ весьма хотѣлось поскорѣе оставить ихѣ, по причинѣ повѣренныхѣ мнѣ депешей, которыя могли бытъ весьма важны для пользы государственной; мнѣ же извѣстно было, что судно съ дубликатомѣ пощонуло. Однакожь я былѣ еще въ такой слабости, что нѣсколько времени не способенѣ былѣ ни къ какому движенію, и чувствовалѣ, вмѣстѣ съ товарищами своего несчастія, что

весьма трудно поправить въ шѣлѣ своемъ такую великую разспройку.

Черезъ пятнадцать дней Индйцы возвратились только съ тремя изъ товарищей нашихъ, которые остались въ живыхъ изъ осьми человекъ, покинутыхъ нами въ шалашѣ. Они рассказали намъ, что издержавъ весь свой запасъ, нѣсколько дней питались лосиною кожею, которую мы погнушали раздѣливъ съ ними; что послѣ сего трое умерли отъ голода, а прочіе были въ ужасной необходимости питаться ихъ трупами, до самаго прихода Индйцовъ; что одинъ изъ пяти оставшихся съ такою алчностью ѣлъ, что черезъ нѣсколько часовъ испустилъ духъ въ страшномъ мученіи; и что другой, поворачивая ружье дикаго, нечаянно засрѣлся. Такимъ образомъ изъ девятнадцати человекъ осталось насъ только девять, и я еще удивляюсь, какъ мы все не померли, цѣлые три мѣсяца спрадая отъ холода, ушомленія и голода.

Недоставокъ въ силахъ продержалъ насъ еще пятнадцать дней въ семъ скудномъ мѣстѣ, и я по прежнему долженъ былъ

былъ плашить весьма дорого за пищу и за другія потребности. Спавъ въ сіе время нѣсколько поздоровѣе, и видя, что деньги мои исходятъ, почелъ я за должность пожертвовать личными своими удобствами должности моей службы, и рѣшился доставить депеши свои Генералу Клинтону со всею возможною поспѣшностію, хотя время тогда было самое неудобное для путешествія. Почему нанялъ я двухъ Индійцевъ проводить меня въ Галлифаксъ за сорокъ гвиней, которыя мнѣ должно было заплатить имъ по прибытіи въ сіе мѣсто. Я обѣщаль еще доставлять имъ въ пути всякой запасъ и пищу въ тѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ, которыя надлежало намъ проходить. Другіе Индійцы должны были проводить поварищей моихъ въ селеніе, лежащее на Гишпанской рѣкѣ, гдѣ имъ надлежало остаться до весны, чтобы при случаѣ доѣхать до Галлифакса моремъ. Я далъ Капитану столько денегъ, чтобы онъ могъ пропитать себя и матросовъ своихъ, взявъ съ него вексель на его корабельщика въ новомъ Йоркѣ. Сей человекъ не постыдился послѣ заплатить мнѣ денегъ подъ предлогомъ, что когда корабль пропалъ,

по ни Капитанъ, ни матросы не могутъ ни чего съ него требовать.

Я отправился въ путь вшораго числа Апрѣля съ двумя Индѣйцами, своимъ слугою и Господиномъ Винсло, молодымъ пассажиромъ, однимъ изъ шѣхъ проихъ, которые не умерли въ шалашѣ. Каждой изъ насъ взялъ по четьре пары Индѣйскихъ башмаковъ, лыжи и запасу на пяпнатцать дней. Въ вечеру пришли мы въ то мѣсто, которое Англичане называютъ Broad-Oar, т. е. *широкое весло*, гдѣ по причинѣ поднявшейся вьюги намъ должно было пребыть весь слѣдующій день. Мы пошли четвертаго числа, и опшедши около десяти Англійскихъ миль, пришли на берегъ весьма хорошаго соленого озера, называемаго озеромъ Св. Петра, которое однимъ концомъ сообщается съ моремъ. Въ семъ мѣстѣ нашли мы два семейства Индѣйцовъ, которые шутъ ловили звѣрей. За четьре гвиней купилъ я у нихъ маленькой челночекъ, сдѣланной изъ коры; ибо проводники мои сказали, что онъ будетъ намъ часто нуженъ для переправы черезъ шѣ мѣста озера, которыя никогда не замерзаютъ. А какъ въ другихъ мѣстахъ

над-

надлежало намъ итти по льду, то я принужденъ былъ купить еще сани, чтобы тащить за собою лодку.

Опдохнувъ два дни и запасшись новою провизією, опсправились мы вѣ пущь седьмаго числа, и шли нѣскольکو миль вдоль по берегу озера; но какъ ледъ былъ худъ, то намъ надлежало оставить сію дорогу и итти лѣсомъ. Снѣгъ былъ шамъ глубиною вѣ шесть фушовъ. Опшпель и дождь, пошедшій на другой день, шакъ его размягчилъ, что намъ не лзя было итти по его поверхности. И шакъ мы были принуждены остановиться. Большой огонь, покойной Вигвамъ и изобильная пища, ушѣшали насъ вѣ сіе худое время; однакожь мы не совсѣмъ спокойны были. Зима была вѣ концѣ; по чему мы не могли надѣяться долго итти по снѣгу безъ сильнаго мороза. А ешлы бы его совсѣмъ не было, то намъ надлежало бы дожидаться того времени, когда бы озеро совершенно прошло; сіе же могло бы насъ продержашъ еще двѣ или три недѣли. Вѣ такомъ случаѣ положеніе наше сдѣлалось бы споль же несчастно, какъ и то, вѣ которомъ мы были по нашемъ кораблскрушеніи, кромѣ того,

ЧНО

что время спало шеплѣ; что мы имѣли поболѣе запасу; и что въ случаѣ недо-спашка могли ружьями своими настрѣ-лять для пищи своей разной дичины.

КЪ щастію нашему втораго - на-десять числа сдѣлался морозъ, и мы рѣшились на другой день симъ вос-пользоваться. Въ сей день прошли мы пять Англійскихъ миле; иногда перебира-лись по плывущимъ льдинамъ, а иногда плыли въ своемъ челночкѣ. Видя, что запасъ нашъ почти весь изошелъ, предло-жилъ я на другой день своимъ шовари-щамъ стрѣлять птицъ и звѣрей, кото-рыхъ, казалось, довольно было въ семъ мѣстѣ. Всѣ дикіе вообще думаютъ только о потребностяхъ настоящаго дня, не за-бохаясь о слѣдующемъ. Сія предосторо-жнось была весьма нужна, для того что сильная ошпелель могла вдругъ воспрепят-ствовать нашему пупи. Я пошелъ въ лѣсъ съ однимъ изъ моихъ проводниковъ, и мы скоро нашли слѣды лося, котора-го мой дикой топчасъ нашелъ и засрѣ-лилъ. Онъ разрѣзалъ его весьма иску-сно, собралъ кровь въ пузырь, и раз-нялъ шло на четыре части, изъ кото-рыхъ одну ошнесли мы на плечахъ
вѣ

вѣ свою лодку, а за прочими послали другаго Индійца, слугу моего и Господина Винсло. Такимъ образомъ стало у насъ довольно запасу; и вѣ случаѣ опшпели, копорая могла бы намъ помѣшать ишти лѣсомъ или озеромъ, не могло быть у насъ недостатка вѣ пищу. Пятаго-надесять опсправились мы вѣ путь весьма рано, и вѣ шопѣ день прошли шесть Французскихъ миль; а сей переходъ пакѣ испощилъ силы наши, бывшія уже и безѣ шого вѣ великой слабости, чпо на другой день не могли мы продолжашъ своего путешествія. Мы должны были за усталостію своею пребыть шущѣ до осьмаго-надесять числа. Вѣ сей день продолжали мы путешествие свое по прежнему, ш. е. или шли по плывущимъ льдинамъ, или плыли на лодкѣ вѣ шѣхъ мѣсахъ, гдѣ на озерѣ не было льду. Тогда имѣлъ я случай замѣпить красоты сего озера, одного изъ лучшихъ извѣстныхъ мнѣ Американскихъ озеръ, хошя вѣ сіе время года еще и не лзя было видѣть всѣхъ его пріятностей. Оно покрыто безчисленнымъ множествомъ небольшихъ острововъ, разсѣянныхъ по его поверхности; по чему подобно оно славному Килларнейскому озеру и другимъ Ирландскимъ

скимъ прѣснымъ озерамъ. На сихъ островахъ никогда не было селеній; но кажется, что земля тамъ плодородна, и лѣтомъ было бы весьма пріятно жить шупъ, естли бы можно было доставать прѣсную воду, копорой въ сихъ мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ. Безъ сомнѣнія по самой сей причинѣ остающся они ненаселенными. Естли бы все озеро было покрыто крѣпкимъ льдомъ, то мы могли бы итти гораздо поспѣшнѣе и съ меньшимъ шрудомъ, переходя отъ одного конца къ другому, и съ одного острова на другой, вмѣсто того, что мы при всякомъ заливѣ принуждены были сворачивать далеко въ сторону.

Двадесятаго числа пришли мы въ мѣстечко Святаго Петра, гдѣ живутъ нѣкоторые Англійскія и Французскія семейства. Изъ благодарности долженъ я здѣсь упомянуть о Господинѣ Каванафѣ, Англійскомъ купцѣ, копорой принялъ насъ весьма ласково, и копорой, выслушавъ исторію несчастій моихъ, повѣрилъ мнѣ двѣсти фунтовъ стерлинговъ на вексель, написанной на имя моего опца, хотя фамилія наша была ему совсѣмъ неизвѣстна.

Я могъ бы отъ мѣстечка Св. Петра доплыть до Галлифакса на рыбацьемъ суднѣ,

суднѣ, естли бы не боялся попасься въ руки къ Американскимъ Корсарамъ, которые тогда въ сихъ мѣстахъ разбѣзжали. Озеро отдѣлялось тамъ отъ моря однимъ лѣсомъ, проспирающимъ въ ширину шаговъ на тысячу; и такъ мы рѣшились допашить нашу лодку до берега и плышь на ней по морю. Приспавая въ слѣдующіе дни къ мѣстамъ мало примѣчанія достойнымъ, приплыли мы въ Наррашокъ, гдѣ приняли насъ съ такою же ласкою, какъ и въ мѣстечкѣ Св. Петра. Оттуда отправились двашцать шестаго числа къ острову, называемому Мадамъ, кошорой находится въ срединѣ пролива Кансо, отдѣляющаго островъ Капъ-Брешомъ отъ Акадіи, или новой Шопландіи. Но приплывая къ сему острову, увидѣли такое великое множество плавающихъ льдинъ, что мы бы весьма безразсудно поступили, естли бы отважились плышь между оными на маленькомъ своемъ челночкѣ. И такъ мы возвратились въ Наррашокъ, гдѣ я нанялъ безопаснѣйшее судно, въ кошорое положили мы свою лодку; и двашцать седьмаго числа, съ помощію благопріятнѣйшаго вѣтра, въ при часа переплыли мы проливъ и пристали къ берегу въ Кансо, кошорого

раго именемъ названъ сей проливъ. По помѣ, плывѣ на лодкѣ своей все вдоль берега, черезъ десять дней вошли мы въ пристань Галлифакскую.

Индійцы, получивъ отъ меня договорную сумму и подарки въ знакъ моей благодарности къ спасшимъ мою жизнь, черезъ нѣсколько дней насъ оставили и отправились назадъ на свой островъ. А какъ мнѣ надлежало долго дожидаться отхода кораблей, то я имѣлъ удовольствіе дожидаться шоварицей моихъ, которыхъ Индійцы должны были проводить до селенія на *Гишпанской рѣкѣ*. Наконецъ, черезъ два мѣсяца, сѣлъ я на корабль, называемой *Chêne Royal*, и прибылъ въ Новой Йоркѣ, гдѣ вручилъ денги свои, такъ давно отправленныя, Генералу Клинтону, будучи самъ въ жалостномъ положеніи.

О С А Д А
КОЛЧЕСТЕРА,

Драма въ одномъ Дѣйстви.

Дѣйствующія лица:

Лордъ Ферфаксъ, Генераль Парламентской арміи.

Лордъ Кепель, Губернаторъ Колчестерской.

Эдмондъ, сынъ Ферфаксовъ.

Артуръ, сынъ Кепелевъ.

Полковникъ Морганъ, другъ Ферфаксовъ.

Полковникъ Кингстонъ, другъ Кепелевъ.

Суррей, Капшанъ Ферфаксовой сшражи.

Сшражи и Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ ставкѣ Ферфаксовой, передъ стѣнами Колчестерскими.

Междуусобная война, раздиравшая Англию въ правленіе Карла перваго, возгорѣлась въ другой разъ. Рѣшеніе Парламенша, чшобы не посылать уже никакихъ докладовъ къ сему несчастному Государю, заключенному тогда по его повелѣнію на оспровѣ Вайшѣ, возбудило негодованіе въ сердцахъ всѣхъ добрыхъ гражданъ. Шотландія, Валлисѣ и нѣкоторыя сѣверныя города Королевства и Графства Суррейскаго, и семнадцать кораблей, бывшихъ на жалованьѣ Парламентскомъ, явно взяли Королевскую сторону. И въ Графствахъ Эссекскомъ и Кентскомъ были въ пользу его нѣкоторыя движенія, поддерживаемыя усердіемъ Графа Норвича, Лорда Кепеля, Г. Лукаса и Георга Майля. Противъ ихъ посланъ былъ Кавалеръ Ферфаксъ съ арміею довольно многочисленною. Сему искусному Генералу не прудно было побѣдить нѣкоторыя новыя и худо выученныя войска. Онъ совершенно разбилъ ихъ въ Медстонѣ, въ Графствѣ Кентскомъ; и преслѣдуя бѣгущихъ, принудилъ ихъ и Роялишовѣ Графства Эссекскаго заключиться въ городъ Колчестеръ, немедленно имъ осажденномъ.

Осада сего города есть одно изъ достопамятнѣйшихъ произшествій сихъ несчастныхъ временъ, по той упорности, съ которою гарнизонъ защищался (*). Не смотря на жестокіе приступы, которые надлежало осажденнымъ выдерживать; не смотря на ужасной недоспадокъ, до котораго они доведены были, не имѣя никакой пищи, кромѣ бывшихъ въ го-
Д 2
родѣ

(*) Она продолжалась отъ 18 Іюня 1648 до конца Августа того же года. Стѣны и укрѣпленія Колчестерскія, сдѣланныя Римлянами съ тою прочностію, которую умѣли они сообщать всѣмъ своимъ зданіямъ; сохраняютъ еще и понынѣ ужасные знаки сей яростной осады: на всѣхъ сторонахъ видны опве-зтія, произведенныя башарями Парламентской арміи. Церкви по большей части до половины разрушены. Въ 1783 году былъ я въ церкви Св. Маріи; которая, сказываютъ, построена на развалинахъ Королевской крѣпости; чтобы благословлять въ ней память Героевъ, умѣвшихъ защищаться съ такою отважностію, а особливо память двухъ мужей, Кавалеровъ Лукаса и Дайля; которыхъ кровь была шамъ про-йша съ такою жестокостію.

родѣ лошадей — они дѣлали еще жестокія вылазки и презирали всѣ силы осаждающихъ, въ ожиданіи нѣкоторой невѣрной помощи, имѣ обѣщанной.

Въ семѣ положеніи начинается дѣйствіе слѣдующей Драмы.

Я никакъ не думаю юнымъ моимъ Чичашелямъ представлять за вѣрное средство, которымъ Ферфаксъ хотѣлъ принудить Лорда Кепеля сдать ему городъ (*). Оно весьма противно характеру праводушія и человеколюбія, которой всѣ Историки согласно приписываютъ сему Генералу. Но какъ сердечная мягкость дѣлала его всегда слѣпымъ орудіемъ воли Кромвелевой и Иретоновой (**), и какъ Иретонъ былъ всегда съ нимъ во
вре-

(*) Сей случай разсказывается Рагетомъ въ исторіи Кромвелевой жизни съ такими подробностями, которыя дѣлаютъ его вѣроятнымъ. Но какъ онъ не показываетъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ взялъ его, то мнѣ и нельзя было изслѣдовать его справедливости; къ тому же ни Кларендонъ, ни Юмъ, ни Макале не упоминаютъ о семъ.

(**) Зять Кромвелевъ.

время осады, по внушенію сего злобнаго
человѣка могли довести его до такого
насилъственнаго поступка, противнаго
его сердцу, такъ какъ оныя сдѣлали его
виновникомъ и того кровопролитія, о
которомъ будетъ говорено послѣ.

Я старался изобразить швердой и
великодушной характеръ Кепелевъ во всей
его силѣ — характеръ, не измѣняющійся
ни въ какомъ обстоятельстве жизни и
смерти его. Если онъ произведетъ въ
сердцахъ друзей моихъ желаемое дѣйствіе,
то надѣюсь, что имъ пріятны будутъ
нѣкоторыя любопытныя подробности не-
щаснаго конца сего добродѣтельнаго
мужа, которыя сообщимъ по заключеніи
Драмы.

Д В Л Е Н І Е I,

Ферфаксъ, Морганъ.

Ферфаксъ.

(Читая бумагу, поданную
ему Морганомъ).

И такъ атака нынѣшней ночи сто-
ила намъ многихъ храбрыхъ воиновъ?

Морганъ.

Восемь сотъ человекъ убило, и при-
помъ самыхъ лучшихъ изъ всей арміи.

Ферфаксъ.

Хорошо, есѣли бы эта потеря до-
ставила намъ какую нибудь выходу! Но
не смотря на всѣ наши приступы, Кол-
честеръ противится оружію нашему съ
прежнею жестокостію. Примѣръ Оксфорта
ободряетъ гарнизонъ; и упрямой Ке-
пель — —

Морганъ.

Этотъ человекъ одинъ защищаетъ
городъ лучше всѣхъ стѣнъ. Всѣ наши
приступы будутъ тщетны, есѣли онъ
и впредь спанетъ обороняясь съ такою же
упорностію.

Ферфаксъ.

Не долго уже ему ругаться нами.

Мор-

Морганъ.

Какъ, Милордъ — —

Ферфаксъ.

Ешьли я не могу преодолѣть его упорности, то сынъ его конечно въ помѣ успѣетъ.

Морганъ.

Сынъ?

Ферфаксъ.

Да, Морганъ. Молодой Аршуръ нынѣ опворишъ мнѣ Колчестерскія ворошы. Точно для эшова призвалъ я его съ сыномъ моимъ изъ Лондона. Меня увѣдомили о прїѣздѣ ихъ.

Морганъ.

Вошъ Суррей, бывший въ городѣ.

Я В Л Е Н І Е II.

Ферфаксъ, Морганъ, Суррей.

Ферфаксъ.

Что, Суррей, принято ли перемиріе? Согласился ли Кепель на предлагаемое свиданіе?

Суррей.

Согласился, Милордъ. Всѣ непріятельскія дѣйствія остановлены на шесть ча-

совѣ; и теперь же по утру Лордъ Кепель придетъ въ вашу спавку.

Ферфаксъ.

Для того, чтобы поржесествовать въ моихъ глазахъ. Какъ онъ себя принялъ?

Суррей.

Хладнокровно, — съ твердостью и спокойствіемъ. Постоянство изображается на челѣ его.

Ферфаксъ.

Уже ли эпитъ гордой Роялистъ одинъ непоколсбимъ будетъ, въ то время, когда устрашается самъ Духъ хранишель Албіоновъ! — Нѣтъ! скоро, скоро заставляю его шрепешать. Я вселю ужасъ въ самое чувствительное мѣсто сердца его. Суррей! позови сына моего.

(Суррей уходитъ)

Я В Л Е Н І Е III.

Ферфаксъ, Морганъ.

Морганъ.

Смѣю ли спросить, Милордъ, въ чемъ состоитъ ваше намѣреніе? Я никакъ не могу его угадать.

Фер-

Ферфаксъ.

Думаю; но надобно тебѣ открыть его. Вчера ввечеру получилъ я извѣстіе, что Герцогъ Гамилшонъ и Лангдалъ идутъ со многочисленною арміею на помощь городу. Хотѣвъ предупредить ихъ, отважился я въ нынѣшнюю ночь на прешій приступъ — знаешь успѣхъ его. Но чего не могъ я сдѣлать силою, то сдѣлаю хитростию.

Морганъ.

Какимъ же образомъ Артуръ будетъ вамъ служить въ этомъ предпріятіи?

Ферфаксъ.

Я живо представляю ему опасность, угрожающую отцу его. Они увидятся другъ съ другомъ въ моей спавкѣ. Устрашенной Артуръ, пекущейся о жизни отца своего, уговоритъ его сдаться.

Морганъ.

Вы это думаете, Милордъ?

Ферфаксъ.

Надѣюсь. Одна слеза часто побѣждала того, кого не могло побѣдить оружіе цѣлой вселенной.

Морганъ.

Кепель опецъ — нѣжной родитель; однакожь Кепель и Герой — Герой непоколебимой.

Ферфаксъ.

Естьли первое оружіе Природы не можешъ укротишь его — — Сынъ мой идешъ. Мнѣ надобно наединѣ поговорить съ нимъ. Поди къ Артуру и постарайся всѣми силами склонишь его къ произведенію въ дѣйство моего намѣренія.

Я В Л Е Н І Е IV.

Ферфаксъ, Эдмондъ.

Ферфаксъ.

Обними меня, любезной сынъ!

Эдмондъ (бросаясь въ его объятія).

Батюшка! — какъ я радъ, что занимаяся войною, вы меня не позабыли!

Ферфаксъ.

Ты еще болѣе обрадуешься, когда узнаешь, для чего я тебя призвалъ къ себѣ.

Эмондъ.

Я готовъ исполнить ваше повелѣнiе.

Ферфаксъ.

Оно будетъ шебъ драгоцѣнно, естли сердце швое чувствительнo къ дружбѣ.

Эмондъ.

И такъ я ожидаю его съ новымъ несперѣнiемъ.

Ферфаксъ.

Ты можешь спасти Артура отъ самаго величайшаго для него несчастiя.

Эмондъ.

Что вы говорите? — О родитель мой! скажите, скажите поскорѣе! Начшо перяшь время?

Ферфаксъ.

Милордъ Кепель по слѣпой упорности губишь себя. Я столько почитаю его мужество, что несчастiе его для меня горестно. А особливо судьба его сына, шобою любимаго, не можетъ меня не шрогать. Спасемъ ихъ обоихъ отъ неизбѣжной гибели.

Эмондъ.

Какое же средство употребить надобно? — Ахъ! естли оно въ моей

вла-

власти, по сѣ какою ревностію имѣ воспользуюсь!

Ферфаксъ.

Нынѣшнимѣ упромѣ надобно мнѣ видѣться сѣ Милордомѣ. Я доставляю ему удовольствіе увидѣть и обнять своего сына. Но когда представляю ему все несчастіе, которому подвергается онѣ по слѣпотѣ своей, по мнѣ хотѣлось бы, чтобы Артурѣ прозьбою своею подкрѣпилѣ мои убѣжденія.

Эдмондѣ.

Ахѣ, бабюшка! я думаю — —

Ферфаксъ.

Что онѣ ни вѣ чемѣ не успѣетѣ? — Нѣтъ, любезной другѣ! власть, которую Природа дала дѣтямѣ надѣ родителеями, гораздо болѣе шой, которую законы даютѣ родителеямѣ надѣ дѣтьми ихѣ.

Эдмондѣ.

Я знаю Артура. Онѣ сполько почитаетѣ отца своего, что не осмѣлился отвращать его отѣ должности — или по крайней мѣрѣ отѣ того, что онѣ почитаетѣ за должность свою.

Фер-

Ферфаксъ.

Но еслили принуждаетъ его къ шому необходимости, то въ такомъ случаѣ всего болѣе можешъ онъ доказать свое почтеніе и любовь къ родителю.

Эдмондъ.

Аршуръ эшому никогда не повѣришь.

Ферфаксъ.

Для собственнѣйшей его пользы надобно ему открышь глаза. Развѣ ты не другъ его?

Эдмондъ.

Другъ его! — Ахъ! кромѣ моихъ родителей, я люблю его болѣе всего на свѣтѣ. Въ самое то время, когда наши опцы другъ съ другомъ сражаются, я опдалъ бы жизнь свою для спасенія его жизни.

Ферфаксъ.

Не только не оуждаю эпова восторга, но еще и удивляюсь ему. Онъ показываетъ, что сердце сына моего удобно къ самымъ благороднѣйшимъ движеніямъ великодушія. Такъ надобно чувствовашъ дружбу, чшобъ быть ее достойнымъ. Ты бы умеръ за друга своего:
его

его надобно спасти. Если благополучие и жизнь его тебе дороги, то помоги мне в моем предприятии. Поди к нему и приведи его ко мне. Я вместе с тобой постараюсь уговорить его.

Эдмондъ.

Повинуюсь вамъ. (*Въ сторону*) Ахъ! что мне сказать ему?

Я В Л Е Н І Е V.

(*Ферфаксъ остается сперва одинъ въ глубокомъ размышленіи; по томъ подходитъ къ нему Суррей*)

Ферфаксъ, Суррей.

Суррей.

Милордъ — —

Ферфаксъ.

Я хотѣлъ послать за тобой, Суррей. Когда я буду говорить сь Артуромъ и сыномъ моимъ, вели Моргану собрать войско, чтобы оно по первому знаку могло выступить.

Суррей (съ удивленіемъ).

Простите мне, Милордъ, удивленіе мое; но такое приказаніе для меня очень трудно.

Фер-

Ферфаксъ.

Разумью. — Поди и не безпокойся. Ферфаксъ, по праву войны, можешъ спараться удивить своего непріателя; но онъ никогда не нарушишь своего слова. Перемирие, шобою заключенное, будетъ свято сохранено. Я хочу только шого, чтобы уговаривая гордаго Кепеля сдатьъся, вдругъ его изумить видомъ блестящей и храброй арміи. Такое зрѣлище, можешъ бышь, преодолѣшь его упорность.

Суррей.

Но, Милордъ — —

Ферфаксъ (повелительнымъ голосомъ).

Поди, поди поскорѣ!

Я В Л Е Н І Е VI.

Ферфаксъ, Эдмондъ, Артуръ (которой съ поштеніемъ подходитъ къ Ферфаксу)

Ферфаксъ (взявъ его за руку).

Я радъ, что себя вижу, любезной Артуръ. Знаю, какъ ты любишь моего сына; почему швоя польза миѣ драгоценна.

цѣнна. Вѣ доказательство эпова соединяю себя нынѣ съ своимъ родителемъ.

А р т у р ъ.

Вы хотите послать меня въ крепость, Милордъ, чтобы я сражался подлѣ моего отца съ его непріятелями?

Ф е р ф а к с ъ.

Не удивляюсь, видя эту военную ревность въ сынѣ храбраго Кепля; но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ она можетъ сдѣлать тебя несчастливымъ.

А р т у р ъ.

Умереть съ своимъ родителемъ, за своего Короля — Милордъ! можно ли это назвать несчастіемъ?

Ф е р ф а к с ъ.

И такъ отецъ дороже тебѣ собственной швоей жизни?

А р т у р ъ.

Извольте предложить эповѣ вопросъ сыну вашему: онъ будетъ за меня опивѣчать.

Ф е р ф а к с ъ.

И такъ, не лишись жизни, ты можешь сохранить жизнь своего родителя;
или

или лучше сказать, можешь ему возвра-
тить жизнь.

Артуръ.

Скажите, скажите, что я могу для
него сдѣлать?

Ферфаксъ.

Городъ не можетъ долго защищать-
ся. Черезъ нѣсколько дней онъ будетъ
взятъ. Тогда, вмѣсто лавровъ, увѣча-
вающихъ нынѣ Кепеля, частію его бу-
детъ — постыдная смерть на эшафотѣ.

Артуръ.

Понимаю ваше великодушное намѣ-
реніе. Вы хотите уговорить злодѣевъ
моего родителя, чтобы они, вмѣсто его,
лишили меня жизни? Умереть за отца,
за Короля — какая щастливая доля!
(бросается къ ногамъ его). Какъ воз-
благодарить васъ за то, что вы почли
меня достойнымъ такой участи!

*Эдмондъ (въ сторону, отки-
рая слезы).*

Съ какою горестію выдетъ онъ изъ
такого благороднаго заблужденія!

Ферфаксъ (поднимая Артура
и обнимая его).

Другъ мой! я долженъ почтывать те-
бя не менѣ Героя отца своего. Но мо-
жешь ли ты думать, чѣтобы я потребо-
валъ отъ тебя такой страшнѣй жертвы?

Артуръ.

Чего вы отъ меня ожидаете?

Ферфаксъ.

Поступка не столько ужаснаго, какъ
для одного, такъ и для другаго. Черезъ
минушу увидишься здѣсь съ опцемъ сво-
имъ. Присоедини свою прозбу къ моему
убѣжденію, чшобы понудить его сдать
городъ, котораго, со всемъ своимъ герой-
ствомъ, не можешь онъ долѣе защи-
щать.

Артуръ.

А, Милордъ?

Ферфаксъ.

Представь ему страшное опредѣленіе
Парламента; пошюки крови, лющейся на
шафотъ; горестъ его супруги, опчаяніе
сына, опишь всего вашего имѣнія. Пред-
ставь ему эту бездну несчастій, въ ко-
торую всѣхъ васъ ввергнетъ непокорство
его.

Ар-

Артуръ.

По словамъ вашимъ, Милордъ, вы имѣете ко мнѣ нѣкошорое уваженіе: вы конечно сказали то, что чувствуете?

Ферфаксъ.

Уже ли можешь ты въ этомъ сомнѣваться?

Артуръ.

И такъ позвольте мнѣ быть достойнымъ вашего уваженія и почитать предложеніе ваше за знакъ того, что вы хотѣли испытать мою добродѣтель.

Ферфаксъ.

Ты конечно докажешь ее, еслии освободишь отца своего отъ позора жестокой смерти. Видя тебя у ногъ своихъ прелещущаго отъ угрожающей ему опасности, можешь ли онъ прошивиться прошеніямъ сыновней любви?

Артуръ.

Хотя бы и былъ я такъ слабъ — столько подлъ и презрителенъ — однакожь отецъ мой по своему благоразумію не посмотрѣлъ бы на слезы слабого юноши.

Ферфаксъ.

Будучи благоразуменъ, онъ бы увидѣлъ, что желаніе спасти его заставяетъ тебя проливать слезы.

Артуръ.

Представьте себя на его мѣстѣ, Милордъ. Имѣя долгъ защищать городъ, могли ли бы вы сдать его по прозвѣ вашему сыну?

Ферфаксъ (въ замѣшательствѣ).

Спроси Эдмонда, какую власть имѣютъ надо мною прозвѣ его. Неблагодарной! знай, что любовь его къ тебѣ заставляетъ меня спрашиваться всего того, что можешь приключиться его другу. Опець твой также чувствуетъ силу Природы; гласъ ея конечно его шрнетъ.

Артуръ.

Онъ повинуется только гласу своей должности. Онъ скажетъ ему лучше меня, что ему дѣлать надобно.

Ферфаксъ.

Вспомни, что жизнь его въ твоихъ рукахъ.

Артуръ.

Нѣтъ, Милордъ, нѣтъ! она ни въ моихъ, ни въ вашихъ.

Фер-

Ферфаксъ.

И такъ ты хочешь погубить его?

Артуръ.

Если бы я могъ спасти его моею кровію, то пролилъ бы ее до послѣдней капли; но измѣну, гнусную измѣну презираетъ сынъ Кецелевъ!

Ферфаксъ.

Эта неукротимая гордость показываетъ, чья кровь течетъ въ жилахъ твоихъ. Послушай, Артуръ: я даю тебѣ одну минуту на размышленіе. Скоро возвращусь и спрошу у тебя въ послѣдній разъ, чего ты лучше хочешь: видѣть ли отца своего на эшафотѣ, или на колесницѣ счастья. — Эдмондъ! останься съ нимъ. Можетъ быть нѣжность твоя шронетъ его болѣе, нежели мое сожалѣніе.

Артуръ.

Ваше сожалѣніе? О Милордъ! вы очень великодушны. Я не требовалъ отъ васъ сожалѣнія.

(Ферфаксъ, взглянувъ на него съ гнѣвомъ, уходитъ безъ ответа).

Я В Л Е Н І Е VII.

Э д м о н д ъ, А р т у р ъ.

(Въ молчаніи смотрятъ другъ на друга).

А р т у р ъ.

Что, Эдмондъ? — Осмѣлишься ли ты въ угожденіе опцу своему уговаривать меня бытъ измѣнникомъ прошивъ моего родителя?

Э д м о н д ъ.

Мы знаемъ другъ друга. Нѣтъ, ты увѣренъ въ томъ, что я не могу бытъ подлецомъ; а я увѣренъ въ томъ, что ты никогда меня подлецомъ почитать не можешь.

А р т у р ъ.

Забудь на сей разъ дружбу, забудь Природу — естли бы ты былъ Артуръ, что бы ты предпріялъ?

Э д м о н д ъ.

Бытъ достойнымъ имени, тобою украшаемаго — бытъ швердымъ подобно тебѣ. Мнѣ, мнѣ вводишь въ пресупленіе опца моего?

Ар-

Артуръ.

Если бы Артуръ не такъ мыслилъ, онъ бы недостойнъ былъ твоей дружбы. Но; долго ли она продолжится?

Эдмондъ.

Артуръ! ты меня оскорбляешь. Чѣмъ я заслужилъ такую обиду?

Артуръ.

Проси меня, Эдмондъ. Я не себя боюсь. Но; если твой отецъ — —

Эдмондъ.

Позволь мнѣ думать, что онъ равно со мною чувствуетъ цѣну твоей добродѣтели. Позволь мнѣ имѣть почтеніе къ моему родителю.

Артуръ.

Если онъ запретитъ тебѣ любить меня?

Эдмондъ.

Уже ли ты думаешь, что я могъ бы повиноваться? Не всегда ли я любилъ тебя такъ, какъ брата своего? И можетъ ли разорваться союзъ нашихъ сердецъ, которыя часъ опѣ часу тѣснѣе соединяются? Не смотря на всѣ права отца моего, онъ не можетъ мнѣ элова повелѣть.

Артуръ.

Онъ самъ нѣкогда любилъ меня, и радовался, видя насъ вмѣстѣ роспуницхъ, учащихся и играющихъ. Сколько разъ Ферфаксъ заставлялъ насъ давать другъ другу слово, что мы будемъ вѣчно друзьями, такъ какъ онъ съ любезнымъ своимъ Кепелемъ! Но ты видишь, съ какою злобою онъ теперь гонитъ его. Не довольно того, что отецъ мой разоренъ — онъ хочетъ его посрамить, не имѣя способа лишить его жизни.

Эдмондъ.

Естьли онъ до такой крайности забудется — Боже! проси мнѣ эту ужасную мысль! — что и я забуду, что онъ мой отецъ.

Артуръ (отирая слезы).

Для чего это любезное имя наполняетъ горестію сердца наши! Для чего не могу безъ пренепа думать о томъ, кто мнѣ жизнь даровалъ! — Я все знаю. Городъ не можетъ защищаться долго; а мужественной Кепель никогда не подумаетъ сдаться. Естьли онъ не падетъ по ударами своихъ многочисленныхъ неприятелей, и живой достанется имъ въ руки,

руки, то какова будетъ участь его! Чѣмъ болѣе окажется онъ величія души и геройства, тѣмъ болѣе, въ отмщеніе за славу его, будущъ его мучить и позорить. Добродѣтельной Англичанинъ умретъ какъ преступникъ. Враги его непримиримы. Не могли побѣдить его на полѣ сраженія, предадутъ его въ руки палачу!

Эдмондъ (съ жаромъ).
Нѣтъ! онъ не погибнетъ. У него есть избавитель.

Артуръ.

Кто?

Эдмондъ.

Я.

Артуръ.

Ты, Эдмондъ? — Какую тщетную надежду вселяетъ въ тебя безсильная дружба?

Эдмондъ.

Она сильнѣе, нежели ты думаешь. Время дорого — разсуждать не когда. Исполнишь ли то, что я велю тебѣ?

Артуръ.

Исполню все, что не противно чести.

Эдмондъ.

Развѣ могу я потребовать отъ тебя чегонибудь противнаго ей?

Артуръ.

Хорошо — скажи только — я все сдѣлаю.

Эдмондъ.

И такъ пойдемъ. Наши лошади споятъ еще у спавки. Поскачемъ во Францію. Я отдаю въ руки швеси, и буду служить Кепелю аманпомъ противъ всѣхъ Ферфаксовыхъ предпріятій.

Артуръ.

Какъ! мнѣ увезти тебя отъ швоего отца?

Эдмондъ.

Онъ безъ всякаго страха похищаетъ тебя у швоего родишеля.

Артуръ.

Нѣтъ, я никогда не проступлюсь въ помъ, за что другаго осуждаю.

Эдмондъ.

Ты избавишь его отъ преступленія. Любезной Артуръ! для нашей дружбы, для него, для меня исполни мою просьбу. Избавь отца моего отъ вѣчнаго раскаянія;

нія; избавь меня отъ горести видѣть его всегдашнее мученіе!

Артуръ.

И такъ ты хочешь заставить меня всегда мучиться?

Эдмондъ.

Тебя? Нѣтъ, ты никогда и ни въ чемъ упрекать себя не можешь. Самъ родинель мой, когда пройдетъ первая горячность его, будетъ отъ всего сердца благодарить тебя за то, что ты сохранилъ его честь.

Артуръ.

Чего ты отъ меня требуешь? Нѣтъ, Эдмондъ, нѣтъ!

Эдмондъ (схватя его за руку и таща).

Я тебя не слушаю. Спупай за мною. Поѣдемъ.

(Входитъ Ферфаксъ, и за нимъ нѣсколько солдатъ).

Я В Л Е Н І Е VIII.

Ферфаксъ, Артуръ, Эдмондъ,
солдаты.

Ферфаксъ.

Возьмите ихъ обоихъ.

Артуръ.

Эдмондъ!

Ферфаксъ (Эдмонду).

Сынъ неблагодарной! такъ ли надобно исполнять повелѣніе отца своего?

Эдмондъ.

Развѣ я обѣщаль вамъ исполнить его?

Артуръ (бросаясь къ ногамъ его).

Ахъ, Милордъ! естли честь вамъ драгоцѣнна, то не упрекайте его непокорностію, или меня одного за то наказывайте. Дружба моя заставила его прошивиться вашей волѣ.

Эдмондъ.

Нѣшъ, нѣшъ, бапюшка, не вѣрьте ему. По своему великодушію хочетъ онъ обмануть васъ, обвиняя себя моимъ намѣ-

намѣреніемъ. Я еще: не могъ уговорить его. Осмѣлюсь сказать, что вы не имѣете надъ нимъ никакой власти. Явашъ. Жизнь и свобода моя вамъ принадлежатъ. Излейте на меня весь свой гнѣвъ. Если онъ только на меня обратится, то я никогда не буду роптать на васъ.

Ферфаксъ.

Молчи! Я знаю, кого наказывать. Заклучите ихъ порознь въ спавкѣ моей.

Артуръ.

По крайней мѣрѣ позвольте мнѣ сидѣть въ одной пемницѣ съ другимъ моимъ.

Эмондъ (стражъ).

Не прогайте его! Я не выпущу его изъ моихъ обѣщій.

Ферфаксъ (стражъ).

Возьмите ихъ!

(Ихъ разлучаютъ, и не смотря на сопротивление, уводятъ).

Я В Л Е Н І Е IX.

Ферфаксъ (послѣ долгаго молчанія, въ которомъ обнаруживается сильное внутреннее движеніе).

Уже ли сынъ мой опровергнетъ мое намѣреніе? Дерзосная непокорность его еще болѣе ушверждаетъ меня въ моемъ рѣшеніи. Нѣтъ, Кецель, ты не будешь самымъ жесточайшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Я представлю тебѣ такое зрѣлище, которое преклонитъ передо мною непоколебимую твою гордость. Для сына твоего Эдмондъ осмѣливается презирать власть мою: пусть же Артуръ за меня накажетъ тебя!

Я В Л Е Н І Е X.

Ферфаксъ, Суррей.

Суррей.

Милордъ! я исполнилъ приказаніе ваше. Но естли мнѣ позволено предшавить вамъ. — —

Ферфаксъ.

Твои представленія будутъ не кспашти; мы въ нихъ нѣшъ нужды.

Суррей:

Другъ Лорда Кецелея стоишь у дверей и хочешь говорить съ вами.

Ферфаксъ.

Пошли его.

(*Суррей идетъ за Кингстономъ и приводитъ его*).

Я В Л Е Н І Е Х І.

Ферфаксъ, Суррей, Кингстонъ.

Кингстонъ.

Милордъ! Губернаторъ Колчестерской спрашиваетъ у васъ черезъ меня, можешь ли онъ теперь имѣть честь говорить съ вами?

Ферфаксъ.

Я ожидаю его. Теперь поспѣшу отдать нѣкоторыя приказанія, чтобы разговоръ нашъ не могъ быть ни чѣмъ прерванъ. Суррей! поручаю тебѣ съ честью принять Милорда въ моей ставкѣ.

Какъ

Какъ скоро онъ придетъ, потчасъ меня увѣдомъ; я буду у Полковника Моргана.

(Ферфаксъ и Кингстонъ уходятъ въ двѣ разныя стороны).

Я В Л Е Н І Е XII.

Суррей (одинъ).

Какое намѣреніе занимаетъ его душу! Злобной гнѣвъ видѣнъ въ его взорахъ. И самыя слезы сына его не могли его пронуть. Уже ли юнаго Арпура принесетъ онъ въ жертву своему мщенію? Я ужасаюсь. Ферфаксъ конечно великодушенъ; но всеобщее заблужденіе умовъ въ нынѣшнія безпокойныя и мятежныя времена произвело уже множество преступленій. По крайней мѣрѣ я не буду совиновникомъ его. Представляю ему всю гнусность такого злодѣйства, естли онъ сообщитъ мнѣ свое намѣреніе. Я спасу Ферфакса отъ всего того, что можетъ зашмишь славу его.

Я В Л Е Н І Е XIII.

Кепель, Кингстонъ, Суррей.

Кингстонъ (Кепелю).

Вошъ его спавка, Милордъ.

Суррей.

(Подошедъ къ Кепелю, беретъ съ почтеніемъ его руку и хочетъ ее поцѣловать).

Храброй защитникъ Колчестера! позволь мнѣ поцѣловать руку Героя.

Кепель (отнявъ ее съ смиреніемъ).

Она не должна приниматьъ никакихъ знаковъ почести, пока руки Короля моего будущъ въ безчестныхъ оковахъ. Гдѣ Милордъ Ферфаксъ?

Суррей.

Я потчасъ скажу ему о прибышн великодушнаго непріятели его.

Я В Л Е Н І Е XIV.

Кепель, Книгстонъ.

Книгстонъ.

Я почишаю за должность сказать вамъ, Милордъ, что все здѣсь кажется мнѣ ошмѣнно подозрительно.

Кепель (съ спокойнымъ видомъ).

Что такое, мой другъ? Не бойся напрасно.

Книгстонъ.

Спрахъ мой покажется вамъ довольно основательнымъ, есѣли вы обо всемъ подумаете. Ферфаксъ слышалъ отъ меня, что вы къ нему идете. Для чего же не дождаетесь и не примяте васъ самому? За чѣмъ пошчасъ уйти, подѣ предложомъ ошданія важныхъ приказовъ? Для чего все войско его, когда вы шли мимо, стояло въ ружьѣ?

Кепель.

Что хочешь ты заключить изъ эшихъ пусныхъ видовъ?

Книгстонъ.

Не сокрывается ли подѣ ними какая нибудь шайная измѣна?

Ке-

Кепель.

Кингстонъ! я не боюсь ничего. Права войны священны для всѣхъ народовъ. Самой алчнѣйшей побѣдитель, человекъ самой свирѣпѣйшей, соблюдаетъ ихъ противъ другихъ для того, чтобы и противъ него соблюдали ихъ.

Кингстонъ.

Тотъ, кто противъ своего Короля вооружается, конечно можетъ не сдержавъ своего слова противъ подданныхъ его.

Кепель.

Меня бы не избралъ онъ въ предметъ своего вѣроломства.

Кингстонъ.

Однакожь, Милордъ — —

Кепель.

Нѣтъ, я знаю Ферфакса. Я имѣю такое хорошее мнѣніе о характерѣ его, что не могу почищать его удобнымъ къ такой подлости. Фанатизмъ независимости могъ ослѣпить его разумъ, не испортивавъ сердца его. Мы взяли съ нимъ разныя стороны, однакожь нѣкогда были мы друзьями. Ему еще и теперь дорого мое почтеніе, и конечно не захочетъ онъ въ моихъ глазахъ удалиться отъ пути чести.

Кингстонъ.

Желаю, Милордъ — — Вотъ онъ.

*(Кепель подходитъ къ Ферфаксу съ
видомъ спокойствія.)*

Я В Л Е Н І Е XVI.

*Ферфаксъ, Кепель, Кингстонъ,
Суррей.*

Кепель.

Въ доказательство моею къ вамъ до-
вѣренности, Милордъ, я пришелъ къ
вамъ въ ставку одинъ съ другомъ своимъ.

Ферфаксъ.

Когда вы его удостоиваете такого
имени, то онъ можетъ быть при нашемъ
переговорѣ.

Кепель.

Я принялъ бы въ свидѣтели и сама-
го непріателя. — Милордъ! я готовъ
слушать васъ.

Ферфаксъ.

Предлагаю вамъ именемъ Парламен-
та всѣ выгоды, соопвѣствующія пому
высокому почтенію, которое имѣетъ онъ
къ вашимъ добродѣтелямъ.

Ке -

Кепель.

Естьли онъ спююшъ какой нибудь награды, то я долженъ ожидать ее единспвенно отъ моего Государя, копорой есть Государь и Парламенша.

Ферфаксъ.

Что можешъ сдѣлать для васъ Государь безъ Государства?

Кепель.

Я спарался бы, можешъ быть, съ меньшею ревностію о пользѣ его, естьли бы съ нею соединена была собспвенная моя польза. Нѣшъ, я не ожидаю никакой награды, и шѣмъ болѣе горжусь его службою.

Ферфаксъ.

Такое чувство свойспвенно душамъ великимъ. Но вы видите, что перемѣна въ правленіи не избѣжна. Развѣ вамъ можно остановить ее? Чѣмъ вы думаете прошивитесь шоржествующей сторонѣ?

Кепель.

Своею должностію; копорая велишъ быть вѣрнымъ нещасному Государю.

Ферфаксъ.

Вы уже все то сдѣлали, что можно ожидать отъ честнаго человека.

Кепель.

Нѣтъ, не все — мнѣ еще остается
додѣлывать.

Ферфаксъ.

Какимъ же образомъ? Стѣны городскія
стали кучами камней, солдаты не имѣ-
ютъ куска хлѣба —

Кепель.

У нихъ есть еще оружіе и мужество.

Ферфаксъ.

Подъ вашимъ предводительствомъ не
могутъ они лишиться мужества; но ка-
кую пользу можетъ принести храбрость
безъ силы? Колчестеръ — не смотря
на то, что ваша рука защищаетъ его —
долженъ скоро сдаться.

Кепель.

Говорилъ ли онъ вамъ о сдачѣ въ
нынѣшнюю ночь?

Ферфаксъ.

Не нынѣ, такъ завтра. Но завтра
Парламентъ объявитъ васъ врагомъ Респу-
блики; а нынѣ черезъ меня предлагаетъ
вамъ шипуль Герцога и начальство въ
крѣпости.

(Ке.

(Кепель отворачивается и закрываетъ лице руками).

Ферфаксъ.

Для чего вы отъ меня отворачиваетесь?

Кепель.

Краснѣю за васъ и за всю націю мою.

Ферфаксъ.

Успокойтесь, Милордъ, и помыслите хладнокровно о моемъ предложеніи.

Кепель.

Только для эпова вы призвали меня?

Ферфаксъ.

Дѣло важно — ваше спасеніе отъ того зависитъ.

Кепель (думая итти).
Простите, Милордъ.

Ферфаксъ (въ сторону).

Для чего я принужденъ дѣлать себѣ насиліе! (Подойдши къ нему и взявъ его за руку) Подумайте еще минушу, Лордъ. Пожалуйте оспавьте предразсужденія рабства. Уже ли вы пожертвуете имъ всѣми почестями, которыя приготовлены для васъ и фамиліи вашей?

Кепель.

Благородные Англичане! гдѣ нынѣ древняя слава ваша? Въ Албіонѣ продающся почести по мѣрѣ безчестія.

Ферфаксъ.

Опечесство вамъ ихъ предлагаетъ.

Кепель.

Опечесство! — Не произносите этого имени — оно посярамяется въ устахъ вашихъ.

Ферфаксъ.

Можете ли вы сами говорить объ опечесствѣ, служа подѣ знаменами ширана его? Но слабая рука ваша не можетъ наложить цѣпи на побѣдоносную вольность. Колеблется основаніе престола — и скоро, скоро онѣ совсѣмъ низвергнешся.

Кепель.

Пусть же я погребенъ буду подѣ развалинами его!

Ферфаксъ.

Парламентъ извлечетъ васъ отсюда живаго и осудитъ на поносную смерть.

Кепель.

Развѣ лучше будетъ, естли я осужу себя на позорную жизнь?

Фер-

Ферфаксъ.

Какова будешь она для васъ, когда Англія, освобожденная отъ постыднаго ига, будешь съ ужасомъ произносить имя ваше; когда ваша супруга, лишенная чести, станешь проклиная минушу брака своего; когда сынъ вашъ, терзая ваше сердце на самомъ эшафотѣ воплемъ опчаянія своего будешь укорять васъ пою жизнью, которую надлежитъ ему проводить въ поносной бѣдности?

Кепель.

Неслыханная дерзость! — Ты, въ-роломной подданной, ты хочешь успрашить меня позоромъ, копорой соединенъ единственно съ вашимъ бунтомъ? Нѣтъ! всѣ честныя люди будутъ сожалѣть обо мнѣ. Жена и дѣти мои благословяшъ мою память. Небо будешь покровителемъ моей вдовствующей супруги и сиротствующаго сына моего.

Ферфаксъ.

Поспой, подлой рабъ деспотизма! естѣи собственная твоя польза не можешь тебя пронуть, то спрашисъ погибели любезнѣйшаго тебѣ предмета! — Морганъ!

Я В Л Е Н І Е XVI.

Ферфаксъ, Кепель, Артуръ, Морганъ,
Суррей, Кингстонъ, двое солдатъ.

Поднимается занавѣсъ во внутренности ставки. Представляется Артуръ въ цѣпяхъ. Подлѣ него стоятъ двое солдатъ, и каждой приставляетъ кинжалъ къ груди его. Позади стоятъ Морганъ)

К е п е л ь.

Боже! что я вижу?

(Падаеть въ объятія къ Кингстону)

Ф е р ф а к с ь.

Видише?

К е п е л ь (вырвавшись изъ
рукъ у Кингстона съ гнѣвомъ).

Сынъ мой въ пвоей власти? — Злодѣй! ты взялъ его въ плѣнъ не оружіемъ!

Ф е р ф а к с ь.

Отдайте мнѣ свое оружіе: я вамъ отдамъ сына: вошъ одно средство, которымъ вы воспользоваться можете. Хотите ли вы спасти жизнь его?

К е -

Кепель.

Смертію злодѣя.

(*Хватается за шпагу, чтобы заколоть Ферфакса*)

Морганъ.

Милордъ! одинъ шагъ вашъ погубитъ васъ и сына вашего.

Артуръ.

Не бойтесь ничего, батюшка! — Опмстите! Я не боюсь смерти — я сынъ вашъ.

Кепель.

(*Вложивъ въ ножны шпагу, до половины обнаженную, и оборотаясь къ Ферфаксу*)

Варваръ! я не говорю уже тебѣ о прежней дружбѣ нашей. Ее нѣтъ уже, когда ты какъ бунповщикъ прошивъ Короля возспалъ. Ничего отъ себя не требую. Но что сдѣлалъ тебѣ эшотъ невинной юноша?

Ферфаксъ.

За минушу передъ симъ онъ ругался мною съ такою же надменностію, какъ и овецъ его.

Кепель.

Смотри же, какъ онъ презираетъ тебѣ всю злобу и угрозы швои! —

Лю-

Любезной Артуръ! для чего не могу я обнять тебя, сполько достойнаго моей любви?

Кингстонъ [Ферфаксу]

Уже ли, Милордъ, захошите вы пограмить навсегда славу свою убивствомъ малолѣшняго?

Ферфаксъ.

Не я, но жестокой Кепель умерщвляетъ его; обвиняй онъ въ томъ одну свирѣпую свою непокорность. Пусть онъ опдастъ мнѣ городъ, котораго защищать не можетъ: я опдамъ ему сына его. А еспьли нѣтъ, то онъ погибнетъ къ ужасу малодушныхъ рабовъ, желающихъ уничтожить воцаряющуюся свободу.

Кепель (Артуру трогательнымъ голосомъ).

Сынъ мой! Богъ, Государь и честь!

Суррей (въ сторону).

Я лучше умру, нежели допущу свершиться такому ужасному злодѣянiю.

(Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е XVII.

Ферфаксъ, Кепель, Артуръ, Морганъ,
Кингстонъ, двое солдатъ.

Кепель и сынъ его смотрятъ другъ
на друга съ нѣжностію, протяги-
вая другъ къ другу руки).

К е п е л ь.

Артуръ, любезной Артуръ! что мнѣ
сказашъ горестной швоей матери?

К и н г с т о н ь.

Уже ли вы допустили умертвить
его?

К е п е л ь.

Кингстонъ! Кингстонъ! — Тебѣ бы
надлежало ободрять мою швердость, а ты
хочешъ поколебать ее. Мнѣ и шакъ
шрудно сражашъ съ природою.

Ф е р ф а к с ь.

Одна минуша оспаешъ, Лордъ Ке-
пель.

К е п е л ь.

Начто долѣе мучишь меня? Дай мнѣ
вышши. Я не хочу умереть въ глазахъ
швоихъ.

Мор-

Морганъ.

Артуръ! не хотите ли сказать чего нибудь отцу вашему?

Артуръ. (съ твердостью)

Ничего. Онъ знаетъ все то, что чувствуешь сердце мое.

Морганъ (солдатамъ)

Будьте готовы.

Кепель.

Прости, сынъ мой! Еще повпоярю: Богъ, Государь и честь! Если я переживу тебя одною минутою, то единственно для опмщенія.

(Отворачивается и хочетъ идти).

Ферфаксъ (въ сторону).

Непоколебимая добродѣтель! Противъ воли своей принужденъ я удивляться ей. *(Вслухъ)* Что такое?

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Ферфаксъ, Кепель, Эдмондъ,
Артуръ, Морганъ, Книгстонъ,
Суррей, двое солдатъ.

Эдмондъ.

(Вбѣжавъ съ великою поспѣшностію
и обхватя обѣими руками моло-
даго Кепеля)

Артуръ! другъ мой! ты не умрешь
безъ меня!

Ферфаксъ.

Что ты дѣлаешь, сынъ мой?

Эдмондъ.

Не называйте меня пѣмъ именемъ,
копорымъ я гнушаюсь. Насыщайте свою
злобу! У васъ есть новая жертва.

Ферфаксъ.

Дерзкой! кто тебя привелъ сюда?

Суррей.

Я, Милордъ. Я освободилъ его изъ
заключенія, и такой поступокъ поставляю
себѣ въ честь.

Эдмондъ (Ферфаксу)

Только вы одни не чувствуете жалости. (Солдатамъ) А въ вашемъ сожалѣніи мнѣ нѣтъ нужды. Колише, колише! Отъ чего вы трепещите?

Артуръ (стараясь вырваться изъ рукъ его).

Пусси меня, любезной Эдмондъ. На что дѣлать для меня смерть мучительнѣе?

Эдмондъ.

Нѣтъ, я не оставаю тебя. Я не хочу пережить друга моего, потерявъ отца.

Кепель.

Ты хочешь опнять у меня сына, а твой сынъ не признаетъ тебя опцемъ своимъ: вошь опмщеніе!

Эдмондъ.

Дай мнѣ прикажь себя къ моему сердцу, любезной Артуръ! Я хочу умереть съ тобою отъ одного удара.

Кепель.

Видишь, Ферфаксъ? Теперь остается тебѣ умерщвлять самого себя.

Фер-

Ферфаксъ.

Я побѣжденъ, Кепель. Эдмондъ! сними цѣпи съ друга шшого и опдай его опцу. Руки мои не достпойны прикасашься къ эшому юному Герою.

(Морганъ и солдаты выходятъ).

Артуръ.

И шакъ шебъ, любезной Эдмондъ, шебъ обязанъ я жизнью моею!

Эдмондъ.

Другъ мой! *(Снимаетъ съ него цѣпи и подводитъ его къ Кепелю, которой ихъ обонхъ обнимаетъ).*

Артуръ.

Башюшка!

Эдмондъ.

Милордъ!

Кепель.

(Держа ихъ въ своихъ объятіяхъ и смотря съ нѣжностію то на того, то на другаго.)

Называйте меня оба однимъ именемъ, любезныя дѣши. Я не знаю шеперь, кто изъ васъ сынъ мой.

Эдмондъ.

(Видя отца своего проливающего слезы, вырывается из объятий пеллевыхъ и бросается къ ногамъ его)

Теперь снова нахожу въ васъ отца! — Ахъ! не скрывайте отъ меня слезъ своихъ! — Милордъ! Артуръ! Суррей! видите ли, что онъ слезы проливаетъ?

Ферфаксъ (поднимая его).

Любезной Эдмондъ! я никогда не забуду, что ты не допустилъ меня до безчестнаго дѣла! *(Представляя его Артуру)* Любите всегда другъ друга, достойные друзья! Дай Богъ, чтобы вы жили въ лучшія времена, нежели опцы ваши! *(Кепелю)* Вы можете, Милордъ, возвратиться въ городъ. Я удивляюсь вашей добродѣтели. Какъ бы я былъ щасливъ, если бы могъ заслужить ваше уваженіе!

Артуръ (цѣлуя руку у Кепеля).

Мы никогда не разстанемся. Баптюшка! я буду вмѣстѣ съ вами сражаться.

Кепель.

Ты уже оказалъ услугу отечеству своему. Одно швое имя будетъ тв рдѣйшею защитою Колчестера. Какой подлець подумаетъ о сдачѣ, услышавъ о твоёмъ мужествѣ?

Артуръ.

Позвольте мнѣ доказать его дѣлами. Я ошъ васъ не отшпану.

Кепель.

Нѣшъ, другъ мой, простимся. Можешъ быть обнимаю тебя въ послѣдній разъ. Должность велишъ мнѣ презиратьъ смерть для пользы отечества моего; а тебѣ должно жить, чтобы пришедши въ совершенной возрастѣ, служить ему съ большею пользою. (*Ферфаксу*) Послѣ тепершняго приключенія, я не могу уже себя опасаться, Ферфаксѣ. Поручаю тебѣ сына моего: пошли его къ мапери. А я иду ожидать тебя на валу.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ДРАМЪ.

Когда Кромвель, посланной Ферфаксомъ на встрѣчу Лангдалу и Гамильшону, побѣдилъ ихъ одного послѣ другаго и взялъ Гамильшона въ плѣнъ; когда Графъ Голландъ былъ также побитъ и взятъ въ плѣнъ другимъ опрядомъ Парламентской арміи: тогда Колчестерскіе жители, оборонявшіеся единственно въ надеждѣ получить помощь, были наконецъ принуждены войти въ переговоры. Они послали Депутатовъ къ Ферфаксу, чтобы согласиться на честныхъ условіяхъ сдать городъ. Будучи раздраженъ упорною ихъ обороною, не хотѣлъ онъ слышать ни о какихъ предложеніяхъ, и требовалъ, чтобы они отдались совершенно въ волю его. Послѣ сего отвѣта въ городъ былъ совѣтъ два дни. Сперва было рѣшились Офицеры оружіемъ очистить себѣ путь сквозь непріятелей; но оставшіяся лошади были весьма слабы для сего предпріянія. Съ другой стороны упомянутые солдаты не могли выдержать новаго приступа. И такъ принуждены были отворить Ферфаксу ворота и подвергнуться его воли.

Выславъ прежде изъ города солдатъ безъ оружія и безъ всякаго имущества, онъ заключилъ всѣхъ Офицеровъ въ городской залѣ, и велѣлъ подать себѣ респираторы именамъ ихъ. Ирстонъ, которому Кромвель въ свое отсутствіе поручилъ надзирать надъ сговорчивымъ Генераломъ, по сему списку назначилъ къ казни шѣхъ, копорыхъ онъ лично ненавидѣлъ. Гг. Карлъ Лукасъ, Георгъ Лаиль, и Бернардъ Гаскуанъ, были приведены въ Военской Совѣщъ, въ которомъ Ферфаксъ имъ объявилъ, что въ наказаніе за непокорность ихъ и въ примѣръ тѣмъ, копорые вздумали бы имъ подражать, они осуждены въ тотъ же день лишиться жизни передъ стѣнами замка.

Когда сіе извѣстіе дошло до другихъ плѣнниковъ, то Кепель послалъ въ Военской Совѣщъ Офицера съ письмомъ, подписаннымъ знашѣйшими изъ нихъ, въ которомъ они просили его уничтожить свое рѣшеніе, или по оному лишиться жизни всѣхъ ихъ, спыдящихся шакого исключенія. Сіе письмо, произведеніе великодушія, не имѣло никакого дѣйствія, кромѣ того, что ускорило казнь несчастныхъ товарищей ихъ.

Г. Лукасъ, разстрѣлянной прежде прочихъ, далъ знакъ палачамъ своимъ съ такимъ свободнымъ духомъ, какъ будто бы приказывалъ сдѣлать выстрѣлъ собственнымъ своимъ солдатамъ. Лаиль, видя его упавшаго, бросился къ нему, обнялъ его струнъ, по шуму приподнялся, съ гордостію взглянулъ на солдатъ и велѣлъ имъ подойти поближе. Одинъ изъ нихъ ошвѣчалъ, что они и такъ не далеко, и конечно попадутъ въ него. Друзья мои! сказалъ онъ съ усмѣшкою: я былъ къ вамъ еще и ближе, но вы не умѣли попастьъ въ меня (*).

Послѣ сего кровопролитія, Ферфаксъ пришелъ съ Иретономъ въ городскую залу къ прочимъ плѣнникамъ. Привѣтствуя Графа Норвича и Кепеля, онъ почелъ за должностъ извиняться передъ ними въ разсужденіи шой строгости, которой требовало отъ него военное правосудіе.

(*) Бернандъ Г скуанъ, или Гваскони, дворянинъ Флорентинской, былъ пощажень военнымъ Совѣтамъ, которой боялся, чтобы великой Тосканской Герцогъ, узнавъ о семъ насиліи, не опмспилъ за то Англичанамъ, находившимся въ его области.

судіе. Но Кепель, почитавшій Ирето-на единственнымъ виновникомъ сего варварства, осыпалъ его самыми жестокими укоризнами, за которыя онъ скоро нашелъ случай отмстить ему.

Когда Парламентъ велѣлъ проводить Графа Норвича и Лорда Кепеля въ Виндзорской замокъ, они увидѣлись тамъ съ Герцогомъ Гамильтономъ и вмѣстѣ съ нимъ оплакивали свое несчастіе. Скоро перевели ихъ въ Лондонскую башню, гдѣ имъ надлежало ожидать отъ Парламента рѣшенія своей участи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ ужасной казни Карла перваго, составили новой Высской Совѣтъ, чтобы судить сихъ трехъ Господъ, Графа Голланда и Джона Овена, который во время возмущенія, происшедшаго въ Валлисѣ въ пользу Королевскую, собственною своею рукою убилъ Шерифа.

Кепель предсталъ передъ судьей своихъ съ благородною твердостью, и не хотѣлъ признасть ихъ власти, говоря, что будучи солдатомъ и военнопленнымъ, онъ не имѣетъ никакого дѣла съ приказными людьми. На что Брадша, Президентъ Коммиссій, отвѣчалъ ему дерзостнымъ и злобнымъ намекомъ на осужденіе Короля, сказавъ, что они судили такого человѣ-

ка, которой конечно важнѣе его. Послѣ нѣкошорыхъ споровъ, въ которыхъ Ирешонъ оказалъ всю свирѣпость своего характера, произнесли рѣшеніе, и осудили на казнь Кепеля и другихъ плѣнниковъ (*). Только три дни дали имъ на распоряженіе дѣлъ своихъ и на приготовленіе себя ко смерти.

Милади Кепель подала въ сіе время прошеніе въ Парламентъ. Когда его читали, многіе изъ Членовъ вступились за Кепеля и начали хвалишь его добродѣтели. Самъ Кромвель приписывалъ ему великія похвалы и обнаруживалъ къ нему сполько поушенія и дружбы, что всѣ ожидали опъ него рѣшенія въ пользу Кепелеву: но онъ голосомъ лицемѣра сказалъ, что ревность къ общественному благу заставляешъ его забыть частную дружбу и любовь; что Лордъ Кепель конечно

(*) Когда Джонъ Овенъ услышалъ свое осужденіе, то поклонясь низко судьямъ, благодарилъ ихъ вслухъ, говоря, что бѣдной Валлисской дворянинъ долженъ почестъ себя за великую честъ лишиться головы вмѣстѣ съ такими великими Господами, и что онъ всего болѣе боялся висѣлицы.

нечно бы послѣ всѣхъ оставилъ Королевскую сторону; что его непоколебимая привязанность къ своимъ правиламъ, опытность и мужество, многочисленность и усердіе его друзей, дѣлаютъ его самымъ страшнѣйшимъ непріателемъ Парламента; что онъ во всю жизнь свою и во всякомъ состояніи будетъ для нихъ *колючимъ терновникомъ* — и заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что его совѣсть и польза государственная повелѣваютъ ему подать голосъ противъ онаго прошенія.

Непримиримой Ирстонъ съ меньшею оспорожностію предался влеченію своей ненависти, и съ злобою утверждалъ въ Парламентѣ рѣшеніе Высокаго Совѣта, сдѣланнаго по его волѣ. Хотя не было тутъ ни одного человека, которой бы отъ всего сердца не почивалъ Кепеля, и хотя весьма немногіе имѣли причину лично на него злобиться, однакожь должное уваженіе къ его добродѣтелямъ, и жалость къ такому несчастному концу его, были заглушены ужасомъ, вселеннымъ двумя врагами его, и осужденіе его отдано было на волю сихъ мстительныхъ сердець.

Поставили эшафотъ передъ окнами Парламента. Какъ скоро свершилась казнь Герцога Гамильтона и Графа Голланда (*), позвали Кепеля. Онъ шелъ съ твердостію и спокойствіемъ по Вестминстерской залѣ, кланяясь съ важностію всѣмъ своимъ знакомымъ. Докторъ Морле,

(*) Графъ Норвичъ и Джонъ Оуэнъ получили прощеніе. Когда раз уждали въ Парламентѣ о прошеніи перваго, то на той и на другой сторонѣ числа голосовъ было совершенно равно, и участь его зависѣла отъ Оразора, которой, будучи нѣкогда одолженъ Графомъ, почелъ за должность спасти его жизнь.

Джонъ Оуэнъ ни мало не заботился о своей жизни, и не подумалъ подать Парламенту никакого прошенія. Иронъ вздумалъ самую сею беззаботностію убѣдить Парламентъ простить его. Сверхъ того хотѣлъ онъ симъ исключеніемъ сдѣлать новую досаду премо Лордамъ, и смерть ихъ учинить еще горестнѣйшею, показавъ имъ, что простой дворянинъ и безъ всякаго прошенія могъ быть избавленъ отъ строгости приговора, въ то самое время, когда ихъ прошенія были съ презрѣніемъ отвержены.

Морле, другъ его, бывшій всегда съ нимъ вмѣспѣ во время его заключенія, спѣшилъ за нимъ ийти, чтобы слышать послѣднiе вздохи его; но солдаты остановили его подъ эшафомъ. Милордъ простился съ нимъ, обнялъ его нѣжно, поблагодарилъ за всѣ его попеченія, и просилъ не ходить за нимъ, боясь, чтобы онъ не подвергнулся варварству солдатъ, его окружавшихъ. Взошедши на край эшафа, посмопрѣлъ онъ съ видомъ спокойствiя на всѣ стороны, и спросилъ, съ открышою ли головою говорили казненные Лорды къ народу. Когда ему сказали, что они снимали шляпу, онъ отдалъ свою шляпу слугѣ, и тогда свободнымъ и швердымъ голосомъ сказалъ, что онъ лишается жъзни за такое дѣло, о которомъ никакъ сожалѣть не можетъ; что будучи воспитанъ въ привязанности къ учрежденiю своего отечества, вѣрности къ своему Государю и преданности къ Религии, не нарушилъ онъ ни одной изъ сихъ трехъ должностей; что онъ осужденъ на смерть противъ всѣхъ законовъ Государства; и что только сему приговору онъ готовъ подвергнуться.

По помѣ хвалилѣ умерщвленнаго Короля, прося Бога простишь сіе злодѣяніе ослѣпленной націи; и вѣ заключеніе сказалѣ, что народѣ долженѣ признашь вѣ сынѣ Карловомѣ законнаго своего Государя. Наконецѣ, послѣ краткой и усердной молишвы, пропянулѣ голову подѣ ужасной ударѣ, лишившіи Англію добродѣпельнѣйшаго гражданина.

ЧУДНОЙ ХАРАКТЕРЪ.

Люди бывають несогласны не только другѣ съ другомѣ, но и съ самими собою, и сіе прошиворѣчіе бываешь всего естраннѣе тогда, когда дѣло идетѣ обо мнѣ. Кшо виновашѣ вѣ помѣ, я, или они — сіе надобно изслѣдовашь. Безѣ хвасповства могу сказашь, что я имѣю великое вліяніе на вещи міра сего; и что никшо и ни вѣ какомѣ дѣлѣ не можетѣ безѣ меня обойтись. На примѣрѣ, всѣ художники, всѣ ремесленники увѣряють, что безѣ моеи помощи они ни вѣ чемѣ не успѣють. Отѣ искусства Архитектора, построившаго величественной храмѣ святаго Павла, до скипающагося Араба, разбивающаго шашерѣ среди пустыни; отѣ вели-

великаго Рафаеля до молодаго Аршиста, черпящаго еще первую голову — всѣ могли говорить однимъ языкомъ — всѣ могли сказать, что безъ меня они бы никогда не достигли цѣли своей. И путешественникъ, отправляющійся въ дорогу; и воинъ, осаждающій городъ; и земледѣлецъ, обсѣивающій поле; и Авторъ, сочиняющій книгу — всѣ на меня надѣются, хошя иногда и неблаго-разумно. Учитель, Полищикъ, Медикъ, иногда во всемъ на меня полагающся, ожидающъ меня съ шerpбнiемъ, спарающся мною пользоващся; и когда въ шомъ успѣющъ, ученикъ исправился, дѣла придушъ въ порядокъ, и больной будетъ здоровъ. Имперіи и всякая слава чувствуютъ также мое вліяніе: иногда ихъ ушверждаю, иногда пошрясаю, опровергаю и уничтожаю. Поперемѣнно произвожу силу и слабость. Со мною пріобрѣтающъ знанія и способность, опыты и мудрость. Вообще оказываю благосклонность свою вѣрнымъ друзьямъ, наукамъ и истинѣ; ушверждаю пріятной союзъ первыхъ, а другія ожидающъ отъ меня успѣховъ своихъ. Иногда дѣлаю добро Гименею, но Купидону никогда. Часто разсѣваю мечты и предразсужденія, укрощаю гнѣвъ и ненависть. Будучи

дучи другомъ юности и красоты, развиваю всё прелести ихъ. Однакожь красота жалуется на мои обиды. Правда, что я имѣю надъ нею страшную власть, постепенно заглаживаю прелести ея и наконецъ совсѣмъ ихъ испребляю. Будучи вѣчнымъ врагомъ дурныхъ, дѣлаю ихъ еще часъ отъ часу дурнѣе.

Вопъ мой вины и благосдѣянiя. Мнѣ бы легко было увеличить роспись ихъ; но я боюсь уподобиться симъ Неспорамъ, которые слишкомъ долго о себѣ говорятъ. Глубокая моя старость, вошедшая уже въ пословицу, дѣлаетъ сей страхъ основательнымъ; однакожь я далеко еще отъ конца своего. Живописцы и рѣщики изображаютъ меня всегда въ видѣ старика; они даютъ мнѣ еще въ руки кривое желѣзное орудiе. и всякой бы пчелѣ меня старымъ жнецомъ, естли бы не представляли меня съ одною изъ принадлежностей Любви.

Но не могу умолчать о всѣхъ шѣхъ странныхъ переговорахъ, которые бывають на мой счетъ — о похвалахъ, мнѣ приписываемыхъ, и о похвалѣ брани, которую меня осыпають. Говорятъ, что я открываю всѣ тайны; однакожь обвиняють меня и шѣмъ, что мною сокрыты

шы

ты въ непроницаемую тьму, многія такія вещи, которыя хорошобъ было знать свѣту. Видя развалины, говорятъ, что я тому виною, что я все разрушаю. Чтобы совершить какое нибудь зданіе; чтобы развить разуму, усовершенствоваться способностямъ, созрѣть плодамъ и алеѣ сдѣлаться сѣнистою — все мнѣ же помогать надобно. Нѣкоторые люди называютъ меня *несчастнымъ*, а друіа *щатливымъ*. Говорятъ, что я лечу и исчезаю какъ молнія; а по томъ вдругъ жалуется на мою медленность. Однакъ печеніе мое едиообразно и размѣренно; я иду всегда впередъ, и никогда уже назадъ не ворочаюсь. Искусные художники сдѣлали маленькія круглыя машины, снаружи весьма блестящія, которыя показываютъ всѣ шаги мои. Люди, весьма занятыя дѣлами, хотѣли бы остановить мое печеніе. Мудрые называютъ меня сокровищемъ, драгоценнымъ сокровищемъ, въ разсужденіи котораго позволено быть скупымъ. Праздныя, легкомысленныя и вѣтренныя люди находятъ меня несноснымъ въ уединеніи и не знаютъ, что со мною дѣлаешь. Я бываю для нихъ бременемъ, отъ котораго имъ хочется освободиться, чего бы то

ни

ни стоило. Они собираются, дѣлаютъ заговоры и не скрываютъ, что намѣрены *погубить* меня. Но одинъ Англійской Поэтѣ весьма справедливо замѣшилъ, что убійцы, на которыхъ я жалуясь, убиваютъ самихъ себя. Но чувствующія всю цѣну мою, собрали безцѣнныя богатства, которыхъ никто у нихъ похитить не можетъ. Они будутъ ими пользоваться и тогда, когда разрушится моя Имперія — когда не буду уже имѣть никакого вліянія на міръ сей — когда вмѣстѣ со всѣми человѣками поглотитъ меня Океанъ, ни дна ни конца не имѣющій.

пробованія. Младенецъ ухватился обѣими руками за шею своего избавителя, когда мать стала его пробовать. — Сей Полковникъ, коего имя должно блистать въ лѣшописяхъ чловѣчества, есть Графъ Счатарай.

ЩАСТЛИВОЕ ЗНАКОМСТВО (*).

Господину В * * *

Вы знаете, что я нѣсколько лѣшъ былъ очень нездоровъ, и что напрасно употреблялъ я многія лѣкарства, пока наконецъ, послѣдуя вашему совѣту,
по-

(*) Сіе письмо переведено изъ Нѣмецкаго Меркурія, издаваемаго — по крайней мѣрѣ прежде — славнымъ Виданомъ. Въ примѣчаніи говоритъ онъ: „Я сообщаю сей Анекдотъ такъ, какъ онъ мнѣ сообщенъ, безъ всякой перемѣны, и надѣюсь, что онъ полюбится многимъ нашимъ Читателямъ и Читательницамъ. Какъ образъ выраженія, такъ и образъ описанія, столько замѣсны, что нѣшъ нужды наименовать ту руку, коюрой мы обязаны симъ даромъ.“ —

поѣхалъ въ Г * * * погсворить съ Ц * * *,
которой, будучи лѣкаръ философической,
знаешъ не только одни недоспашки шѣ-
ла, но и потребности души купно съ
ихъ вліяніемъ, размѣряешъ предписанія
свои и по шѣмъ и по другимъ, и по-
тому часто посылаетъ шѣхъ людей, ко-
прыхъ здоровье бываетъ истощено отъ
душевнаго спраданія, или отъ чрезмѣр-
наго напряженія духа, къ отдаленнымъ
цѣлищельнымъ водамъ — шакъ какъ и
мнѣ надлежало отправиться въ Ахенъ,
чтобы движеніе коляски и перемѣна воз-
духа и предметовъ хотя сполько дней
послужили къ испребленію моей болѣзни,
сколько лѣшъ она во мнѣ укоренилась.

Онъ обнадежилъ меня самымъ луч-
шимъ услѣхомъ, которому и въ самомъ
дѣлѣ непремѣнно быть надлежало, еспли
Судьба не опредѣлила конца дней моихъ,
или болѣзнь не приближила шѣла моего
къ разрушенію, шакъ, чтобы по вѣчнымъ
законамъ Натурѣ должно было послѣдо-
вать совершенному раздѣленію и всѣмъ
лѣкаршвамъ оспашься бесполезными.

Я поѣхалъ къ Ц * * * съ довѣрен-
носпію, а отъ него съ надеждою. Нѣ-
которое облегченіе, мною отъ шого по-
лученное, заставило меня думать о дѣй-

свѣяхъ желанія и надежды, — да и не безъ причины. Естли горестъ, тоска и страхъ могутъ дѣлать насъ больными, то для чего же и надеждѣ не помогаютъ нашему исцѣленію? — Однакожь правда и то, что дѣйствія надежды бывають гораздо медленнѣе дѣйствій сомнѣнія. — Видѣ Ц * * * и разговоръ его пронули меня; я былъ пронутъ еще и не видя его, когда вы ко мнѣ о немъ писали, и пришелъ въ сильное движеніе, увидѣвъ Г * * *. Я обрадовался, нашедши сострадательнаго лѣкаря; ибо гипохондрія моя заставила уже меня думать, что челоуѣколюбіе совѣмъ истребилось. Но видѣ этого челоуѣка, его тонъ, совѣтъ — все пронуло меня до глубины сердца. Я повѣрилъ ему, и такимъ образомъ поѣхалъ.

При каждомъ оборотѣ колесъ надежда моя умножалась; каждое дуновение вѣтерка, которое при поврежденномъ кашлѣ, или давленіи въ груди, приносило облегченіе въ мое легкое, оптимѣнно усиливало мою вѣру. Я развеселился; и чѣмъ ближе подѣвжалъ къ Ахену, тѣмъ лучше мнѣ становилось. Сердце мое наполнилось увѣренностію. Воздухъ, земля, деревья, поля, люди и упражненія ихъ

ихъ — все сдѣлалось для меня важно. Во всемъ помѣ, что мнѣ въ глаза по-
 падалось, находилъ я дѣйствіе испаренія
 и омовенія Ахенскихъ цѣлительныхъ
 водъ; и увидѣвъ что нибудь въ хоро-
 шемъ состояніи, думалъ, что я, по сво-
 имъ потребностямъ, получу такую же
 пользу отъ воздуха и воды. Будучи та-
 кимъ образомъ пригощовленъ, пріѣхалъ
 на мѣсто, началъ лѣчиться, и видимо
 оправлялся. Между тѣмъ, какъ я выздо-
 равливалъ, духъ мой могъ ояять съ об-
 новленными силами дѣйствовать въ сво-
 емъ кругу, наблюдашь, разсуждашь, мы-
 слишь и совѣтываешь. Я благословлялъ
 Генія любезнаго Ц * * * и Нимфу Ахен-
 ского источника. Чувствуя свое благо-
 состояніе, желалъ я и другимъ того же
 добра, кошорымъ самъ наслаждался; по
 чему съ великою ревностію примѣчалъ
 пріѣзжающую болѣзнь и отъѣзжающее
 здорвье, а особливо между тѣми людьми,
 кошорыя жили со мною въ одномъ домѣ.

Будучи еще въ помѣ мрачномъ распо-
 ложеніи души, въ кошоромъ Ц * * *
 взялся лѣчить меня, просилъ я одного
 пріятеля своего сыскашь мнѣ кварширу
 покойную и удаленную отъ шума, не
 кошѣвъ быль среди множества людей;

что онъ и сдѣлалъ. Но и другіе выбрали для себя потъ же самой домъ: ибо жить въ немъ было дешевле, нежели въ иныхъ пражскихъ. Можетъ быть въ потъ годъ было въ Германіи много бережливыхъ или бѣдныхъ больныхъ, потому что всѣ комнаты были заняты, и мнѣ надлежало довольствоваться отгородкою въ залѣ прешьяго этажа. Стѣна была изъ двойныхъ досокъ, горница просторна, чиста и довольно свѣтла; но неизбежная неприятность состояла въ томъ, что ни я, ни мой сосѣдъ не могъ ничего громко сказать, или взяться за какое нибудь дѣло, что бы другому не было слышно, слѣдственно и безпокойно. Мнѣ надлежало не смотреть на то; и какъ наемной лакей въ прешемъ этажѣ былъ у насъ одинъ, то я могъ узнавать отъ него, какимъ родомъ страждущихъ сыновъ человеческихъ окруженъ бываю. Въ осьмой день по моемъ пріѣздѣ, когда я ходилъ по городу, пріѣхали двое молодыхъ людей, мужчина и женщина, которые заняли другую половину залы. У нихъ былъ изрядной сундукъ, сказалъ лакей, и всякой могъ узнать, что дѣвушка была нѣжная сестра больного, потому что они были

оди-

одинакого росту и лица; только молодой человекъ былъ обезображенъ болѣзнію, а молодая женщина отъ горести и заботы поблѣднѣла и похудѣла. Я почувствовалъ любопытство узнать, что они будутъ говорить и дѣлать. — Признаться ли вамъ въ моей слабости? — Я потихоньку входилъ въ горницу; часто давалъ знать, будто хочу выпить; хлопалъ дверью, и по шуму не прогался съ мѣста. Но теперь чувствую, что я выбралъ самую худую дорогу, и что я совсѣмъ не достоинъ былъ дойти по ней до удовольствія добраго дѣла. Но что уже сдѣлалось, тому такъ и быть; и какъ я подслушивалъ этихъ добрыхъ людей не для того, чтобы высказать ихъ тайны, но единственно для того, чтобы узнать ихъ: то позвольте мнѣ послѣ такого признанія все еще быть довольнымъ самимъ собою.

Весьма часто, днемъ и ночью, слышалъ я тамъ стenanіе спраждающаго и крошкой голоса утѣшающей любви; слышалъ въ щель деревянной стѣны тихую молитву, несущуюся отъ сестриной кровати — молитву о здоровьѣ и терпѣніи любезнаго брата; чтеніе христіанскихъ и философическихъ разсужденій,

Нѣмецкихъ и Англійскихъ стиховъ. Добросердечная дѣвушка, играя на бѣдномъ клавесинѣ, копорой она гдѣ - то взяла на поддержанье, пѣла прогательнымъ, томнымъ голосомъ разные стихи изъ псалмовъ, которые относились къ состоянію больного, и нѣкоторыя прекрасныя сердечныя пѣсни, исполненныя чистѣйшихъ чувствъ. — Часто съ горестію говорилъ братъ: ахъ, Луиза! кто тебѣ заплашишь за то, что ты для меня дѣлаешь? —

„Еслии теперь любезной братъ мой
будешь спокоенъ, а впредь здоровъ, то
я получу самое сладоспное награжде-
ніе.“

Но ты проживаешь для меня все свое небольшое имущество: чѣмъ же будешь жить, еслии я и выздоравлию?

„Удовольспвіемъ и работою рукъ
своихъ.“

О Луиза! какой гнусной братъ былъ я пропивъ такой сестры!

„Сдѣлай милость, не говори объ
этомъ! Не обращай назадъ взора своего;
смотри на то, что передъ тобою —
на это ясное небо, которое простирает-
ся точно къ той сторонѣ, гдѣ мы на-
задъ поѣдемъ; можетъ быть это пред-
вѣщаетъ шу радость, съ которою мы
че-

„черезъ нѣсколько недѣль домой возвра-
„шимся.“

Другъ мой! ты достойна радости,
а всего скорѣе пой, которую должна про-
известъ въ тебѣ хорошая смерть моя. —

„Я надѣюсь, братецъ, что она бу-
„детъ всегда хороша. — Сперва воздо-
„равливай, и живи для себя и для меня.“

Всѣ сіи отрывистые разговоры по-
казывали мнѣ — бѣдность и воспиша-
ніе. Я слышалъ иногда и полосканье;
потому что добродушная сестра изъ бе-
режливости сама все мыла, оправляла по-
стели, мела горницу, ѣла только пустой
супъ, или огородные овощи съ хлѣбомъ,
чтобы отъ небольшого имѣнія своего
сберечь нужное къ излѣченію брата. Я
примѣшилъ, что они ожидали извѣстія
отъ короткаго пріятеля своего, и что
часто были читаны изъ писемъ его нѣж-
ныя и много обѣщающія мѣста, что дни
на два подкрѣпляло ихъ бодрость; а по-
томъ опять начинали тосковать, и
опять брались за письма. Братъ болѣе
жаловался на неполученіе сихъ писемъ;
разказывалъ, какъ любезенъ былъ ему
сей другъ; какъ они въ * * * Университе-
тѣ жили вмѣстѣ и коротко познакоми-
лись; сколь охотно ссужалъ онъ его въ

крайности деньгами, и, когда сумма гораздо увеличилась, отъ всего сердца положился на его обѣщаніе, что онъ заплатитъ ему все по смерти своего дѣдушки. Дѣдушка уже умеръ; самъ другъ его писалъ къ нему о томъ съ новыми увѣреніями, и онъ уже искренно открылся ему въ той нуждѣ, въ какой они были, и проч. Сестра всегда его успокоивала и старалась нѣкоторымъ образомъ разсѣять. Они говорили иногда о покойныхъ родителяхъ своихъ, сожалѣли о преждевременной смерти ихъ и о бесплодной любви добромыслящихъ родственниковъ, которые по собственному своему недостатку не могли ничего удѣлять другимъ. Они желали, чтобы Богъ далъ богатымъ то жалостливое сердце, которое въ бѣдныхъ обнаруживалось. — Такимъ образомъ шло время къ моей пользѣ и горести, пока немилосердой случай доставилъ въ руки больному письмо, увѣрившее его въ подлой невѣрности мнимаго друга. Подлецъ со всемъ своимъ наслѣдствомъ уѣхалъ во Францію, откуда не было объ немъ никакого слуха. — Сіе извѣстіе привело въ отчаяніе душу молодого человѣка. Добросердечная сестра его вышла на тотъ разъ изъ дому, чтобы

чтобы взять лѣкарства и чтонибудь продать, оставя его довольно спокойнаго за чтеніемъ книги.

Я слышалъ его въ первомъ изступленіи проклинающаго самаго себя и невѣрнаго друга своего — призывающаго смерть и сожальющаго о сестрѣ своей. Давно уже рѣшился я служить имъ дѣломъ и совѣтомъ, какъ бы скоро оказался пристойной къ тому случай. Луиза возвратилась, и какъ скоро вошла въ комнату, объявила ему съ восклицаніемъ ту надежду, которую подалъ ей лѣкарь.

„Я и цвѣшвы накупила, сказала она, и принесла ихъ вмѣстѣ съ лѣкарствомъ; — съ того времени, какъ здоровье твое увядать стало, прекрасные цвѣшвы были мнѣ уже не милы.“

Бѣдная! сказавъ все сіе съ любезною, радостною поспѣшностію, подошла она къ постелѣ брата своего — котораго взоры были неподвижны, губы препенали — и которой со скрежетомъ зубовъ миль въ рукѣ бумагу. Она громко закричала: Боже мой! что такое?

Тутъ я вбѣжалъ въ комнату; нашелъ воликодушную дѣвушку съ распростертыми руками спящую на колѣняхъ у постели — цвѣшвы были разсыяны по-
длѣ

длѣ нее по полу — и смотрящую на брата своего съ несказанною горестію. Молодой человекъ оборотился лицомъ къ сѣнѣ, громко спевалъ — письмо было еще у него въ рукахъ. — Даже я нынѣ благодарю Господа моего, что Онъ далъ мнѣ довѣренность вселяющее лице; ибо лице мое и сожалишельной тонъ голоса открыли мнѣ дорогу въ сердце ихъ. Тотчасъ при входѣ своемъ сказалъ я: любезныя дѣши! что съ вами сдѣлалось? могу ли чѣмъ нибудь услужить вамъ?

Братъ взглянулъ на меня такими глазами, въ которыхъ уже отчасти смерть изображалась. Сестра подняла руки, и указывая на кровать, воскликнула изъ глубины сердца: братъ, братъ мой! ахъ! ему помогите!

Больной поднялся. — „ Я не требую никакой помощи! — Дайте мнѣ умереть; но возьмите на себя попечение о сестрѣ моей — ради Бога, государь мой! — кто бы вы ни были. „ О Ангелъ! сказалъ онъ съ горестною любовію, простирая къ ней руки свои — прости меня, прости!

Сердце мое потряслось. Я схватилъ руки ихъ, и сказалъ, что у меня есть сынъ и дочь — что я честной человекъ; что ошъ всего сердца беру участіе въ ихъ

ихъ судьбѣ и буду имѣть о нихъ попеченіе, естли они сироты — что мы всѣ друзья и будемъ другъ другу помогать. Молодой человекъ слушалъ меня; но сестра его перебила рѣчь мою, схвативъ братанину руку съ нѣжною июскою сердечной любви — „Братецъ, братецъ! скажи, что сдѣлалось? что у тебѣ въ рукахъ?„

Судорожное движеніе скорби и гнѣва распресранилось по лицу его; онъ поднялъ руку, въ которой держалъ бумагу, бросилъ ее, по томъ опять схватилъ и закричалъ: вотъ — вотъ что раздраетъ сердце мое!

Она старалась выхватить изъ рукъ его бумагу — что и удалось ей. Читая блѣднѣла и краснѣла — переспаивала, опять начинала — закрыла лице свое передникомъ, и плакала, но недолго; ободрилась, встала, сѣла на постелю, обняла брата, поцѣловала его нѣсколько разъ съ нѣжностію, и сказала: мнѣ очень жаль, братецъ, что это несчастное письмо поцалось тебѣ въ руки. Я ничего хорошаго не ожидала отъ эпова человека. Такъ и быть! Богъ не оставитъ швоего добраго сердца, и меня также —

Пере-

Перестань крушиться! Вѣдь мы жили же безъ эпова — у тебя же есть дѣло.

Нещастной молодой человекъ плакалъ въ объятіяхъ сестры своей — удивленіе и благодарность обнаруживались на лицѣ его. —

Ахъ, Луиза! какъ мнѣ ушѣшиться? какъ притти въ себя? Человекъ, котораго любилъ я съ такою искренностію и жаромъ — — ахъ! онъ погубилъ мое здоровье, развратилъ сердце — а теперь онъ же будетъ причиною и того, что мы въ бѣдности погибнемъ.

О государь мой! сказалъ онъ мнѣ: у васъ есть сынъ: — естли онъ склоненъ къ дружбѣ, къ великодушію — не посылайте его одного въ Университетъ. Съ такимъ расположеніемъ вошелъ я туда. Скажи, Луиза! — ахъ! ты можешь сказать, что я былъ достойнымъ братомъ швоимъ, пока еще не ѣздилъ за пріобрѣщеніемъ мудрости и знаній, откуда возвратился съ разсброеннымъ шѣломъ, съ развращенною душою — наполненной страстію къ порочнымъ удовольствіямъ, коварно выманилъ у тебя половину имѣнія швоего — по шомъ опять пріѣхалъ и прочее проживалъ съ шобою. Вы не знаете, государь мой, что дѣлала сестра

сестра

сестра моя для моего исправленія, излѣченія и благополучія. За полгода передъ симъ вышла она изъ опеки; платила за меня долги, лѣкарю; ходила за мною, утѣшала меня, сыскала мнѣ небольшую рабѣшу — ибо разслабленное шѣло мое сдѣлало меня негоднымъ для наукъ, и только одна бѣдная способносць хорошо писать осталась у меня — и на шо едва становилось силъ и глазъ моихъ! Чѣобы было чѣмъ сюда доѣхать, продала она серебро и все, что еще у нее оставалось. Все — все истрачено! — и великодушная, добродѣтельная сестра моя остается въ бѣдности, безъ помощи — и все отъ меня, и отъ злодѣя, моего оболъспителя.

Онъ ломалъ руки и посковалъ безмѣрно. Я утѣшалъ его по возможности. Сестра вышла — шупъ онъ схватилъ меня за руку. „Государь мой! заклинаю васъ — сожалѣніе, которое васъ привело къ намъ, да не истребитя черезъ минушу въ сердцѣ вашемъ, такъ какъ по большой части у людей бываетъ! — Будьте постоянны въ добродушномъ расположеніи къ сестрѣ моей! Богъ наградитъ васъ — Тотъ, отъ Кошораго надѣюсь получить прощеніе!

О другъ мой! съ какою горестію разсматривалъ я образъ юноши! — Черты смерти соединялись съ чертами двадцатипрехлѣшняго человѣка. Благородная опкровенность и любовь къ добру изображались въ его большихъ прекрасныхъ глазахъ, какъ ни глубоко впади они. Я думалъ: какъ радовались отецъ и мать его, видя его разцвѣщающаго! какъ они надѣялись на него, и съ сею надеждою спокойно умирали! — Чѣмъ бы почувствовалъ отецъ его, есѣли бы онъ стоялъ шутъ на моемъ мѣстѣ? — Я вообразилъ своего Карла. Родительская жалость и снисхожденіе заняли сердце мое. Я обнималъ юношу со слезами, цѣловалъ, утѣшалъ его — и клялъ въ душѣ своей его развратителя. Я спросилъ о подлинномъ его имени и сказалъ ему свое; а какъ ему мое, а мнѣ его имя отъ добрыхъ людей извѣсны были, по сіе произвело между нами нѣкошорой родъ ближайшей довѣренности. Я клялся ему, что о сестрѣ его буду имѣть шакое попеченіе, какъ бы я былъ ей родной дядя. Онъ благодарилъ, благословялъ меня и примолвилъ: вы провели свою молодость не шакъ, какъ я; иначе не могли бы вы теперь сдѣлать этова

до-

добраго дѣла. Замѣшьте мою исторію и остерегите другихъ молодыхъ людей.

Силы его были долго въ напряженіи. Онъ весьма ослабѣлъ. Нѣжная Луиза побѣжала за лѣкаремъ, котораго она не такъ скоро нашла, какъ хотѣла, однакожь наконецъ привела съ собою. Между тѣмъ, какъ онъ занимался больнымъ, сказалъ я сестрѣ, о чемъ говорилъ съ братомъ ея, и просилъ ее имѣть ко мнѣ довѣренность, оказывая ей свое почтеніе къ великодушному характеру ея. — Она съ благодарностію прижала къ себѣ руку мою, и поднявъ глаза вверхъ, сказала: „Богъ видитъ, какъ я благодарю Его за то, что Онъ послалъ мнѣ такого искренняго друга. — Но скажите мнѣ, что вы думаете о положеніи брата моего?„

Не могу выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ смотрѣла она мнѣ въ глаза, ожидая, чтобы я подалъ ей какую нибудь надежду. — Я указалъ ей на лѣкаря; но онъ просилъ насъ побережь больного отъ всякаго сильнаго внутренняго движенія, которос привело бы въ опасность жизнь его.

Такимъ образомъ оказывалъ я имъ посильную помощь, и довѣренность ихъ ко мнѣ увеличивалась, до самой смерти

Часть XVI. Но. 49. I моло-

молодаго человѣка, которой охотно умерѣ, и котораго въ послѣдніе дни утѣшалъ я планомъ, сдѣланнымъ мною для сестры его, просившей меня доставить ей въ окрестности моего жилища мѣсто Гофмейстерины при какихъ нибудь хорошихъ дѣляхъ, чшобы она — чего боялся больной — не сдѣлалась посмѣшищемъ или рабою гордыхъ и злыхъ свойственниковъ своихъ. Я съ охотою лилъ масло на сію слабую сторону его гордости, общая, что Луиза будетъ подругою дѣвицы фонъ-Кноспенъ; ибо жена моя дѣйствительно писала ко мнѣ, что такого человѣка ищуть. — О сердцѣ Каролины своей говорилъ я все то, чего оно достойно; и сказалъ ему, что Луиза потчасъ со мною поѣдетъ, будетъ жить съ моею женою и найдетъ въ насъ вѣрныхъ друзей. — Молодой человѣкъ, будучи со мною наединѣ, опдалъ мнѣ еще записную книжку свою, и просилъ меня употребить всѣ способы, чшобы сколько нибудь взять со злобнаго должника его для бѣдной сестры.

Но не могу описать вамъ, чего стоила мнѣ горестъ Луизы, видѣвшей брата своего столь примѣтно къ смерти приближающагося. Скажу только, что я узналъ

узналъ истину сказаннаго однимъ Авторомъ, т. е. что любовь родства есть истиннѣйшій и чистѣйшій союзъ Природы. Какъ протало меня ея стараніе сообщить мнѣ хорошее понятіе о братѣ своемъ! Когда онъ засыпалъ, она тихонько рассказывала мнѣ о первыяхъ лѣтахъ дѣтства его, о любезной живости его духа, о привязанности къ своимъ соученикамъ, о его услужливости, добросердечіи, красотѣ, мягкости чувствъ; по томъ изображала его юношество — „Вы видите по знакамъ его любви и благодарности ко мнѣ, по довѣренности и почтению къ вамъ, какъ чувствительно было сердце его ко всему доброму! Его мягкость, столь естественная склонность молодыхъ людей къ удовольствіямъ, нѣжно образованное шло — государь мой! долѣ ли было его обольстить, и неумѣренностію довести до такого жалостнаго состоянія? „ —

Съ благочестіемъ, но кутно съ горестію и жаромъ, говорила она сложивъ на груди руки: Боже! прости злобнаго оштравила эшова чистаго, благороднаго сердца! —

Съ какою искреннею любовію вливали она въ брата каждую каплю утѣше-

нія — брала горячія руки его — и молилась, чптобы онъ легко и скоро прешелъ въ объятія своего Божественнаго Отца, когда лѣкарь опнялъ у насъ всю надежду! —

Девъ недѣли пробылъ я въ Аженѣ сверхъ того, сколько бы мнѣ для себя побыть надлежало; но на другой день послѣ погребенія молодаго челоуѣка, съ Луизою опшуда выѣхалъ. Я собрался было ѣхашъ потчасъ по кончинѣ его, поттому что лѣкарь и хозяинъ хотѣли въ шишинѣ погребсти шѣло; но мнѣ надлежало исполнить убѣдительную прозбу Луизы, стоявшей на колѣняхъ подлѣ поспели умершаго брата своего, закрывшей и поцѣловавшей съ благоговѣйною любовію глаза его, и благодарившей Бога за его разрѣшеніе и блаженство, кошорое думала она видѣшь на лицѣ его. Она хотѣла его увѣнчать цвѣтами, хотѣла цвѣтами обкласть гробъ его — надлежало его положишь на носилки съ такою бережливостію, какъ бы онъ еще всякое попрясеніе чувствовать могъ — и все сіе дѣлала она съ кропкою горестію о преждевременной смерти его — съ нѣкоторою радостію, что онъ уже не спрадасть и блаженствуешъ! — Сама она по-
крыла

крыла его бѣлымъ плашкомъ своимъ — нѣсколько минутъ въ тишинѣ молилась, опершись на гробъ его — вспала, взяла мою руку, поцѣловала ее и сказала спокойнымъ голосомъ: теперь выведите меня изъ этой комнаты.

Трупъ вынесли и ввечеру погребли. Поупру надлежало мнѣ еще опустить ее посмотришь могилу; ей пріятно было, что онъ лежитъ спокойно въ нѣдрахъ машери нашей, земли. По томъ поѣхалъ я съ нею въ нѣкоторомъ страхѣ, ибо она казалась мнѣ въ необыкновенномъ состояніи; но въ разговорахъ нашихъ оказала она сколько духу, сколько изящныхъ чувствъ въ разсужденіи предметовъ Натуры и наукъ, что я удивлялся въ ней истинной твердости души и чувствительности. Мнѣ и женѣ моей было очень жаль, что мы не могли удержашь ее у себя для воспитанія нашихъ дѣтей и собесѣдованія съ нами; ибо двѣ недѣли, которыя она прожила у насъ, показались намъ часами. Но какъ обстоятельство сего не позволяли, то надлежало искать другаго способа, и почиташь еще за щастіе, что мы могли ввести ее въ домъ богатаго

Кноспена, о которомъ я уже много смѣшного вамъ рассказывалъ. — Вы знаете, что деньги и новая дворянская гордость немного вскружили голову старику и дочери его. Жена умѣе мужа; будучи въ чахошкѣ, въ которой всякая досада умножала болѣзнь ея, и не хотѣвъ оставить дочери своей безъ всякаго присмотра, просила она насъ сыскать хорошо воспитанную женщину, которая могла бы быть у нее въ домѣ Гофмейстериною. Каролина потчасъ вспомнила о Луизѣ, и предложила ее; а какъ Господину фонъ-Кноспену и дочери его сказали, что дворянину прилично держать у себя въ домѣ такую Гофмейстерину, то предложеніе было принято. Небольшой остатокъ Луизина имѣнія употребили мы на ея нарядъ, въ которомъ показалась она прекрасною. — Госпожа Кноспенъ при смерти своей отказала ей половину своей гардеробы и тысячу гульденовъ деньгами, за то попеченіе, которое она всегда о ней имѣла. — Послѣ смерти матери ospалась Луиза при дочери; но она почитала себя давно уже вышедшею изъ шѣхъ лѣтъ, въ которыхъ надобно учиться, и по тому ничего отъ Луизы не требовала, кромѣ смотрѣнія за ея нарядами,

ми, и совѣща, когда дѣло шло о выборѣ или формѣ новаго убора.

Г. фонъ-Шпорренъ, по случаю и безпорядочной жизни разорившейся дворянинъ, началъ свашаться за дѣвицу фонъ-Кноспенъ. У него были двѣ деревни, прекрасной замокъ и двое дѣшей отъ перваго брака. При дѣсяхъ немного поостановились; но какъ Господинъ фонъ-Шпорренъ увѣрилъ, что онъ отошлетъ ихъ къ одному родственнику своему, по и отецъ и дочь были довольны. Написали о томъ къ сыну, которой былъ тогда еще въ Англіи. Онъ дѣлалъ возраженія, и просилъ отсрочить свадьбу до его возвращенія. Отецъ думалъ, что онъ хочетъ предложить въ женихи какого нибудь иностранца. Но дочь, знавшая своего брата, и увѣренная, что онъ, подобно покойной матери, весьма недоволенъ былъ тѣмъ, что фамилія ихъ вышла изъ круга мѣщанскаго сословія, такъ улестила отца, и мысль, что съ нимъ разстанется — хотя бы и для какого нибудь Князя — была для нее такъ несносна, что она скоро опять сдѣлала изъ слабаго старика все то, что хотѣла. И Шпорреновы родственники восставали противъ сего союза; но

чѣмъ болѣе препятствій, тѣмъ болѣе желала дѣвушка, вопреки вѣмъ, быть Госпожею фонъ Шторренъ. Коротко сказать, старикъ Кноспенъ прибавилъ къ приданому десять тысячъ гульденовъ, и свадьба свершилась еще прежде, нежели все нужное для невѣсты сдѣлать успѣли.

И Луиза со всюю скромностію дѣлала нѣкоторыя представленія, но съ гордостію и суровостію велѣли ей молчать. Послѣ чего она по моему совѣту не говорила ни слова и помогала готовить приданое. Все богатое казалось не богато, и драгоценное не драгоценно. Замокъ Шторрггаузенъ былъ снова убранъ. Серебряной сервисъ, карета, лошади — все было великолѣпно. Молодая Госпожа взяла Луизу съ собою; но какъ она по совѣтовала обходиться получше и попише съ Гохвалдскою фамиліею, которая была въ свойствѣ съ Господиномъ фонъ-Шторреномъ, то ей сказали, что въ домъ надобна не Гофмейшерина, а служанка.

И такъ старикъ Кноспенъ взялъ ее опять къ себѣ, потому что она умѣла смотрѣть за домомъ, и отъ покойной жены была именно ему поручена.

Наконецъ пріѣхалъ сынъ. Но какъ уже поздно было помѣщать сестрину замужству, то онъ ни слова о томъ не говорилъ; пріѣхавъ же въ первый разъ съ отцемъ своимъ въ Шторргаузенъ, былъ очень невеселъ и противъ Луизы почти неучтивъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что такая разумная женщина, какою она показалась ему, не воспрепятствовала ему непристойному замужству. Наконецъ спросилъ онъ у своего отца, для чего Гофмейстера сестры его по сіе время живетъ еще у нихъ въ домъ, а не у нее? Тутъ услышалъ онъ множество жалобъ на Луизу; но сія жалоба и слова отца его, „что онъ эту бѣдную дѣвушку принялъ только въ удовольствіе покойной жены своей, и держитъ единственно для того, что мать его почтала за нѣчто важное шѣ услуги, которыя Луиза ей дѣлала, хотя въ этомъ случаѣ она исполняла только должность свою, и проч.,“ заставили его переменить прежнее свое мнѣніе и открыли ему глаза. Вдругъ почувствовалъ онъ сожалѣніе и почтеніе къ Луизѣ. Онъ увидѣлъ, что ему надлежало поправить свой просупокъ, награждать услуги, оказанныя любезной машери его, и заглаживать гру-

бые поступки, сносимые съ такою крепостію. Сердце его также взяло въ шомъ участіе. Коротко сказать, Луиза имѣла нѣжнаго любовника прежде, нежели думала, что молодой Кноспенъ можетъ ее терпѣть. Здѣсь сообщаю вамъ письмо ея, которое привело насъ и въ радость и въ недоумѣніе.

*Луиза М * * * къ Господину Гутгофъ,*

Я должна, дражайшіе друзья мои, претребовать отъ васъ совѣта въ важномъ и спранномъ дѣлѣ.

Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и всѣ люди должны терпѣть что нибудь непріятное — этому вы меня учили; и я сполько увѣрена была въ должности терпѣнія, что не позволяла себѣ даже и внушренно много жаловаться, хошя великое несогласіе между моими мыслями и мыслями сего дому производило многія и ежедневныя непріятности. Замужство нынѣшней госпожи фонъ-Шпорренъ споило мнѣ великой горести. Но все это ничто въ разсужденіи того положенія, въ какомъ я теперь нахожусь.

Сынъ Господина фонъ-Кноспена возвратился. О его особѣ и достоинствахъ [каковымъ онъ мнѣ кажешся] не скажу вамъ

вамъ ничего, кромѣ того, чтобы я сердечно желала — никогда не видашь его.

Я была въ разсужденіи его любопытна, желая видѣть, съ которой стороны богатство и купленной пшуги вскружили голову сыну, зная уже столь точно всѣ смѣшныя спранныости отца и дочери.

Молодой человекъ поступалъ во всемъ противъ отца своего съ почтеніемъ и уклончивостію. Онъ очень хорошо разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, но только тогда, когда его спрашивали; впрочемъ всегда старался заставить говорить отца своего или гостей. Смѣшно было смотрѣть, какъ старикъ нахмурился, когда онъ говорилъ о какомъ нибудь ученомъ, художникѣ, библиошкѣ, натуральномъ кабинетѣ, или о подобномъ сему; и какъ онъ напротивъ того улыбался и надувшись посяматривалъ на гостей и на слугъ, когда сынъ разсказывалъ о дворѣ или знатномъ домѣ, гдѣ онъ былъ, обѣдалъ, ужиналъ, или игралъ съ первѣйшими дамами. Все сіе называлъ отецъ славными издержками! Онъ надѣялся, что сынъ его игралъ щедро, что плашье его сіяло богатствомъ,

спвомѣ, и что манжеты у него были конечно самыя тонкія филейныя. Чѣмъ болѣе онъ подтверждалъ сіе, тѣмъ довольнѣе былъ старикъ; а наконецъ помирился онъ и съ самыми библіошеками и учеными, когда сынъ сказалъ ему, что воспитаніе его весьма похваляли. Сію похвалу бралъ онъ на свой счетъ, уступая сыну его знанія и книги. Но въ разсужденіи Госпожи фонъ-Шторренъ происходили разныя небольшія ссоры. Со мною обходился молодой Кноспенъ холодно и только опчаспи учтиво; а иногда и съ нѣкоторою суровостію. — Горестно было мнѣ (признаюсь) во внутренности души моей, что человекъ, достойной всего моего почтенія, по видимому не уважалъ меня, хотя я въ домоправленіи, въ поступкахъ и въ рѣчахъ своихъ старалась показываться съ самой лучшей и выгоднѣйшей для себя стороны. Два дни не выходила я даже и за столъ, и довольствовалась въ комнатѣ своей однимъ супомъ. На другой день ввечеру увидѣла я, что отецъ съ сыномъ, возвращаясь изъ Шторргаузена, взадъ и впередъ ходили по саду и съ важностію между собою разговаривали. Я сама задумалась и дѣло свое дѣлала весьма медленно; но какъ

какъ же я испугалась, когда молодой Кноспенъ прислалъ провѣдашь обо мнѣ и претовашъ позволенія посѣпишь меня! — А сіе посѣщеніе, любезные друзья мои, навсегда разрушило мое спокойствіе! Ибо никогда еще вкусъ разума и сердца моего не былъ такъ прельщенъ, какъ въ семъ разговорѣ; никогда самолюбію моему не было сказано всего того, что я всегда желала слышать, имѣть и дѣлать.

При входѣ въ мою горницу былъ онъ въ большемъ замѣшательствѣ, нежели я — посмотрѣлъ на бѣлыя стѣны, на соломенные шулья, на худой занавѣсъ у постели, на шкафъ съ книгами и работу мою — и, могу сказать, съ чувствительнымъ глубокомысліемъ — спросилъ прогашельнымъ голосомъ о моемъ здоровьѣ — по помѣ весьма великодушно извинялся въ грубыхъ своихъ прошивъ меня поступкахъ. Онъ признался, что былъ мною недоволенъ, и сіе неудовольствіе умножалось ежедневно, чѣмъ болѣе находилъ онъ во мнѣ здраваго и просвѣщеннаго разума. Онъ приписывалъ мнѣ подлую лесть и корыстолюбіе, потому что я не противилась замужству сестры его. Но какъ отецъ

и сестра его говорили въ тотъ день съ великимъ сердцемъ о моихъ предшавленіяхъ, но онъ къ радости своей можетъ уже предашься влеченію своей души, почувствуя ко мнѣ склонность съ самой минушы, какъ меня увидѣлъ — и желаетъ быть достойнымъ моей дружбы, обхожденія и довѣренности.

Послѣ сего посѣщенія видѣла я его еще пять разъ, отчаспи въ саду, отчаспи въ своей горницѣ. Я рассказала ему фамиліную исторію свою, вспуленіе въ домъ его, а особливо ваши великодушныя одолженія, оказанныя мнѣ въ Ахенѣ, въ домъ у васъ и при томъ случаѣ, какъ вы рекомендовали меня любезной его матушкѣ. Онъ слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ — говорилъ о своей машери съ нѣжнѣйшимъ почтеніемъ. Мысль, что ее уже нѣтъ на свѣтѣ, прогала его до слезъ. Онъ показывалъ мнѣ ея письма, и обходился со мною съ великимъ уваженіемъ. Лице его кажется веселѣе въ моемъ присутствіи. Я должна сказать, что онъ смотритъ на меня съ любовію и радостію, когда работаю, приказываю что нибудь въ домъ, вхожу или выхожу изъ комнаты; часто осматриваетъ меня съ головы до ногъ, когда

иду

Иду по длиннымъ сѣнямъ, по залѣ или по саду; часто краснѣю отъ того, но онъ не хочетъ примѣчать краски моей — и когда бываемъ за столомъ, когда подаютъ кофе, говоритъ все такое, что на меня оковы налагаетъ — оковы почтенія, друзья мои, — къ юношѣ, которой душу и жизнь свою сохранилъ въ такой чистотѣ, какъ украшалъ разумъ свой среди всѣхъ разсѣяній — въ такой тишинѣ и по такомъ размышленіи добро дѣлаетъ!

Ахъ! возьмите меня опять къ себѣ — същипте для меня другое мѣсто — но подалѣе, подалѣе отсюда!

Вчера у меня слезы изъ глазъ покапывались, когда онъ въ саду говорилъ со мною объ Англійскомъ вкусѣ, принесъ мнѣ гравированныя фигуры, чертежи садовъ разнаго рода, которые самъ дѣлалъ, и далъ мнѣ Гиршфельдово *Садовое Искусство*; но мнѣ должно было плакать — ибо въ сію минушу предсказанъ мнѣ брашъ мой. — „Ахъ! сказала я: естли бы вы съ дѣтства были другомъ моего брата, то бы онъ и теперь живъ былъ, и украшался бы, подобно вамъ, юношескою мудростію и добродѣтелію!“, — Друзья моя! я не могла

удер-

удержашься — это излилось изъ сердца моего. Крошкой, прекрасной мѣрѣ растеній, меня окружавшій — любезной молодой человѣкѣ, почто въ лѣпахъ развращившеля брата моего — все видѣнное и слышанное мною — все меня размягчало. Но эпова уже впредь не будешь! Никогда уже не схватить онѣ руки моей, такъ какъ тогда — никогда уже такъ не усремишь (на меня прекрасныхъ глазъ своихъ, улыбаясь со слезами, и говоря, что мое почтеніе ему драгоцѣнно. — Боже мой! спаси меня отъ горести безнадежной любви! есть уже начало къ ней. — Сдѣлайте милость, друзья мои, заступающіе мнѣ мѣсто отца и матери, — вывезите меня отсюда. Попекишься о бѣдной своей Луизѣ! Не браните меня; я не могла удержаться. Охотно хочу — далеко, далеко отъ него ийти въ другой домъ. Но только Гофмейстериною, чтобы меня болѣе уважали; да я и болѣе пользы сдѣлаю и болѣе чести заслужу, и васъ и его благословляю буду.

Отвѣчайте мнѣ съ посланнымъ, кошорой вамъ принесетъ это письмо.

И и жена моя ужаснулись. Мы видѣли, что она любила уже всеиъ сердцемъ. Молодаго Кносена мы не знали. Ешлы великодушіе его было ни что иное, какъ хишрая маска обольспшителя? —

Бѣдная Луиза! сказала добродушная жена моя: ешлы любовникъ будешъ ея сердцу по же, что былъ ей братъ, такъ она очень жалка. Намъ надобно помочь ей. Пусть она у насъ поживешъ, пока сыщется хорошее мѣсто. — Я написалъ къ ней о помѣ дружески и съ сердечною искренностію. Но полько лишь посланной былъ ошправленъ, молодой Кносенъ пріѣхалъ къ намъ верхомъ и желалъ говорить со мною и съ женою моею. Онъ вошелъ въ комнату прежде, нежели мы могли опомнисья. Что же? Прекрасной молодой человекъ, исполненной увѣренности и пришомъ смиренія въ глазахъ своихъ, въ которыхъ было написано правдолюбіе — въ понѣ своемъ и во всеиъ оживляемой откровенностію, съ которою онъ пошчасъ началъ говорить о своихъ чувствахъ къ Луизѣ, — будучи увѣренъ, что никогда не можешъ быть щасливъ, ешлы навсегда не соединится съ нею. „Ему извѣсно было, что она почитаетъ насъ какъ своихъ родителей; и пош-

Часть. XVI. No. 50, К му

му хотѣлъ онъ сперва съ нами объясниться. Къ сожалѣнію, не можетъ онъ открыть своему отцу чистой любви своей къ душевнымъ достоинствамъ. — Луиза хочетъ къ намъ возвратиться. Онъ радъ тому, ибо ему несносно видѣть ее въ услуженіи, и припомъ шамъ, гдѣ не знаютъ цѣны ея, гдѣ съ нею споль худо обходяпся, — хотя бы и весьма пріятно было ему жить съ нею въ одномъ домѣ. Пусть мы возьмемъ ее къ себѣ, подобно какъ хорошіе родители снова принимаютъ въ объятія свои достойную дочь; но намъ должно для него хранить ее, не отдавать ни къ кому въ домъ, и быть увѣреннымъ, что онъ благодарность свою окажетъ на дѣтяхъ нашихъ.,,

Онъ все сіе сказалъ вдругъ, а мы съ Каролиною слушали его, не смигнувъ съ него ни разу и раззинувъ ротъ. — Я удивлялся его, какъ казалось, чрезмерно поспѣшному рѣшенію; но рассказалъ ему припомъ начало и продолженіе знакомства моего съ Луизою, и показалъ письма, полученные мною изъ того города, гдѣ она жила, когда я осведомлялся о ней и небольшомъ остаткѣ ея имущества. Все дѣлало честь ея родителе-

деше-

дителямъ, воспитанію и поведенію. Не могли ничего въ ней похулить, кромѣ чрезмѣрной любви ея къ брату.

Молодой Кноспенъ слушалъ все сіе съ восхищеніемъ. Это радовало меня; ибо все сіе говорилъ я съ шѣмъ, чтобы вселишь въ него почтеніе къ Луизѣ. Между шѣмъ я представилъ ему гордость отца и сестры его, которые конечно не согласяшся вступишь въ такой союзъ съ Луизою. Онъ подтвердилъ сіе, и сказалъ, что не сдѣлалъ еще никакого вѣрнаго плана, но что надѣется на щастливой успѣхъ своихъ желаній. — Мы должны были обѣщать ему продержатъ у себя Луизу годъ, говорить въ пользу его, дозволишь пишеть письма и по временамъ посѣщать насъ. — Онъ уѣхалъ, а мы были имъ весьма довольны. Добродушная жена моя проливала слезы безпокойства и радости о пѣлпельницѣ нашей, за которою черезъ два дни по томъ я самъ поѣхалъ. Молодой Кноспенъ обнялъ меня со слезами, а отъ старика получилъ я наилучшій аттестатъ добраго Луизина поведенія, запечатанной большою высокоблагородною печатью, и съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ шипуловъ и помѣсьевъ купленнаго пергаменша. Я взу-

шренно смѣялся, когда высокоомѣрной старикъ съ такою пышностію велѣлъ своему Секретарю все сіе читать мнѣ, и потомъ сѣлъ подписывать бумагу — ибо я зналъ, что Луиза назначена бытъ обладательницею всей славы сей, получивъ пихонько отъ сына запечатанной пакетъ съ формальнымъ брачнымъ условіемъ. — Сколь различны были въ двухъ комнатахъ распоряженія, осторожность, употребленіе богатства и власши со стороны отца, всемъ обладавшаго, и сына, надѣявшагося всемъ обладать!

Я увезъ свою добычу, и Луиза щастливо прожила у насъ зиму. Она была для нее весьма весела; ибо молодой Кноспенъ прислалъ въ мой домъ прекрасной Англійской клавесинъ, хорошее собраніе книгъ на нѣхъ языкахъ, которые знала ея Луиза, большое количество сученаго и несученаго шелку, и всякаго рода эшампы. Она выращала зимніе цвѣты. Какъ же пріятно было посылать ихъ къ Кноспену, сдѣлавшему Луизину комнату своимъ кабинетомъ, въ которомъ конечно занимался онъ только планомъ, какъ бы возвратить ее къ себѣ въ домъ! Онъ видѣлся съ нею всегда въ нашемъ присутствіи. По временамъ

намъ бывало много горя. Каролина совѣтовала надѣяться на время и терпѣшь. Отецъ былъ имъ доволенъ; только ему хотѣлось, чтобы онъ выбралъ себѣ въ супруги какую нибудь знатную Даму, и былъ бы повеселѣе — Въ такомъ случаѣ хотѣлъ онъ сдѣлать для него нѣчто такое, что бы привело его въ изумленіе.

Сообразно сему, молодой человекъ сдѣлалъ планъ жениться на Луизѣ подъ именемъ знатной Англичанки, но копорая до смерти отца своего не хотѣтъ выѣхать изъ Англіи, и меланхолію свою приписать тому, что онъ живетъ съ нею въ разлукѣ. Онъ и дѣйствительно рассказалъ отцу своему такую исторію, копорой сперва было очень разсердился, но наконецъ далъ свое согласіе, съ шѣмъ договоромъ, чтобы его сноха пріѣхала къ нему и выучилась по Нѣмецки, дабы онъ за свои деньги могъ ее видѣть и съ нею говорить. Мнѣ это не полюбилось, сколь ни мало уважалъ я спарика Кноспена, и хотя онъ самъ нѣкоторымъ образомъ былъ виною такого принужденнаго обмана. Но онъ былъ отецъ — я также. Истина всегда драгоценна. Я всячески старался, и Луиза тоже, уго-

ворить любезнаго юношу до времени по-
дождать; но приготовленіе къ путеше-
ствію шло своимъ порядкомъ. Въ самомъ
началѣ весны хотѣлъ онъ ѣхать. Отецъ
открылъ ему, чѣмъ хотѣлъ его уди-
вить: дѣло все состояло въ большой сум-
мѣ денегъ, положенной въ Амстердам-
ской банкѣ. Онъ позволилъ завести и
Англійской садѣ; много спрашивалъ о
обычаяхъ и обычаяхъ Англии, и радовал-
ся своею снохою, но сынъ увѣрялъ,
что онъ постарается привезти
ее въ Германію. Но снарикъ не дожидъ
до своей радости, а я до той печали,
которую причинилъ бы мнѣ злошъ опѣ-
вдѣ. Хотѣвъ во всемъ поступать по
дворянски, поѣхалъ онъ на охоту съ
своимъ зятемъ; но не устоялъ на пока-
занномъ мѣстѣ, и въ опухлыя ноги его
пришелъ цѣлой зарядъ довольно крупной
доби. Отъ вырѣзыванія доби, а мо-
жетъ быть и отъ незнанія лѣкарскаго,
сдѣлался антоновъ огонь, отъ котораго
онъ и умеръ. Прочее, что мнѣ сказать
остается, вы сами отгадаете. Сынъ
его сложилъ съ себя титулъ Барона,
столько уважаемой покойнымъ отцомъ,
женится на Луизѣ и живетъ нынѣ ща-
сливо, дѣлая щасливыми другихъ.

Пре-

Прекрасная библіотека, давно уже мною желаемая, досталась мнѣ въ награжденіе за Луизу. Кноспена любитъ она такъ же, какъ любила брата своего. Дружба и добродѣтель сей щастливой чепы есть услажденіе жизни моей и Ангельское щастіе для Каролины, копорая отъ нихъ изъ деревни возвращается всегда съ нѣкопорымъ восхищеніемъ, благодаря меня, что я взялъ участіе въ судьбѣ Луизы.

НЕЩАСТНАЯ
НЕОСТОРОЖНОСТЬ,

Нѣмецкой Анекдотъ.

В концѣ прекрасныхъ лѣтнихъ дней
прошлаго году провожалъ я Госпожу
Д * * * въ Карлсбадъ. Къ несчастію на-
шему, близъ одной Саксонской деревеньки,
изломалась у насъ коляска. Сей случай
принудилъ насъ прожить два дни въ ху-
дой корчмѣ. На другой день по прибы-
тіи нашемъ пошелъ я вгости къ Про-
повѣднику сей деревеньки, которой къ
удовольствію моему былъ отецъ одного
изъ старыхъ и лучшихъ моихъ соучени-
ковъ. Онъ принялъ меня какъ друга сы-
на своего, и просилъ расположиться у
него въ домъ; но я не могъ оставить
Госпожи Д * * *, и не хотѣлъ быть ему
въ тягость, перебравшись къ нему на
квартиру съ нею и со всѣми нашими
людьми. Съ одной стороны домъ его
былъ такъ малъ, что ему самому надле-
жало бы для насъ обратиться въ хлѣвъ къ
коровамъ; а съ другой стороны, во вре-
мя

мя нашего кратковременнаго у него пребыванія лишили бы мы его по крайней мѣрѣ прѣшей части годоваго дохода, и при томъ еще сами потерпѣли бы нѣкоторыя недоспашки. И такъ я упросилъ Господина Магистера прийти къ намъ и быть нашимъ собесѣдникомъ во все то время, пока мы шупъ пробудемъ. Ему было у насъ весело; а за то рассказывалъ онъ намъ исторію тамошней спороны, несчастныя приключенія послѣдней всѣны, и все то, что казалось ему примѣчанія достойнымъ. Во всѣхъ нашихъ прогулкахъ — ибо вездѣ надобно побывать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нечего дѣлать — онъ съ охотою намъ со товариществовалъ. Мы ходили съ нимъ по пріятнымъ холмамъ, съ которыхъ видѣнъ прекрасной Дрезденъ; и осматривали все, даже до мшистаго столпа, стоящаго среди березовой роши надъ гробомъ убишаго незнакомца. Церковь была конечно главнымъ предметомъ нашего любопытства. Ничто не укрывалось отъ вниманія нашего. Каждая надпись была читана и перечитана. Мы уже хотѣли прочь итти; но проводникъ нашъ просилъ насъ заглянуть въ тѣнистой уголъ кладбища. Длинная по-

крытая липовая аллея вела къ сему примѣчательному мѣсту. Мы нашли тамъ — что всякой могъ бы угадать — могилу, на которой прямо стоялъ мраморной камень съ слѣдующею надписью:

„Раймарусъ Ц * * *, котораго душѣ да помилуетъ Господь Богъ, объявляетъ каждому, приходящему по случаю ко гробу его, что онъ по неосновательному подозрѣнію былъ мучителемъ добродѣтельной супруги своей, оставилъ ее по легкомысленности, сдѣлавъ ея жизнь несчастною, и, можетъ быть, ускорилъ преждевременную смерть ея. Симъ признаніемъ долженъ онъ всѣмъ тѣмъ, для которыхъ поступокъ его былъ соблазномъ — всѣмъ имѣющимъ душу подозрительную — всѣмъ поспѣшнымъ въ своихъ заключеніяхъ. — Раймарусъ Ц * * * умеръ 7 Декабря 1770, черезъ два года по кончинѣ своей супруги, и черезъ два мѣсяца по смерти единороднаго сына своего.“

Сія чудная надпись произвела въ насъ глубокое впечатлѣніе. Госпожа Л * * * имѣла еще другую причину брашнаго участія въ сей исторіи, бывъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ въ подобномъ положеніи.

Удо-

Удовольствовались ли мы сухими словами монумента, или велили Музѣ воспѣть печальную пѣснь? Угадать не трудно. Мы почти вдругъ сѣвали усиленно просить Магистера рассказать намъ сіе приключеніе, которое по видимому случилось при его глазахъ. Онъ увѣрялъ, что ему извѣстны всѣ обстоятельства онаго; что онъ долженъ сообщить намъ обо всемъ подробное свѣденіе, будучи къ тому обязанъ покойнымъ Господиномъ Ц * * *; и если не вдругъ удовлетворитъ любопытству нашему, то сіе произойдетъ отъ того, что онъ хочетъ совершенно удовлетворить оному. По наступленіи вечера Магистеръ опять къ намъ явился, и безъ дальнѣйшихъ затрудненій — кромѣ того, что ему надлежало прежде хорошенько поужинать — началъ намъ рассказывать желаемую исторію, которую постараюсь сообщить Читателю моему собственными его словами.

Раймаръ Ц * * * былъ деревенской дворянинъ. Покойные родители воспитывали его къ сему славному роду жизни, и еще при жизни своей имѣли удовольствіе видѣть его совершенно соотвѣпствующаго ихъ ожиданію. Когда онъ въ пошу и въ пыли возвращался съ по-

левой

левой работы, тогда веселилось сердце добродушного отца его, и радостныя слезы текли по его лицу. Въ такомъ случаѣ онъ всегда вынималъ изъ рожу трубку свою — что бывало только въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ — и встрѣчалъ его радостными словами: ну что, спарикъ мой? Мать всегда смотрѣла на него съ нѣжностію, видя въ немъ какъ въ зеркалѣ бывшаго Поручика Ц***, супруга своего, когда онъ былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ. По тому не могла она съ нимъ разстаться и на два дни. Молодой Раймаръ не бывалъ нигдѣ, кромѣ самыхъ ближайшихъ деревень, и только одинъ разъ въ свою жизнь по случаю ярмонки ѣздилъ въ сосѣдственное мѣстечко. Старой Кандидатъ — которой, проповѣдывая однажды въ молодости своей весьма неудачно, рѣшился навсегда отказаться отъ кафедры — былъ Менторомъ нашего молодого дворянина, и въ десять лѣтъ научилъ его столько, что онъ могъ написать чепкое письмо, читать довольно скоро разныя книги, и на фамильномъ клавесинѣ разыгрывать легкія пѣсенки. Впрочемъ онъ былъ молодецъ презрѣдней; и еслили дѣлалъ немного добраго, то по край-

ней

ней мѣрѣ и худаго немного же дѣлалъ. Собственныхъ мнѣній у него почти совсѣмъ не было; но естли онѣ чему нибудь вѣрилъ, то трудно было заставить его думать иначе. Экономія была его душою; и не имѣвъ никакого понятія о распушствахъ молодыхъ людей, черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ пакъ умножилъ доставшееся ему послѣ отца имѣніе, что по справедливости почитался во всей окрестности богатѣйшимъ дворяниномъ. Какой-то древній Философъ — котораго имя вышло у меня изъ памяти — замѣтилъ, что въ хорошемъ шлѣ необходимо должна быть и душа хорошая. Справедливо ли это примѣчаніе, или нѣтъ, не знаю; но вѣрно то, что Нашура, проводившая иногда такимъ образомъ самыхъ величайшихъ Философовъ, и въ разсужденіи нашего Кавалера сдѣлала исключеніе изъ правила. Господинъ Ц * * * былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасной молодой чловѣкъ, или, по просту сказать, кровь съ молокомъ. Прелестную фигуру его сравнивали съ лучшими растеніями стороны нашей.

Тутъ Магистеръ своимъ слушателямъ поклонился и просилъ прощенія,
что

что онъ началъ рассказывать испорію свою съ яиць Леды, надѣясь, что послѣдствіе оправдаетъ его, и что предшешія замѣчанія въ разсужденіи Героя повѣсти заслужатъ благоволеніе снисходительныхъ судей. Мы съ своей стороны весьма учтиво отвѣчали ему на сіе объясненіе, прося, чтобы Господинъ Магистеръ пожаловалъ оставилъ все такія опасенія, и продолжалъ бы все повѣствованіе въ такомъ тонѣ и порядкѣ, какъ ему угодно. И такъ теченіе испоріи началось опять слѣдующимъ образомъ:

Господинъ Ц * * * былъ такъ щастливъ, что многія красавицы тайно о немъ вздыхали; но къ большому своему щастію онъ не примѣчалъ того. Нашъ Раймаръ совсѣмъ не помышлялъ о женитьбѣ при жизни своихъ родителей — спарушка мать его могла еще исправно смотрѣть за домомъ — но смерть ихъ должна была произвести перемѣну въ образѣ мыслей его. Отецъ его, за день до блаженной своей кончины, завѣщалъ ему распространить ихъ фамилію, припомня, что онъ послѣдній въ своемъ знашномъ родѣ, которой ни одному дворянскому роду въ Германіи не усту-

уступитъ въ древности, но которой можетъ съ нимъ совсѣмъ пресѣяться. — Однакожь Господинъ Ц * * * долго не думалъ о исполненіи воли отца своего. Наконецъ надлежало ему ѣхать самому въ Дрезденъ. Тамъ познакомился онъ съ славнымъ Юристомъ, у котораго въ домѣ жила дѣвица Аврора Р * * *, дочь покойнаго Тайнаго Совѣтника Р * * *, воспитавшаго ее весьма хорошо, но не оставившаго ей никакого наслѣдства. По смерти отца была она покинута самыми ближними родственниками, которые, не смотря на дворянскую гордость и богатство свое, смотрѣли на то сквозь пальцевъ, что несчастная Аврора должна была жить у спрячгаго, одолженнаго опцемъ ея, и любившаго ее съ родительскою нѣжностію. Она была тогда въ самомъ цвѣтѣ своихъ прелестей, вступивъ на двадцать первой годъ. Не будучи блестящею красавицею, имѣла многія пріятности и умѣла возвышать цѣну ихъ. Увидѣвъ Господина Ц * * * и узнавъ хорошее состояніе его, тайно пожелала ему нравиться. По чему знашь, думала она, что милоспивецъ мой всегда меня любить будетъ? Къ тому же онъ смертенъ: что наконецъ со мною будетъ?

дешь? — Красота Господина Ц * * *, получившая болѣе блеску отъ руки Дрезденскаго волосочесателя, имѣла можетъ быть также нѣкоторое участіе въ сокровенныхъ движеніяхъ ея сердца. Не лзя было не видѣть ей, что молодецъ нашъ имѣлъ великую нужду въ поправленіи; но она почитала себя способною исправить недоспашки его наилучшимъ образомъ. Душа его, думала она, есть бѣлой листъ: шѣмъ лучше! мнѣ опредѣлено исписать его. — Впрочемъ я не берусь оправдывать ея мнѣнія.

Она умѣла разрѣшить и многія другія затрудненія. Чего не лзя доказать себѣ въ такомъ случаѣ, въ которомъ разумъ предупреденъ сердцемъ! Хотя весьма не пріятно было ей оспавить помѣсто, гдѣ наслаждалась она многими удовольствіями, и разспаться съ друзьями и пріятельницами своими; хотя не могла безъ шрепеша помыслить о зимнихъ деревенскихъ вечерахъ: однакожь она надѣялась отврашить большую часть такихъ непріятностей. Развѣ не лзя посѣщать сосѣднихъ дворянъ? Развѣ не лзя сдѣлать мужа обходительнымъ? Можно назначить собранія, давать балы;
МОЖНО

можно во время карнавала прїѣзжать въ городъ — разстояніе не велико. Будучи нѣжною супругою, могу на все согласить его.

Однакожь Героиня наша, не смотря на искусной планъ свой, никакъ бы не одержала совершенной побѣды, естли бы вдругъ не получила совсѣмъ неожиданной помощи. Ясиѣе сказать, Господинъ Ц*** почувспвовалъ къ ней склонность; однакожь едва ли и самъ онъ зналъ чувства свои — и конечно бы уѣхалъ изъ Дрездена, забылъ свою Аврору и попустилъ въ себѣ послѣднюю искру любви къ ней, естли бы добродушной опекунъ ея, совѣтникъ П*, не раздулъ жара и не воспалилъ сильнаго огня въ сердцѣ его. Сей проницательной человекъ потчасъ вычислилъ всѣ выгоды такого замужства для свей воспитанницы, и дѣло было рѣшено. При первомъ случаѣ напомнилъ онъ Господину Ц*** о родительскомъ завѣщаніи. Совѣсть соединилась съ любовію, и молодой человекъ не доволенъ былъ своею медленностію. Тутъ пошло ближайшее объясненіе. На пр. какова кажется вамъ моя Аврора? — „Любезна, очень любезна!“, — Что, естли бы я

Часть XVI. No. 51. Л пред-

предложилъ вамъ руку ея? — „О! вы бы сдѣлали мнѣ великую милость!“, — — Аврора почла за нужное сказать прямо да! Сомнѣнія, затрудненія, и пр и пр. были бы не у мѣспа. Женихъ не походилъ на жениха обыкновеннаго. Будучи въ самомъ нѣжномъ расположеніи, сѣдился онъ напротивъ своей невѣсмы, не спускалъ съ нее глазъ, нюхалъ табакъ и не говорилъ ни слова, естли его не спрашивали. Такимъ образомъ черезъ мѣсяцъ двѣнца Р*** сдѣлалась Госпожею Ц***. Новобрачные прѣхали къ намъ, и молодая Дама въ первые дни была все еще въ своемъ кругу. Она ѣздила съ учивымъ супругомъ своимъ по госпямъ, и принимала у себя гостей. Въ домъ сдѣланы были великія перемѣны. Приняли еще двухъ слугъ, выписали богатую карету, выбѣлили замокъ, передѣлали и убрали комнаты. Старикъ праздновалъ только три раза въ годъ именины семьи своей, и къ столу приглашали только Земскаго и вашего покорнаго слугу; а у молодыхъ не проходило почти и недѣли безъ обѣдовъ. Воскресенье было мой день; и въ честь покойной барыни должно сказать, что она принимала меня очень ласково, кормила и поила хорошо Экономии-

номической супругѣ ея можеть бышь чувствовалъ непріятность такого поряма; однакожь онѣ выдавалъ деньги безъ всякаго противорѣчія, и только иногда Сентяремѣ смотрѣлъ. Обыкновенно курилъ онѣ двѣнадцать трубокѣ въ день, а шувѣ спалъ курить шесть; при Дѣмахѣ же и трубки въ ротѣ не бралъ. Въ тѣ дни, когда Госпожа Ц*** давала пиры, не ѣдилъ онѣ на охоту, надѣвалъ напудренной парикѣ, кѣф ванѣ съ галуномѣ и шелковыя чулки. Онѣ дозволилъ вести у себя въ домѣ, вмѣсто Нѣмецкихѣ, Французскія карты, и самѣ выучилъ играть въ разныя игры.

Не надлежало ли мнѣ удивляться снисходительности его? Однакожь она была не совсѣмѣ безпредѣльна. Если бы Госпожа Ц*** имѣла поменѣ щеславія и поболѣе разума, то конечно бы навсегда осталась повелишельницею мужа своего, и не упала бы въ ту бездну, къ которой она безразсудно спремилась. Два случая произвели между ими первое несогласіе. Мужѣ швердо рѣшился не умножать уже числа слугѣ своихѣ; но жена шребовала, чшобы сверхѣ прочихѣ принять еще скорохода. Послѣ жаркаго спора дѣло

кончилось шѣмъ, что Госпожа Ц*** прошивъ воли мужа своего, наняла скорохода и подвергнулась всѣмъ слѣдствіямъ, которыя могли произойти ошѣ такого дерзкаго поступка. Господинъ Ц*** имѣлъ еще сполько власти надѣ собою, что въ присупствіи жены оказывалъ свое неудовольствіе однѣми минами. Однакожь скороходѣ не смѣлъ ему показаться; а когда, поѣхавъ однажды въ Дрезденъ, увидѣлъ его впредѣ, то, не сказавъ ни слова, выскочилъ изъ кареты и возвратился домой пѣшкомъ, хотя ему около мили пройши надлежало. Употребленіе пива, которое молодой супругъ изъ учтивости долженъ былъ оставить, подало поводъ къ другому несогласію; но въ эшомъ случаѣ онъ заупрямился, и не могъ терпѣть даже и того, чтобы о любезномъ пивѣ его съ презрѣніемъ отзывались. Когда жена шушила надѣ его вкусомъ, онъ искалъ убѣжища у меня или у своего откупщика, гдѣ ему позволено было наслаждаться любимымъ пивомъ, и гдѣ по старому Нѣмецкому обычаю всегда пивали здоровья. Между шѣмъ, по прошествіи полугода, любовь его къ супругѣ болѣе увеличилась, нежели уменьлась. Онъ часто увѣрялъ меня съ кляшвою,

вою, что Аврору свою любить больше всего на свѣтѣ; что не взялъ бы за нее и Графства; что не пожалѣлъ бы самой жизни своей за одинъ знакъ ея нѣжности. Кому не понятно покажется, что человека можно любить больше всего на свѣтѣ, и припомѣ изъ любви къ нему не оставить такой бездѣлки, какъ ячменной сокѣ: тому совѣшую искать разрѣшенія этой великой странности не въ Мееровой Психологіи, но въ собственномъ сердцѣ своемъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла при началѣ слѣдующаго лѣта. Однажды, съ прочими гостями, приѣхалъ къ господину Ц*** молодой Офицеръ Н***, копорой еще въ Дрезденѣ знакомъ былъ женѣ его, и имѣлъ щастіе нравиться ей лучше всѣхъ прочихъ Офицеровъ. Господинъ Н*** былъ въ самомъ дѣлѣ пріятной человекъ, и развѣ одна зависть спала бы утверждать прошивное. Нашъ Ц*** былъ лицомъ лучше его, но во всемъ другомъ никакъ не могъ съ нимъ сравняться. Въ бесѣдѣ былъ онъ милъ, во всѣхъ поступкахъ опмѣнно любезенъ, въ оспротѣ неистощимъ. Читалъ лучшія сочиненія новыхъ Писателей, а особ-

ливо первыя Виландовы (*). Опѣ шпо-го происходилъ его жърѣ въ дружбѣ — система тайной симпатіи, гармоническаго согласія предсуществующихъ душѣ, встрѣчающихся и узнающихъ другъ друга по соединеніи съ шѣломѣ, и проч. Кто знаетъ дѣятельное свойство такихъ идей, шомѣ не удивится, что Госпожа Ц*** ими восхищилась и прилѣпилась къ молодому Офицеру со всюю силою чистой Платонической любви. Хотя любовь такого роду есть собственно душевное движеніе, однакожь не лѣзя, шобы она и въ дѣйствіяхъ не обнаруживалась. Нѣжность друзей нашихъ часѣ опѣ часу увеличивалась, и наконецъ всякой видѣлъ ее. Кто сидѣлъ подѣ Госпожи Ц***? Молодой Офицерѣ. Кто игралъ съ нею въ карты? Ошѣ же. Съ кѣмѣ она шихонько говорила? Съ нимѣ же. Кто велѣ ее за руку, когда она прогуливалась?

(*) Виландовы сочиненія раздѣляются на дѣѣ эпохи: къ первой принадлежатѣ его пшшеческія сочиненія, Симпатіи и пр.; а къ другой забавныя и острыя, Агашонѣ, Абдериты, Оберронѣ, и прочія, шоторыя наиболѣе прославили его.

валась? Все онъ же. А когда злой духъ вмѣшивался въ дѣло и Господину Н * * * надлежало садиться подлѣ другой Дамы, тогда былъ онъ разсѣянъ молчаливѣ, или говорилъ вздоръ; когда же брали его въ такую партию, въ которой не участвовала Госпожа Ц * * *, тогда онъ задавался, говорилъ пасъ съ санпрандромъ и проигрывалъ вѣрныя игры. Чувствительная Аврора, симпатической другъ, была съ нимъ совершенно одинакимъ термометромъ, показывая всегда пошъ же градусъ шеплоты и холода, которой онъ показывалъ. Однакожь въ нѣжностѣ ихъ не было ничего худаго. По крайней мѣрѣ друзья наши не думали, чшобы невинность ихъ была въ опасности, и чшобы изъ Философической связи могло выпшти какое вибудь зло. Души ихъ были шакъ чисты, какъ небо, гдѣ только одинъ искусной знашокъ погоды и вѣшровъ примѣчаешъ маленькое облачко, которое при всей своей малости можешъ сдѣлаться бурною и грозною тучею. А что касается до Господина Ц * * *, то хопя и зналъ онъ разныя симпатическя лѣварства и тайныя хипрости охотниковъ, копорыя — буде не вѣрить, что есть *actio in distans*

(*) — никакъ не могутъ быть истолкованы: но симпатія душъ была ему совсѣмъ непонятна. И когда прочиталъ онъ нѣсколько страницъ изъ Виландовыхъ Симпатій, найденныхъ имъ однажды на женниномъ пуалетѣ, то мнѣніе его объ этой книгѣ совсѣмъ переѣнилось, такъ что онъ, къ изумленію Господина Н * * *, публично за споломъ назвалъ ее совершенными пустяками, и не смотря на всѣ представленія, никогда уже не хотѣлъ взять ее въ руки. — Трудно ли было при такихъ обстоятельствахъ наполнить голову его подозрѣніемъ въ разсужденіи нѣжнолюбимой супруги? Самая эта нѣжная любовь облегчила злобѣ побѣду.

У Авроры была горничная дѣвка, которая всею сердцемъ полюбила молодого

(*) При сихъ Дашинскихъ словахъ хотѣла Госпожа Л... напомнить Магистеру, что она Дама, и что ему должно перевестись ихъ или на сей разъ удержаться отъ всякой Дашини; но Магистеръ не могъ уже командовать языкомъ своимъ — періодъ стремился быспро, и всякое препятствіе только лишь усиливало быспрошу его.

даго Офицера. Стараясь возбудить въ немъ подобныя своимъ чувства, употребляла она всѣ возможные средства, по романамъ ей извѣстныя. Но Господинъ Н * * * не хотѣлъ примѣчать ея стараний, или въ самомъ дѣлѣ не примѣчалъ ихъ. Между многими хорошими свойствами, украшавшими его преимущественно передъ другими молодыми Офицерами, цѣломудріе было не послѣднимъ. До самаго вступленія въ службу находился онъ подъ присмотромъ дяди своего, которой умѣлъ вселить въ сердце его такую великую любовь къ добродѣтели и благонравію, что ни опасной родъ жизни, имъ избранной, ни примѣры товарищей не могли ввести его въ распутства молодыхъ людей. И такъ ешлы онъ ни мало не отгадывалъ смысла ласковыхъ словъ и пламенныхъ взоровъ горничной дѣвушки, по причину недогадки его было незнаніе въ такихъ дѣлахъ; всякую ласковость почиталъ онъ знакомъ добраго сердца, а пламенной взоръ обыкновеннымъ движеніемъ глазъ, незначающимъ ничего особливаго. Лизета, не ожидавшая такихъ поступковъ отъ молодаго Офицера, очень тѣмъ огорчилась. Ни физическія, ни моральныя

силы ея не позволяли ей открыть истинной шому причины. И такъ одно чаяніе могло изъяснить для нее все дѣло — чаяніе, что конечно какою нибудь другою красавицею занято сердце его. Сперва искала она мнимую совѣспницу свою въ Дрезденѣ; но скоро нашла ее въ самой Госпожѣ своей. Послѣ этой развязки все о естественнѣе было спараться какъ нибудь избавиться отъ такой несносной особы, тайно или явно. Она же думала, что самая должность понуждаетъ ее къ шому. Можно ли допустить, размышляла она, чтобы такая хорошая госпожа воспалилась непопозволенной спраспю? Можетъ быть еще не ушло время спасти ее и разорвать такое обхожденіе, которое для обоихъ пагубно.

Съ такими мыслями она готова была воспользоваться первымъ случаемъ къ произведенію въ дѣиспво своего предпріятія, которой къ нещаспю и не замедлилъ явиться. Слѣдующею зимою Аврора поѣхала въ Дрезденъ и — не знаю, для чего — оставила свою Лизету съ мужемъ въ деревнѣ. Такой чувствительной дѣвушкѣ, какъ она, весьма обидно было опспать отъ Госпжи своей.

ей. Желчь взяла въ ней болѣе силы, и всѣ внутренія укоризны замолкли. Какъ скоро Раймаръ оспался одинъ въ своей комнаѣ, она пришла къ нему, нашла шупъ какое-то дѣло, и не смотря на то, что онъ не любилъ гочорить съ домашними женщинами, умѣла завести его почво въ потѣ разговоръ, которой единственно могъ занимать его. Вселять въ него ревность было бы такъ же напрасно, какъ въ море вливать воду; онъ уже и безъ того былъ наполненъ ею. Надлежало только возбудить страсть его. Къ несчастію Аврора оставила на столѣ кспію съ письма, которе писала она къ другу своему. Хотя не было въ немъ ничего соблазнительнаго — ничего такого, по чему бы безпристрастной судья могъ подозрѣвать честность ея — однакожь оно было писано такъ нѣжно, съ такимъ дружескимъ жаромъ, что впечатлѣніе, сдѣланное имъ въ сердцѣ Раймаровомъ, должно было необходимо обратиться въ худое. Сравнивая съ нимъ нѣ письма, которыя писала къ нему Аврора изъ Дрездена, находилъ онъ примѣтную разность; выраженія казались ему холодны, слогъ сухъ, тонъ самой простой — такъ что онъ дол-

долженъ былъ почитать себя униженнымъ и обманутымъ. Мысль, что онъ любилъ жену свою искренно, былъ прошивъ нее всегда снисходителенъ — мысль, что его презрѣли и промѣняли на другаго, совершенно лишила его того небольшого разсудка, копорой оказывалъ онъ въ обыкновенномъ хладнокровномъ расположеніи. Сперва-было рѣшился онъ никогда уже не видаться съ сунругою своею; но по томъ вздумалъ, что шѣмъ окажется только услугу любящимся и подастъ поводъ къ продолженію порочнаго обхожденія. Тотчасъ перемѣнилъ онъ рѣшеніе свое и отправилъ нарочнаго въ Дрезденъ, съ приказаніемъ, чтобы Госпожа Ц * * * непременно черезъ дващцать чепыре часа возвратилась домой. Я не зналъ объ этомъ ничего; иначе нашелъ бы, можетъ быть, средство предупредить всѣ нещасныя слѣдствія такого запутаннаго дѣла — а естли не всѣ, то по крайней мѣрѣ самыя худшія. Хотя и видѣлъ я, что мой Раймаръ былъ въ это время печальнѣе и шише обыкновеннаго, однакожь всего скорѣе можно было мнѣ думать, что его огорчаетъ разлука съ сунругою. А не любя вывѣдывать того, чего мнѣ не хотятъ добровольно сказывать,

зывать, оставался я при своемъ предположеніи, копорымъ безъ всякой натяжки могъ изъяснять всѣ феномены, примѣчаемыя мною въ Раймарѣ.

Хошя Госпожа Ц * * * сперва удивилась шому, что ей безъ всякаго привѣшствія и черезъ слугу велѣшъ ѣхать домой, и нѣсколько разъ рѣшилась было шребовать другаго приказанія, основаннаго на причинахъ: но тихой, добросердечной другъ ея упросилъ ее немедленно ѣхать, и вызвавшись самъ проводилъ ее, заставилъ Аврору забыть зимнія городскія забавы, копорыми она не успѣла еще совершенно насладиться.

Кажется, что нѣкошорыя люди въ самомъ дѣлѣ предназначены къ нещастію, а другія при всемъ своемъ распушствѣ и безразсудности бывають въ чести и знашности. Думала ли Госпожа Ц * * * о погибели своей? а казалось, будто она нарочно искала ее. Господинъ Н * * * былъ для нее самой худой поварищъ; однакожь, чувшвуя невинность своего сердца, не могла она ничего бояшся. Раймара предувѣдомили о пріѣздѣ его супруги, не забывъ наименовать и спутника ея. Госпожь Ц * * * странно показалоь, что мужъ ее не встрѣшилъ; но она пришла въ

въ ужасъ, когда увидѣла, что двери были заперты, и когда именемъ супруга ея объявили ей, что другой вѣткой, обвалившійся домъ назначенъ ей жилищемъ — а Господину Н*** сказали, что ни въ шотъ день, ни впредь не намѣрены принимать его въ домъ. Сначала она возставала прешивъ такого поступка, и хотѣла непременно видѣться съ мужемъ; но писарь, объявлявшій ей приказъ, съ важнымъ видомъ увѣрялъ, что Господинъ Ц*** никакъ не намѣренъ говорить съ нею, и требуетъ, чтобы исполнили повелѣніе его безъ всякаго прекословія. Она должна была повиноваться; а Господинъ Н*** просилъ у меня ночлега, самаго печальнѣйшаго въ жизни своей. Историю свою рассказывалъ онъ съ такимъ жаромъ, что я почувствовалъ къ нему великое сожалѣніе. Однакожь все дѣло было для меня темъ о. Поступокъ Раймаровъ казался мнѣ совсемъ непонятенъ, и не запираюсь, что я почиталъ его совершенно безумнымъ.

Лишь только спало свѣтань, позвали меня къ госпожѣ Ц***. Какъ она ввечеру вышла изъ кареты, такъ я и нашелъ ее. — Господинъ Ц*** еще у васъ? спросила она прежде всего. Услышавъ,

шавъ, что онъ точно у меня, продолжала: скажите несчастному, чтобы онъ немедленно оставилъ это горестное жилище, возвратился въ Дрезденъ и спрашивался когда нибудь увидѣться со мною. Онъ есть невинная причина гибели моей; или нѣтъ! я сама виновата — проклятая безразсудность моя сдѣлала меня несчастною. Въ самомъ дѣлѣ, Господинъ Магистеръ, была я великою дураю. — Вы ничего не знаете? таки совѣмъ ничего? — О! я и сама ничего не знала. А теперь все знаю, и вамъ также все знать надобно, чтобы подать мнѣ помощь, буде можно. Вчера ввечеру оставили меня въ эпой шюрмѣ, наполненной испареніями хмля и шипленой, но худой печи — среди ночныхъ страховъ и мучительныхъ мыслей. Сальная свѣча, которая и безъ того едва освѣщала большую закопченную горницу, въ полночь угасла. Я не боялива; но въ такомъ положеніи приводилъ меня въ предель всякой небольшой шумъ. Ночь была сама по себѣ ужасна. Буря и проливной дождь, казалось, хотѣли погребсти меня подъ развалинами эпова дома. А всего несноснѣе было то, что всѣ совы, сколько ихъ есть въ здѣшнихъ мѣстахъ, какъ будто

будшо бы нарочно согласились крикомъ своимъ предвѣщать мою гибель. Такъ я сидѣла и дожидалась ушра. Вдругъ послышалось мнѣ, что кто-то идетъ. Въ самую ту минушу вошла ко мнѣ въ горницу женщина съ фонаремъ. Это была Лизета, которая со всѣми знаками искренняго сожалѣнія бросилась ко мнѣ въ объятія и слезы свои смѣшала съ моими, говоря, что она прошивъ шочнаго приказанія мужа своего укралась съ постели, желая еще повидаться со мною; что онъ за день передъ тѣмъ отпустилъ ее отъ себя и велѣлъ ей въ слѣдующій день ѣхать въ Дрезденъ, гдѣ Совѣтникъ П*** будетъ о ней спараться. Дѣлая разные вопросы, узнала я наконецъ то, что ревность причиною гнѣва мужа моего; что онъ часто жаловался на непостоянство нашего пола, и клялъ именно Господина Н***. Болѣе ничего не знаю. Прощаясь съ нею, я поручила ей уведомить Совѣтника П*** о моемъ положеніи и просить его за меня вступиться. Нужно ли мнѣ божиться вамъ, Господинъ Магистеръ, что у меня и въ мысляхъ не бывало шого преступленія, въ кошоромъ меня обвиняютъ? Безразсудность, легкомысленность — или какъ вамъ

вамъ это назвашь угодно — были виною шого, что я забыла полъ свой и вошла въ дружескую связь съ молодымъ человѣкомъ — въ такую связь, копорую между людьми разнаго пола всегда можно шолковать въ худую спорону. Однакожь болѣе я ни въ чемъ не виноваша.

По шомъ она просила меня войши въ ея состояніе и прежде всего постарашься о шомъ, что бы Господинъ Н*** какъ можно скорѣе уѣхалъ. Я шотчасъ исполнилъ прозьбу ея. Молодой человѣкъ, услышавъ такую обидную клевету, вышелъ изъ себя и клялся не выѣзжать изъ деревни безъ шого, чтобы не наказать негоднаго Ц***. Но я представилъ ему, что онъ шѣмъ не только не поправитъ обстоятельство Госпожи Ц***, но еще лишитъ дружбы ея, осмѣлясь вызвать на поединокъ ея мужа, копорого она все еще любитъ, и съ кошорымъ непременно надлежитъ ей помириться, забывъ на шотъ разъ пользу друга своего. Сверхъ шого я далъ ему почувствовать, что въ поступкахъ его было конечно что нибудь подозрительное для Господина Ц***, принужденнаго наконецъ прибѣгнуть къ такимъ худымъ средствамъ; но что все

это можно просить ему по его молодымъ лѣтамъ и неопытности. Теперь, говорилъ я, остается вамъ скорѣе удалиться отсюда, гдѣ вы виновнымъ или невиннымъ образомъ причинили столько несчастія. Вы обязаны, государь мой, обязаны по своей совѣсти и чести всеми силами спараться загладить горешныя слѣдствія своей неосторожности. — Между шѣмъ приготовилъ я для него лошадь; онъ сразился съ бунтующимъ сердцемъ своимъ, побѣдилъ и — передъ вечеромъ отправился въ Дрезденъ.

По томъ немедленно пошелъ я къ Раймару. Тамъ надлежало мнѣ преодолѣть другія трудности, гораздо сильнѣйшую, глубоко вкоренившуюся спрость, при меньшей мѣрѣ разсудка. Я употребилъ все средства, вытерпѣлъ изступленіе гнѣва, грубости, брань, — и при томъ ничего не сдѣлалъ. Раймаръ, не сказывая причинъ, утверждалъ невѣрность жены своей и почиталъ ее порочную любовь къ Господину Н * * * за дѣло доказанное. Онъ говорилъ, что Аврора вообще никогда не исполняла обязанностей своихъ; что ему не понятно, какъ могъ онъ такъ долго терпѣть ея распушную жизнь; что большая часть его имѣнія въ

годъ

годъ истрачена на пиры, на плясье и на другія дурачества; что онъ конечно бы дошелъ до бѣдности и позора, естъли бы еще продолжилось это бѣшенство; что онъ, не смотря на то, не хочетъ съ нею развестися; что жилище ея будепъ починено, а ей опредѣлится порядочное жалованье, которое можетъ причить ея къ хозяйству; что она должна вездѣ убѣгать его и никогда не приходишь къ нему въ домъ. Въ обвиненіяхъ было въ самомъ дѣлѣ много справедливаго, и сама Аврора признавалась въ томъ. Однакожь она утверждала, что не будучи виновата въ главномъ, за другіе прощупки свои терпитъ слишкомъ жестокое и несносное наказаніе. Между многими средствами, которыя она выдумывала для примиренія съ супругомъ, одобрилъ я только одно то, чтобы она написала письмо къ Совѣтнику П * * * и попросила его войти въ посредство, отъ котораго ему по видимому не лъзя было отказать. Впрочемъ, по мнѣнію моему, совершенное терпѣніе было лучшимъ средствомъ; и зная странной нравъ мужа своего, надлежало ей надѣяться не на увѣреніе, но на щастливые случаи, которые со временемъ пришли могли. И

такъ по моему совѣту отправила она весьма прогашельное письмо къ старому благодѣтелю своему, въ ожиданіи, что онъ съ жаромъ за нее вступится и приведетъ дѣла въ прежній порядокъ. Но восемь дней не было никакого отвѣта. Наконецъ, по вторичной прозѣбѣ, получила она въ отвѣтъ такое письмецо:

„Я подробно знаю обстоятельства ваши. Вы, государыня моя, со всѣхъ сторонъ виноваты. Свѣтъ мнѣ довольно знакомъ. Ваши прогашельныя представленія показываютъ мнѣ неправость вашу, но единственно то, что вамъ извѣстны обыкновенныя женскія хитрости. Снесите терпѣливо судьбу свою. Супругъ вашъ поступаетъ съ вами еще очень благосклонно. Вотъ мой совѣтъ — вотъ та помощь, которую вамъ подать могу.“

П * * * .

До того времени она все еще надѣялась; но это рѣшительное письмо совсѣмъ ее сразило. Лишившись чести, друга, пріятелей, всѣхъ невинныхъ радостей, была она оставлена цѣлымъ свѣтомъ и осуждена на всегдашнее уединеніе. Хотя я всякой день посѣщалъ ее и
всѣ-

всячески старался утѣшать, но, не смотря на то, все сердце ея мало помалу наполнялось горестію, шѣло слабѣло, здоровье истощалось. Отъ беременности ея зло еще умножилось, а тяжелые роды привели ее въ такое состояніе, что я почиталъ ее съ того времени совсѣмъ погибшею. Раймаръ, которому я прошивъ его воли всегда говорилъ о бѣдной Аврорѣ, ничѣмъ не могъ быть пронупъ. Онъ всегда швердилъ, что жену свою знаетъ лучше моего, и что она все лицемеритъ, или я сказываю ложь, которую развѣ только добрымъ моимъ намѣреніемъ извинить можно. Жестокосердіе его дошло до такой степени, что онъ не хотѣлъ признавать сыномъ своимъ младенца, рожденнаго его супругою, и дать ему при крещеніи свое имя. Я съ своей стороны на это не посмотрѣлъ; однакожь Аврора къ горести своей узнала его грубой и безумной опзывъ о сынѣ. Того только и недосшавало къ совершенному истребленію надежды, которая можешъ быть еще оставалась въ сердцѣ несчастной супруги. Здоровье ея видимо ослабѣло, и черезъ нѣсколько дней она не могла уже встать съ постели. Раймаръ былъ еще долго непреклоненъ;

но наконецъ моя усиленная прозба и Докторово увѣреніе, что Госпожа Ц*** не переживетъ слѣдующаго дня, побудили его прийти къ ней. Аврора просила меня бытъ при томъ. Ахъ! сказала она, просягивая мнѣ препенущую руку свою; вамъ же обязана я и послѣднимъ благодѣяніемъ! Вы исполняете послѣднее желаніе моего сердца, Теперь умру съ охотою. — Спецъ жизни! воскликнула она, возвыся голосъ и поднявъ глаза къ небу; подкрѣпи слабѣющія силы мои! Я не хочу себя оправдывать; но эштоу несчастной, невинной младенецъ, проливающей слезы — — Тумъ жизненные духи ея опъ сильнаго движенія испощились. Около часа была она въ совершенномъ разслабленіи, приготавливаясь къ послѣдней примѣчанія достойной сценѣ жизни своей.

Ввечеру вошелъ въ горницу Раймаръ, въ которомъ обнаруживалось безпокойство сердечное. Онъ весьма тихо подходилъ къ постелѣ супруги своей, и пошому она увидѣла его уже подлѣ себя. Вдругъ поднялась она съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ. —

Ахъ! эшо вы, любезной другъ мой! Мнѣ очень хотѣлось, чшобы вы у меня

добывали. Слава Богу, что еще васъ вижу! — Не правда ли, что я кажусь вамъ совсѣмъ другою? Я и въ самомъ дѣлѣ перемѣнилась. — Нѣтъ уже во мнѣ этой легкомысленности, этой безразсудности, которая лишила меня любви вашей. — Теперь умираю спокойнѣе, имѣя случай признаться вамъ, что я поступала безумно, чувствителью васъ оскорбила и погубила сама себя, могши быть безъ всякаго труда щасливою. — Только объ одномъ прошу васъ, другъ мой! Соглашаюсь, что вы поступали справедливо, давая мнѣ чувствовать гнѣвъ свой; но этотъ бѣдной, оставленной младенецъ — не виненъ — сынъ вашъ! — Послушайте. Можеть быть черезъ нѣсколько минутъ явлюсь я передъ моимъ Судією. У меня было время обо всемъ подумать и размыслить. Вы имѣли причину почитать меня невѣрною; вамъ могло такъ казаться. Но я была только безразсудна, не будучи невѣрною даже и въ самыхъ мысляхъ. Однакожь я все виновата, и пришла бы въ отчаяніе, если бы помышленіе о благости Божіей не вливало бальзама въ помную душу мою. — При всемъ томъ, дражайшій супругъ мой — вы уже не можете по-

дозрѣвать, чтобы я и теперь васъ обманывала — при всемъ помѣ я лишусь и послѣдняго утѣшенія, естли вы этова плачущаго младенца не сдѣлаете законнымъ наслѣдникомъ своего имѣнія и фамиліи нашей. — Теперь все сказано! — — Тумъ упала она въ обморокъ.

Господинъ Ц*** слушалъ всю рѣчь ея не шрогаясь съ мѣста, но сердце его было въ великомъ волненіи. Подумая нѣсколько времени, признался онъ въ своемъ ослѣпленіи, и проливая горькія, горькія слезы, оказывалъ искреннее раскаяніе. Какъ скоро супруга его пришла въ себя, онъ опять подошелъ къ ея постелѣ, и цѣлуя охладѣвшія руки ея, сказалъ: дражайшая, любезнѣйшая Аврора! знаю, что теперь уже все поздно; однакожь можно и должно еще увѣришь тебя, что вся любовь моя къ тебѣ возобновилась. Сынъ твой есть мой сынъ. Прости мнѣ, Ангелъ! жизнь моя будетъ и такъ несчастна. — Умирающая опвѣчала ему послѣднею нѣжною улыбкою. Она сказала нѣсколько непонятныхъ словъ, и еще прежде разсвѣта испустила духъ въ моемъ присутствіи.

Раймарѣ долго оплакивалъ смерть ея. Одинъ сынъ, нѣжно имъ любимой, могъ его нѣсколько утѣшать. Я всякой день посѣщалъ его, и могу сказать, что довѣренность его ко мнѣ весьма увеличилась, такъ что онъ не предпринималъ ничего важнаго безъ моего совѣта. Воспитаніе сына его было бы конечно поручено мнѣ, естли бы Провидѣніе не благоволило взять его изъ здѣшняго міра, какъ скоро исполнилось ему два года. Эпоть второй ударъ жестоко поразилъ сердце Раймарова. Старыя раны снова открылись, и, по собственнымъ словамъ его, спали неизцѣлимы. Скоро впалъ онъ въ мрачную меланхолю, которой я со всемъ своимъ стараніемъ не могъ прогнать. За нѣсколько недѣль передъ концомъ своимъ распорядилъ онъ свое имѣніе, завѣщавъ употребить его на разныя благодѣшельныя заведенія. Проценшы съ тысячи талеровъ опдалъ онъ церкви нашей, съ тѣмъ договоромъ, чтобы сохранить навсегда память исторіи его, и чтобы всякой проповѣдникъ рассказывалъ ее всѣмъ любопытнымъ. Мнѣ особливо поручено было сооруженіе монумента, къ кошорому онъ самъ сочинилъ надпись. Въ послѣдніе дни жизни

его я почти не отходилъ отъ его постели. Обстоятельства смерти его увѣряюшъ меня, что онъ перешелъ въ жизнь гораздо лучшую здѣшней. —

Такимъ образомъ окончалъ Магистеръ свою повѣсть. Мы отъ всего сердца благодарили его, просили, чтобы онъ и въ слѣдующій день пришелъ къ намъ, и пожелавъ ему доброй ночи, съ нимъ разстались.

Н О Ч Н А Я С Ц Е Н А ,

*(Изъ бумагъ одного почтеннаго молодого
человѣка)*

Ахъ, какъ холодно! — Нѣшѣ жижины, нѣшѣ одра для успокоенія цѣпенѣющихъ членовъ моихъ! — Спарѣя и немощенъ, и нѣшѣ у меня силъ къ работѣ, — Свирѣпой сынъ! ты перзаешь, мучишь меня! — Свирѣпой! я лищаль себя пищи, презираль для себя голодъ; забавляль себя, ходилъ за тобою въ дѣшсшѣ, когда ты былъ боленъ. Часто слезы мои орошали лице швое. Тогда ты еще любилъ меня и съ кропкою скорбiю спрашиваль: „что ты, батюшка? о чемъ ты плачешь, батюшка? Моя болѣзнь уже прошла. Видишь, батюшка, что я здоровъ, „ — Ты приподнимался съ постели, обнималь сѣдую голову мою слабыми своими руками, и говорилъ: „не печалься обо мнѣ: я здоровъ и чувствую въ себѣ силу „ — говорилъ и упадалъ опять на постелю; хотѣль еще говорить, но не могъ. Наконецъ ты въ самомъ дѣлѣ спаль здоровъ, бодръ и силенъ; могъ бышь добрымъ сыномъ, правою рукою моею — но ты выгналь меня изъ жижины на снѣгъ

снѣгѣ и холодѣ. „Пекись самѣ о себѣ, батюшка, говоришь ты, пекись самѣ о себѣ. „ — Ахѣ, какѣ же я о тебѣ пекся! сѣ какимѣ раченіемѣ тебя воспитывалѣ! — Чудовище! ты заставляешь отца своего на спарости помиться, а самѣ сидишь дома вѣ изобиліи. — А! я слышу смѣхѣ! . . Уже ли сынѣ смѣется надѣ горестію отца своего? — Ревѣ жестокой бури для меня не такѣ ужасенѣ, какѣ сей смѣхѣ. — Ахѣ, какѣ холодно! зубѣ обѣ зубѣ спучится отѣ спужи. — О сынѣ, сынѣ! желчью и полынью наполнилѣ ты чашу отца своего, и — выгналѣ его! — Острымѣ кинжаломѣ пронзается сердце мое. Чшо я сдѣлалѣ тебѣ, сынѣ мой? Я увѣщавалѣ тебя бышь добродѣшельнымѣ, когда ты пировалѣ сѣ развращенными; ибо сіе было для меня мучительнѣе самой смерти. Долго молчалѣ я; но наконецѣ спалѣ говоришь — сердце мое снова наполнилось родительскими чувспвами. Говорилѣ какѣ отецѣ, а не такѣ, какѣ подлой ласкашель. Огнь сіялѣ вѣ глазахѣ моихѣ — я препеталѣ отѣ ревности, и бѣлые волосы мои на головѣ волновались. Сильна была рѣчь моя. Ты вспалѣ, подошелѣ — — Нѣшѣ, я не могу выговоришь.

ворить. Сынъ, сынъ! ты поднялъ руку вышолкалъ вонъ стараго сѣдаго отца своего. Ты сынъ мой? нѣтъ, ты уже не сынъ! Горе, горе мнѣ! Что я сдѣлалъ тебѣ, сынъ мой? — Горе мнѣ! старикъ, отецъ твой забнетъ. Какъ снѣгъ валился на него! — Куда иду, куда? Развѣ здѣсь никого нѣтъ? Развѣ ни одинъ человекъ не сжаился надъ бѣднымъ старцемъ? — Никто не слышитъ моего голоса; ибо въпрѣ шумитъ въ лѣсу. — — Чувствую смерть въ жилахъ своихъ; все во мнѣ цѣпенѣетъ. Горе мнѣ, дрожащему отъ холода! Не я хочу умереть передъ жилищемъ оцубійцы. Ликуй и радуйся: увѣщатель лежишь мертвою! — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ мстить не должно. Господь говоритъ: не мстите за самихъ себя. — Сей камень будетъ для меня смертнымъ одромъ. Обнимаю тебя, смерть, конецъ мученія моего! подобно какъ обнимаютъ пришедшаго друга. — Здѣсь лежу я умерщвленной сыномъ — бѣдной старецъ умираетъ на холодной землѣ. — Ужасно, ужасно! — Оставленъ людьми, всѣми, и сыномъ своимъ — — едва могу удержаться отъ кляшвы. Но какъ мнѣ клясть того, кошораго еще любитъ душа моя?

Воз-

Возвратись къ добродѣтели, помысли о своемъ преступленіи и плачь — плачь обѣ оцѣ, о самомъ себѣ! — — А! — сонъ — приходитъ тихо — когда день проведенъ добродѣтельно. — Прости, сынъ! — покойная ночь! — —

Такъ стеналъ старецъ, и вѣтръ съ шумомъ разносилъ его стenanія во всю долгую ночь. Казалось, что Натура была возмущена сею сценою. На другой день поуспру нашли его мертваго; сложивъ руки, лежалъ онъ на камнѣ.

ПРИМѢРЫ СМѢШНАГО НЕВѢЖЕСТВА,

Анекдоты.

Одинъ дворянинъ хвалился своими путешествіями, именуя множество земель и городовъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, такъ что по его словамъ онъ объѣздилъ почти цѣлой міръ. По этому вамъ очень знакома Географія? — сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я не былъ въ ней; однакожь близъ ее проѣхалъ.

Храброй, но въ наукахъ несвѣдущій Генералъ пришелъ въ книжную лавку купить ландкарту. Книгопродавецъ спросилъ у него: какая карта угодна Вашему Превосходительству: генеральная, или специальная? — Другъ мой! сказалъ Генералъ съ жаромъ: развѣ ты не знаешь, кто я? — „Милостивой государь! я имѣю честь знать, что вы Господинъ Генералъ * *.„ — Такъ на что же спрашивать, какая мнѣ карта надобна: генеральная, или другая? Это уже разумѣется.

Старой бравой офицеръ былъ въ компаніи съ учеными людьми, гдѣ съ великимъ жаромъ говорили объ Аристотелѣ. Одинъ весельчакъ спросилъ у него, что онъ думаетъ? „Я думаю, отвѣчалъ добродушной старикъ, что иной во всю свою жизнь не бывалъ въ Аристотелѣ, а болшаетъ объ немъ.„ — И такъ онъ думалъ, что Аристотелемъ называется какой нибудь городъ.

КОНЕЦЪ XVI ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

XVI Части.

	Стран.
<i>Кораблекрушеніе.</i>	3
<i>Осада Количестера, Драма.</i>	65
<i>Прибавленіе къ Драмѣ.</i>	116
<i>Чудной Характеръ.</i>	124
<i>Анекдотъ.</i>	129
<i>Щастливое Знакомство.</i>	130
<i>Нещастная Неосторожность.</i>	168
<i>Ночная Сцена.</i>	203
<i>Примѣры смѣшнаго невѣжества</i>	206
